

В. Антуфьев

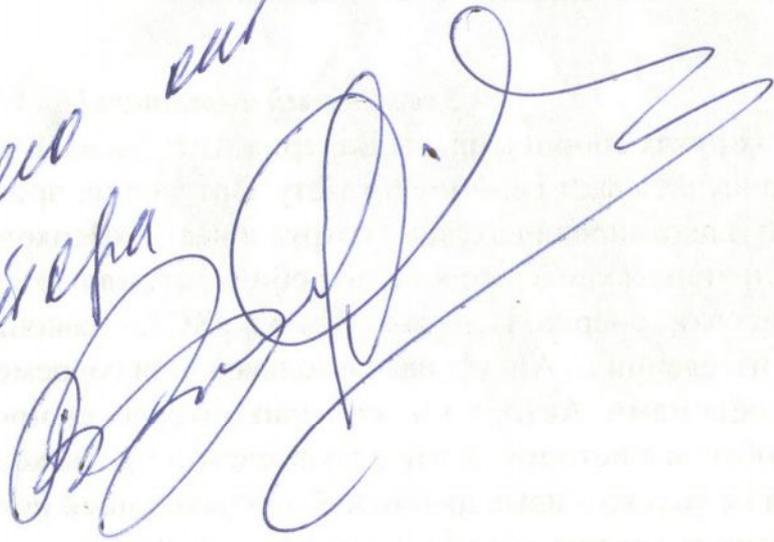
Над белыми

плесами

В. Антуфьев

Над белыми плесами

*Адресо
автора*

A large, stylized handwritten signature in blue ink, consisting of several loops and flourishes.

27.09.06

с. Верховажье, 2004 г.

Уважаемый читатель!

В твоих руках сборник прозы Валерия Антуфьева. Его имя давно знакомо тем, кто выписывает районную газету. Вот уже на протяжении многих лет Валерий Владимирович активно сотрудничает с «Верховажским вестником». На его страницах увидели свет и полюбились землякам почти все его рассказы, зарисовки, очерки. Печатался он и в «КС», «Завалинке», «Дачной». Герои произведений В. Антуфьева не только наши современники с их радостями и проблемами. Автора так же живо интересует прошлое нашего края, его самобытная история. Язык антуфьевской прозы колоритен и ярок. Ему удаются не только живые диалоги. С непреходящей нежностью и любовью он описывает красоту северной природы, родных мест.

Валерий Владимирович - увлеченный краевед, непрменный участник всех массовых мероприятий в родном Осташеве. Его заветная мечта - продолжить дело деда Иллариона и вырастить сад, подобный дудоровскому, у своего дома.

Надеемся, что сборник прозы В. Антуфьева найдет своего читателя, поклонников его самобытного таланта станет еще больше. Желаем автору новых героев и произведений, исполнения творческих замыслов, счастья и благополучия.

*Матери моей,
Раисе Степановне, посвящаю.*

***Вспоминая век
минувший...***

Автор благодарит за поддержку и помощь в издании сборника главу Верховажской районной администрации Ю.В. Ордина, заведующую отделом культуры В.П. Гулину, редакцию газеты «Верховажский вестник», Т.Н. Герасимовскую, Н.П. Самылову, Н.А. Юрину, В.Л. Боровикову, Н.П. Полежаеву, Г.В. Проворову, В.В. Машьянова, В. К. Горохову, О.Н. Платову.

СУМЕТЫ

Часть первая

Зимние ночи, длинные и томительные, побуждают к раздумьям людей старых, поживших на белом свете. И к старости своей каждый старается дать себе ответ на вопрос: а ладно ли жизнь прожита? В мои 85 этот вопрос я задаю себе все чаще и чаще - прожито ведь, худо ли, добро ли...

Придет время, и река моей жизни иссякнет, усохнет и сотрется в памяти живущих. И останется на земле незаметный могильный холмик - «быща и погребена...».

«...В поте лица своего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят, ибо прах ты, и в прах возвратишься...» (Библия, гл.3, ст. 19 от Моисея).

Родилась я в 1915 году, в сентябре месяце, 5 числа, в Луппов день. Поспевала брусница, наливалась на болотах жеравлица, первые заморозки по утрам начались - осень золотая на дворе. У землепашца пора страдная - уборка в самом разгаре. Все, что Бог дал, прибрать надо - впереди зима.

Родилась - голос подала. Живая душа на свет Божий явилась, новый рот в семье, подарок к зиме, завивай, родители, и на мой пай лишний суслон жита.

Пока то да се, на тринадцатый день, 18 сентября, окрестили меня, дав имя «Раиса (в святцах поминались мученицы Раиса, Лизавета да Ироида). Ну и ладно, Раиса так Раиса. Огляделась, семья крестьянская, середняки: дед с бабушкой, тетка - сестра отца, мама с тятьей, брат Иван, да сестра Клавдия. Перевалило мне за год - тетка Анна сказала: «Будет жить. Яро за жизнь ухватилась. Прибавляй, братушка, озимой ржицы на пуд другой - едок растет, работница будет. Вишь, как выплясывает!»

А дело в том, что трое детей, до меня родившихся, умерли, не дожив до года. Не редкость для того времени. «Бог дал - Бог взял. Наживем еще». Не оставил Бог без внимания сию просьбу и дал моим родителям ещё Лизавету, Павлика да Федора. Отцу тогда уже пятьдесят лет было, а матери тридцать девять.

Но все это будет после, а пока посмотрим на хозяйство середняка в 1916 году. Вел дом дедушка Иван. Он говорил что, как и кому делать, сколько скотины в зиму пускать, где новину распахать, какую работу начинать - все от него. Женщины вели хозяйство - бабушка Александра тут старшуха. Работы всем хватало. Держали пять коров дойных, две лошади и жеребят на замену, овец голов 20-25, поросенка, либо двух на году, кур, тех и не считали. Коров

высокоудойных не было, но молока хватало и масло сбить, и гущу (творог) сварить. На стол попадало и парное, и пресное молоко, простокваша, устой (сливки) и сметана, пахта и отметки (пенки от топленого масла). Стояло на столе и жареное (топленое) молоко, и селянка (омлет из русской печи). Сыворотка шла скоту, из гущи делали еще и разнообразные сыры.

Старики говаривали: от коровки главное - навоз, а молочко - дело второе. Вся солома перерабатывалась коровами на навоз - хлеб для земли-матушки. Не зря его называли назем - как мягкое одеяло на кровати.

Лошадок лелеяли - они главное тягло в семье. И сенцо лучшее им, и овса вдосталь. Сбруя ухожена, телега на железной оси, кузнецы-то на деревне свои: плуг и соха, дровни и сани выездные наготове, подвозки и волокуша, бороны деревянные плетеные с коробом для камней для веса. Была борона и с железным зубом, и много чего другого, для землепашца необходимого. Даже жатень гладко выструганный всегда наготове.

Овечки давали шерсть на валенки, носки да рукавицы, кожи на шубы и полушубки, а для стола - мясо. Отец еще занимался охотой: птица, зайчатина шли к столу и на продажу. На лося, медведя и волка ходили всей деревней. Добывали белку, выдру, куницу на мех.

Любил отец и рыбалку. Водилась рыбка в Кулое, ох водилась. Летом, перед Христовым праздником, и с неводом мужики хаживали – зелени закинут на ямы, а потом с неводом обходят. Уловные - ямы были разделены между сельчанами и деревнями. А мы, ребятня, платками с головы ловили в Кундеве меев и пескарей ведрами. Бабушка, помню, пекла в ржаном тесте рыбник-сотельник из меевы.

Убрыв урожай, отец уходил на заработки. Пилили лес на доски и плахи. Работали маховой пилой вдвоем с напарником, а осенью недели две ходил по деревням - забивал скот. Хорошим забойщиком отца почитали и звали резать скотину.

Женщины, помимо обрядов со скотиной и огорода, еще пряли шерсть и лен, занимались ткачеством, вязанием и шитьем одежды для всей семьи, пекли хлебушек, стряпали, водили детей. Ох, лучина-лучинушка, сколь тебя изожгли по России-матушке, коротая зимние вечера за прялками, сколь тоскливых песен перепели!

Дом наш был просторным: перед-пятистенок, середка со въездом и двором, две клетки и темная, поветь, да зимняя изба - передняя, куть и горница, печь битая, полати. Конюшня, да два хлева для скота, погреб со снеговой ямой для лета, припас хранить, да на огороде, сыздале, баня по-черному, с каменкой. Закутки и загоны для лета скоту, крытый сарай под инвентарь и сбрую. За огородом гумно с ригой, с опашнями и микиленкой - долонь на гумне плотная - вода держится, ни одно зернышко в щель не укатится.

Вот, вроде, и все хозяйство. Может, что по детскому уму и забылось -

вспомню, так и позже скажу. Кабы не война, не пришлось бы мне доживать в отчем доме. Девка в семье - отрезанный ломоть. За мужем уйдет, а дом младшему сыну блюсти, стариков докармливать, свою семью растить. Из века так было.

О, том, что дале было, рассказ впереди, а сейчас поведаю о том, как мы предков своих искали. Из рассказов бабушки и тетки Анны-«Малечки» знала я, что была в нашем роду сноха Марфа-спасовлянка (от Спаса из Тарноги) и Иван-другой (значит, второй, первый не выжил), у моих родителей тоже два Павлина было (один умер в детстве), прадед в четвертом колене. Вот при них наш род и вышел в середняки. Отец Марфы имел в Спасе торговую лавку и слыл зажиточным мужиком. Иван ходил к Спасу валенки катать - хороший каталь был, да на тальянке хорошо играл. Он и работал у этого купчика зиму в каталях и завлек девку игрой на тальянке, да и сам, говорят, недурен собой был.

Высватали девку, богатое приданое за ней дали. Девка грамотной была, набожной, в церковь ходила, в церковном хоре пела. Детишек у них пятеро было, одного Степаном в честь деда назвали. В семье долго хранили старый рукописный псалтырь в кожаном переплете с застежками - говорили, от Марфы-спасовлянки остался. В лихолетье псалтырь исчез, но хранили старый поминальник, где были записаны имена родных для церковного поминания. Текста-то на листах почти не видно, а записи красными чернилами почти все сохранились. В церкви сказали, что сначала писали поминание о родителях своих, а потом имена родных и близких, в бозе почивших.

Выходит, что Марфа восстановила родовую ветвь нашей семьи. Ею записано: «Родедю да Любаву, Нечая да Анну, Мосея да М... (стерлось), Степана да Ле... (стерлось), Ивана» (нарисован православный крест и стоит дата; 1857 год). Уже другим почерком; «Манефа - 1863 г., Степан - 1894 год - Ра... (стерлось)».

Стали гадать и думать, и решили так; не графский титул ищем, а имена землепашцев нашей семьи восстанавливаем. Если Марфа по своему роду прошла - то по матери род пойдет, если по Ивану - то по отцу. По Ивановой-то ветви, записано наше прозвище «Дедины» - не от Родеди ли, фамилия-то Друговские - не от Ивана ли другого.

Ну, вот, что по рассказам знала, вроде все вспомнила. В другой раз о земле-матушке поговорим. Сейчас решают - то ли продавать ее, кормилицу, то ли оставить тем, чьи предки на ней пот проливали, и оскудеть земле не дали, кормились от нее и семьи кормили. У земли без работы не остаются, говаривали старики. А сейчас слушаешь - безработица кругом. Кланяйтесь, родимые, земле почаше - при работе будете и сытые будете.

Часть вторая

Деревня-то наша любая прежь была, сухая, улица с обеих сторон ока-навлена. К домам мосточки проложены, огороды исправны, в основном тын от кур. Для перегона скота выгорожена улица, поля все огорожены, сенокосы «осяком» обойдены, пожарный навес на деревне с инвентарем. Скот пасти нанимали пастуха. Овец пасли подворно - это дело подростков. Кони после пахоты ходили вольно, на жожаках колокольцы, чтоб узнать, где табун ходит. Нужных для работы лошадей кормили дома.

По данным сельсовета (похозяйственные книги, Осташевский сельсовет 1926-28 гг.), к 28-му году в деревне было 27 домов, 140 человек населения. Работало три кузницы, а савинские кузнецы широко славились. «А на Савинской-то кольца льют, кузнецы-то чего надо накуют» - пелось в частушках.

25 лошадей рабочих, одиннадцать голов молодняка, 69 коров дойных и десять голов молодняка, 72 овцематки, 20 дворов для скота, 34 хлева, 18 амбаров, 18 гумен с овинами и ригами для сушки зерна, 17 конюшен, 17 повозок, 14 плугов железных, двадцать борон - большое хозяйство.

Советская власть была себе на уме. Прекрасно знала и учла все перед коллективизацией. У кого что есть - все записано. Есть записи по каждой семье, кто грамотен, кто - нет. Из 140 человек грамотных было 56, в четырех домах в деревне не было грамотного ни одного.

Без скота и лошадей жили Серафима Афиногеновна - старушка, Шестаков Михаил Матвеевич - «Матюша», Друговской Александр Александрович - «Мартынков» по прозвищу. В этих семьях жили по два человека - все престарелые люди и вести хозяйство уже не могли, не под силу держать скот.

Кузницы имели Брагин Варсонофий Андреевич, Брагин Иван Калиндрович и братья Брагины, Иван и Алексей Алексеевичи по прозвищу «Олешины». Была у них и веялка для сортировки семян. Все три семьи большие - по 8-10 человек - жили исправно. Земли было маловато, а наволоков для заготовки кормов достаточно. Была трехпольная система земледелия: пар, озимая рожь и яровые со льном. Основной хлебушко – это рожь-матушка, хоть черен хлебушек, да ядреный.

Рожь в любой год давала урожай, а яровые не всегда, то засохнет, то под ранний заморозок попадет. Пахали сохами, позже железные плуги стали приобретать. Деревянные бороны сами вязали, а бороны с железным зубом в кузницах делали. Навоз на телегах в поле возили под пар, разбивали его вручную. Кроме ржи, сеяли жито (ячмень), пшеницу, овес и лен (клеверов в культуре не было - хватало на корм сена с естественных сенокосов).

На огородах садили картофель, репу (галанкой звали), турнепс, капусту, огурцы, редьку, табак. Работали в поле много, в мае выезжали пахать, где сухо, отсеявшись на своей полосе, помогали безлошадным и старикам. Брали землю в обработку у бедняков, что не могли сами засеять. Расчет осенью - десятый сноп хозяину земли.

До сева старались успеть поправить изгороди, обходили наволоки, убирали хлам, что в разлив речка нанесет, да и старое стожье убрать надо. До выгона скота на пастбище миром обходили «осяка», правили дороги, мосты. За всходами хлеба смотрели и, если нужно, все выходили на прополку от сорняков.

На Федота (20 июня) начинали вывозку навоза под пар. Торопились до сенокоса запахнуть пары. На 1 июля: «До солнца пройди три прокоса – не будешь ходить босый». А с 12 июля, Петрова дня - все на покосах. Готовое сено складывали в сеновалы, копны, стога. В худое (сырое) лето сушили сено в островьях, зародах. Сенокос, а на рожь-матушку поглядывай - не подошла ли, не пора ли жать?

Рожь поспела - прибавила дела. Серп в руки - и на полосу. Жали серпом весь хлебушек, косами лишь горох косили, но того сеяли немного. У нашего дедушки был такой закон: в сноп положи 10 горсток, завяжи сноп. Для вязок рожь жали раньше, обмолачивали колотушками, чтоб зерно не потерять, и из этой соломы делали вязки для снопов.

В суслон ставили 8-10 снопов, один сноп расправляли - и на верх суслона крышкой. Предварительный учет урожая велся в суслонах. Ну, а у нас дедушка и в пудах считал, и редко когда ошибался. Счет вел так: в суслоне девять снопов, в снопе десять горсток, а в горстке полфунта зерна. Как раз с суслона пуд зерна возьмешь.

Подсохшие суслоны свозили на гумна. Досушивали на овинах и обмолот вели тоже вручную. Новины уже попробовали, на печи два-три снопа посушили, колотушкой обмолотили, на ручных жерновах смололи и хлеба напекли. Ох, и духовит свеженький-то хлебушко: духом кормит, - говаривали старики.

Лен старались вырвать, чтоб попал под августовские росы на вылежку. Лишь бы вовремя успеть, а обработка уж после начнется. А тут грибы-ягоды пошли, все надо успеть - другого лета не будет. Осимые посеяли, хлебушек убрали - до копки картофеля надо безлошадным помочь убраться. Дал Бог хлебушко - не оставлять же его.

Начинают обмолот хлеба, отбирают семена, гадают, что себе оставить, что продать можно. Полнятся закрома в амбарах, работают мельницы и крупорушки. На столе свежий хлеб - цена тяжелого труда хлебопашца. Начиналась подготовка к зиме: прибирали скот, сушили лучину, готовили кудели для пряжи, чесали шерсть на новые валенки да на рукавицы.

Года три со мной старшие ребята водились, а потом уж и я была нянькой. Родился Павлин - нужно было зыбку качать, посуду мыть. А там и за пресенку стали садить - учишь, дитяtko, прясть, да потоньше нитку-то тяни, ребята лучше будут любить. Помню, мама показала, как прядут, как веретено крутят. Я обрадовалась, вечером отцу хвастаю: «Вот, тата, я сегодня уж пряла». А сама встала из-за пресенки-то, она повалилась - да в окно, стекла как не бывало. Не ругали пряху, а все добром обсказали, как и что - на всю жизнь запомнила.

Я выросла и постепенно приучалась к труду на земле. Летом - на сенокосе, и гребла, и косить училась. Боронить учили, сначала на лошадь верхом посадят, повод в руки - и вперед. После умыслила, как в поле крочить (особый прием боронования до посева), чтоб пахота ровно лежала и зерно хорошо заделывалось в почву. Осенью вначале колоски собирали за жнищами, а после и серп в руки подали.

Ох, и много поклонов отдано земельке-матушке, за каждой горсткой зерна нужно было наклониться. Оттого и ценили мы хлебушек. И до сей поры кусочек мимо не брошу и крошки со стола себе в рот тяну.

Часть третья

Период революции 1917 года и гражданскую войну я помню смутно, больше по рассказам старших. Вечера-то зимой длинные, кудельки на вечерованье бабушка вертела большие, так что рассказов велось много. Главное - как с землей будет, да велики ли налоги назначат, какие деньги будут в ходу.

Новости привозили с ярмарки, да солдаты, взятые на войну В 1916-ом, возвращались, да земляки наши из городов приезжали - в городах голодно было. В 1918 году землю переделили, наделили полосами по едокам. Раньше-то по душам было - женщина, дети в счет не шли. Запомнила, что нам земли прибавили. Шуму большого не было, так как основная земля осталась своя, прежняя, а добавили полосы из земель малосемейных, да тех, что обрабатывали сообща, и новины переделили.

Работы в поле прибавилось, но и семья увеличилась. Ребята подрастали, работники. Возвращались домой солдаты, часть отпустили, часть ушла самовольно. Некоторые из моих земляков служили в Красной Армии, большинство из них в деревне больше не появились, частью осели в городах, частью погибли.

Помню рассказ Друговского Андрея Еромолаевича, моего кума, как он видел в Питере на митинге выступающего перед солдатами самого Керенского. Тот агитировал за продолжение войны с немцами до победного конца.

-Если мы с вами, братушки, не свернем голову кайзеру сейчас, в бу-

дущем наплачемся и большой кровушкой заплатим, - говорил он. Вот и расплатились в Отечественную большой кровушкой.

Доходили до деревни и продотряды - собирали хлеб и мясо для рабочих в городе. А в основном за дезертирами охотились. Помню, прибежал как-то вечером к нам сын соседа, - Степан Иванович! - Спрятай, паре, меня. Ищут по домам-то. Скидывай одежду, да валенки, и на полаты в угол - отвечает отец, - ребята, закрывайте его одеялами-то. А сами сидите там тихо, если придет кто - будто играет. Ну, я, как ребенок, и разревелась на полатах-то. Но никто так и не пришел. А утром тятя сказал, что увели ночью соседа, нашли дома. Все это по рассказам, что слышала, да запомнила, то и сказала.

Смутно, но помню о Мартовском (14 - 19 марта 1921 года) восстании - шесть лет уж мне было. В ночь на 15 марта на колокольне Одигидриевской церкви, что в Осташеве, зазвонил колокол, как призыв к началу выступления. Но народ наш не мог разобраться, что к чему. Землю вроде не трогают, а церковь отделяют от государства - непонятно что. Это после, когда я уже вступила в партию, изучая историю КПСС, прочитала: «...Мартовское восстание, организованное эсерами и поддержанное крестьянством, было ничем иным, как борьбой за власть, а поводом послужило отделение церкви от государства и слухи о переделе земли...».

У нас же в глуши ни радио, ни газет не было, и агитаторы до нас не дошли. В Верховажье была заварушка, но все кончилось ничем. Отряд повстанцев, который направлялся к городу Вельску брать власть, был рассеян вооруженными красноармейцами и Тотемской уездной милицией 19 марта в районе Климушина.

Новая власть постепенно захватывала позиции и в деревнях. В 1922-годах создаются школы и ликбезы. Объявлено наступление на неграмотность. Учили всех, от ребятешек и до старух преклонного возраста. Учились читать, писать, считать. Писали угольками на каких-то газетах, которые приносили с собой учителя, делали доски и писали на них. Учеба не была постоянной. Дойдет очередь до нашей деревни - придет учитель. Кто соберется, того и учат. Ребятишки еще что-то схватывали: читали по печатному, писали на песке прутиком. А старикам это забава. Посидят, новости по округе обсудят, поталдычат за учителем - «а», «бы», «вы» и по домам. Пора на покой, милая, - завтра рано вставать». Результат этой учебы такой: многие прошедшие ликбез впоследствии ставили в бумагах вместо подписи три начальные буквы от имени, отчества и фамилии. Да и эти считались уже грамотными, остальные вообще ставили крестик.

Пожалеешь и учителей. Уроки в школе, хозяйство дома, а вечером за шесть верст в деревню идти учить стариков. Возвращаться обратно поздней ночью. А еще собрания проводить, агитацию вести, газеты читать по деревням - все на них.

Потом ребятню стали учить отдельно от взрослых. Расскажу, как я

училась. К весне 1924 года у нас была организована школа для детей. И перед началом полевых работ мы отправились на уроки. Учились в деревенском переду (летняя изба), писали за обеденными столами, сидели на скамейках, собранных по деревне. Давали нам карандаши и по листочку бумаги. Учитель писал на некрашенной доске мелом. Книжка, по которой читали, была одна единственная у учителя.

Ходила я в школу два месяца. Мне исполнилось уже девять лет. С нами вместе учились ребята постарше. Писали, читали, считали на палочках. Мне тятя из сухой малины палочки сделал.

Из учителей помню Челпанова Алексея Фокича, Кожемякину Марию Ивановну, Лихоманову Людмилу Михайловну. Они ли меня учили, трудно сказать, но именно они остались у меня в памяти.

Начались полевые работы, и кончилась наша школа - работать надо. А у нас тятя уже прибалывал, поэтому сказал мне: «Надо, девка, работать, время не упустить, учиться и потом можно. Буквы знаешь, и слава Богу! Земелька ждать не будет. А работать будешь - с голоду не умрешь».

Приходила на дом учительница, просила, чтобы отпустили меня в школу. Отец ответил: «Видишь, милая, какой я работник! А она у меня уж большая стала, нечего баловаться, грамота - не приданое. Время упустим, как зимовать станем?»

Так и закончились мои университеты. После уж доучивалась вечерами со старухами, экзамены за два класса сдала. Читаю и пишу, слава Богу.

В этот же период создавались и Советы. В каждой деревне был назначен член совета бедноты. В нашей деревне им стал Друговской Виссарион Константинович. Не очень грамотный человек, но очень властный, с большими амбициями, готовый к выполнению всех указаний «сверху». Начались собрания, сходы. Мужики просиживали на собраниях целыми ночами, спорили, рядили.

Начался раскол между середняком и бедняком. Одни боялись за свое добро, другие уже готовы были «подравнять» всех. Сельсовет начинал укреплять свою власть. Впереди было создание коммун, ТОЗов и колхозов.

Часть четвертая

Подошло время, и отдали замуж сестру Клавдию. Попала в богатую семью в деревню Павловскую за Дудорова Иринея. Шел тысяча девятьсот двадцать седьмой год. Жилось нелегко, но все трудились на земле-матушке. Отец заболел, и пришлось жениться старшему брату Ивану девятнадцати лет от роду - в семью нужны работники. Поначалу хотели до армии не женить, но жизнь повернулась по-другому. Молодوخа Мария из Семоськи, от большой семьи Яраскиных,

попалась работающая. В тысяча девятьсот тридцатом году Ивана призвали на действительную службу, жена осталась в положении со вторым ребенком.

Семья росла, а работников было мало, в основном одни едоки: больной отец, мать, тетка, сноха с ребенком, две девки, Раиса да Лизавета, четырнадцати и двенадцати лет, их брат на восьмом году, да второй брат пяти лет. Земелька есть, скотина на дворе - только работай. Тетка по дому обряжается да с малышкой возится, а мы уже, как взрослые, помогаем в поле и на покосе. Зимой уж и за пресенку посадили - пора, девка, приданое справлять.

Летом у крестьянина праздников мало - недосуг. А зимой мы, молодежь, на «вечерованья» ходили. Кто с прялкой, кто с вязаньем, а кто и с вышиванием. Собирались у кого-нибудь в избе и при свете лучины, редко при керосиновой лампе, работали, пели и плясали. Мужики собирались отдельно. Кто валенки подшивает, а кто в карты играет. Женщины же своим кругом в третьей избе - все при работе.

У молодежи - гармошки поют, веселье. Иногда на вечерованье приходила молодежь и из других деревень. Тут уж не до работы - пошла пляска. Девки на выданье старались показать себя: и плясунья, и певунья, и говорунья, и одета баско. Мы, подростки, принаравливались к пляске и друг у друга учились нехитрому деревенскому рукоделию. Случалось, в те поры и свадьбы играли. Кто побогаче - широко свадьбу праздновали, со всеми сопутствующими обрядами. А кто победней - заводит вечерок для родных, и то ладно.

В Христовые праздники в церковь на Погост ходили, да раза два в году в своей часовне служба была. Так что Бога не забывали. Годовые посты блюли, к причастию ходили, исповедовались. Помню, на восьмом году брат Павлин исповедовался (день-то мама учила, как надо отвечать батюшке). Я его за руку держу, а батюшко покрыл его платком и спрашивает:

-Почитаешь ли родителей, не грешен ли, чадо?

-Батюшко, грешен. Прости, Господи.

Да так от волнения на все вопросы и отвечал батюшке. А батюшка платок с головы у Павлина снял и говорит: «Не батюшко грешен, чадо, а грешен, прости меня, Господи! Или не грешен, Господи!»

Так вот и договорились. Отпустил ему батюшка грехи-то.

В церковь, бывало, идем, все с узелками, чтобы после службы раздеться. У кого ботиночки сшиты, так до Погоста несем их через плечо, а сами босиком. Перед церковью обуемся. Колокольный звон и красота в церкви прямо завораживали.

В это время уже всю шла антирелигиозная работа. В школе, одновременно со службой в церкви, обычно шла какая-нибудь постановка, или концерт самодеятельности. А нашими родителями нам наказано в церкви быть. И на концерт попасть охота, посмотреть постановку-то. Успевали и там, и сям: в церкви на службе постоим, и в школу бежим,

а затем опять на конец службы успевали - праздничные-то молебны долго шли.

На Погосте лавка торговала, но мы в нее не ходили. Дома родители давали по пятаку в церкви в блюдо положить. А свечи нам тетка Анна покупала, и в лавку ходила она. Иногда и по прянику купит, иногда леденцов разными фигурками принесет. Домой идем довольные, босиком. Обутку бережем, в ней еще младшим стегалить.

Дома к разговению мама напечет пирогов, блины горячие, чай с сахаром и «жареным» молоком. Если есть гости, родня с дальних деревень, ждем подарков. Пустым из родни никто не приходил. Ребятам утеха – кто пряник печатный принесет, кто целую конфету в бумажке. Обычно дарили или леденцы «колесиками» или по калачу покупному. Мы сразу бежим на деревню. Надо сверстникам похвастать своими гостинцами, а иногда и лизнуть леденчик дать.

В Пасхальную неделю на гумнах вешали качели. Мы все дни проводили там. Качающимся на ноги накидывали мячи, сделанные из соломы.

На масленой неделе катались на лошадях в выездной сбруе, с колокольцами и лентами на дугах. Весело было. Ну, а летом не до праздников. Работа в поле, на лугах, от темна до темна. Там на коротком отдыхе в полдень успевали и в речке искупаться, и побаловаться - детство есть детство.

Так вот между игрой и работой мы и выросли. Зимой из деревень по наряду от каждого хозяйства направляли людей на заготовку леса. Из справных хозяйств и лошадей своих брали на вывозку древесины. Работали подекадно или весь сезон заготовки. Весной давали наряд на окатку леса в реку и на сплав леса. В ту пору мало кого миновала сия участь. Страна строилась - был нужен лес.

Зимой тридцатого года пришлось мне отправляться в лес, на лесозаготовки - больше из семьи идти было некому. Отец болел, а я старшая - пятнадцать лет уже. Пришло время тянуть и этот гуж.

Зимой крестьянин в лесу - основная рабочая сила. Отправляли по нарядам сельсовета, со своими лошадьми, со своими харчами. Жили в бараках, раз в неделю или в декаду кто-нибудь ездил домой, привозил продукты, сено для лошадей, смену одежды. Зимние дни короткие, и работа в лесу шла от темна до темна. Нужно было выполнить норму, десятники за этим смотрели строго. План не выполнишь - на «черную доску» попадешь, а сделаешь больше - тебя на «красную доску» запишут.

Часть пятая

Платили и деньги, хоть и небольшие, но в крестьянском хозяйстве все гоже. Налог заплатить, что-то купить в хозяйство. Норма на валке была 4-6 кубометров. Валили обычной пилой-сортовкой, в паре, обрубали сучья, кряжевали. Трелевали на лошадях до места погрузки, откуда и возили лес на берег реки и окатывали в штабеля до весны, до сплава.

Были у нас и свои умельцы. Валили лес и в одиночку, используя пилу с пружиной. Возчик тоже иногда орудовал двумя, а то и тремя лошадьми. Беда была - угоры на волоке. И лошадей калечило, и людей.

Утром, до свету, кипятком с хлебом закусишь, и на работу. Обедали прямо в делянке. Хлебушек разогреем над костром, кипятком запьем, и снова к дереву. Вечером в бараках что-то варили, ужинали поплотней, чинили обутку, сушились. Спали на нарах, вповалку.

Система заготовки начинала меняться. Появились кадровые (постоянные) работники. Строились лесные поселки - лесопункты. Была организована учеба для бригадиров и десятников. Многие из селян тогда навсегда связали свою судьбу с лесной промышленностью. Наемный, а после и по принуждению, труд крестьянина использовался в лесу и на сплаве вплоть до 70-х годов. Много народишку лес поломал. Одежка у всех разная, многие в лаптях. А что говорить о девках да страдалицах-бабах: лапти, да опоры, да подол подоле, и вся одежда. А ведь целый день по снегу надо ползать. Вечером придем, кожа на ногах красная - так вот и жили. Молодежь еще вечерами на пляски успевала - много энергии было.

В первый год нас, малолеток, поставили на дорогу в Оринодорском лесопункте. Вели в делянках дороги - «ледянки». По волоку корчевали пни, убирали валежник, уравнивали полотно, обходили большие угоры. Уплотняли снег на волоке. За нами шел станок, который нарезал колею для полозьев и уплотнял ее. За станком везли бочку с водой, из которой из двух рукавов заливалась колея. Вода застывала, и получалась ледяная дорога - «ледянка». В метели, до начала работы возчиков, нужно было расчистить колею от снега. Затем возводили новые «усы» от делянок.

Работа нравилась, хоть и уставала сильно. Главное, здорово промерзали в морозы - тут без работы не постоишь. Грела работа, а силы и задора хватало.

Весной посылали на сплав леса по Кулою. Здесь было интересней и легче, если вода хорошая, бревна не разносило по берегам. Весна! В крови молодость играет. Людей кругом - как в муравейнике. Сдали свой

участок, «караванку» с «хвостом» проводили, расчет да премию (полтора метра сатину на кофточку дали) работница получила. И домой, к земле-матушке! Хлебушко сеять надо.

Опять работала от зари до зари. Но по молодости это и не в тягость было.

Лето на земельке отработала. Успела в коммуне поработать да в сельхозартель вступить.

На следующую зиму опять в лес. Сестру, Лизавету, отправили в Москву, в няньки (13 лет работнице). Там она и начала осваивать самостоятельную жизнь, и больше в деревню не возвращалась. Такая судьба была у многих девушек-подростков. Уходили в няньки в Архангельск, Мурманск, Москву, Ленинград, Иваново. Там учились, получали документы и оставались работать. Потому так много наших бывших деревенских по городам. Теперь вот горожанками и приезжают к нам на лето отдыхать - малая родина тянет. У многих родительские дома уже давно стали дачами.

С ребятами-подростками было сложнее - в няньки не уйдешь. Многие из них оставались при городе после армии или уходили жить к родне. Таким образом получали паспорт и прописку в городе. Некоторые родители выправляли метрики, делая какие-то услуги власть имевшим. Потом, при массовых призывах: «Освоим целину», «Молодежь нужна флоту», «Забой ждет молодого шахтера» и системе ФЗО жизнь позволила ребятам покинуть деревню, взять справку о разрешении выйти из колхоза, получить паспорт и жить в городе.

А в лесном хозяйстве уже организовывались комплексные бригады (по названию пилы - «комплекс»). Между бригадами велось соревнование. Лесопункты заводили своих лошадей-тяжеловозов. Новые повозки для леса появились - «американки». Да к ним еще и прицепы. Возили зараз до 18 кубометров леса. Большие проблемы создавались при таких грузах при спусках и подъемах. Часто гибли и люди, и лошади под разогнавшимся грузом. Придумывали разные «тормоза», чтобы спускать возы с бревнами с горок. А в гору пристегивали в упряжку еще по дополнительной лошади.

Я зиму работала на валке леса, план с напарником давали, иногда и премии получали. А если делянка худая достанется, так и на «черную доску» попадешь. Весной снова на сплав угодила. Сплав - дело веселое, если вода хорошая. Если вода быстро «сядет» - бойся залома, кос из леса на переборах набьет. У сплавного при себе всегда умелец был. На залом приедут, народу куча, а толку нет - не могут залом растащить. Останавливают окатку. И вот тут наш Вася по залому побегаёт, багром два-три бревна колупнет, мужиков расставит, скажет, где поднатужиться, и закипит работа. Смотришь, пошел залом, а наш Вася по бревнам, как белка скачет: где толкнет, где бревно развернет. Так в самой середке залома до километра по реке

плывет. Дело сделано - лес пошел. Убавляй косы, пока вода не спала, а то потом по бревнышку таскать придется.

При большой воде лес сильно разносило по староречью да по пойменным наволокам. Здесь первый помощник сплавщику - бона. А для прибрежных жителей возможность воспользоваться дармовым леском. Что обсохнет да что «хвост» в русло не выволочет, то, глядишь, на баньку да хлев крестьянину достанется. По низкой воде лес, бывало, и до сенокоса сплавляли. На перекатах запруды делали, накапливали воду, и так сплавляли лесок от запруды до запруды.

Первый признак сплава - гонят по реке «плитки», сплавляют новые боны и устанавливают их на реке. Затем жди - лес пойдет.

Довелось мне поработать и на окатке леса - сбросе его из бунтов в реку. Работа для смекалистых не тяжелая, а для тех, кто на окатке в первый раз - мука. Проглядят бревно, вовремя не поправят, и пойдет все вперекрест, тут и схватишь потника. Ну, а если сноровка есть, придержишь комель, поперечину развернешь - бунт сам в реку уйдет.

Окатка закончена, тут с «хвостом» и «караванка» идет. Плот с тесовым сараем, с костром, где варят пищу для рабочих. Работал также магазин для населения деревень, где стояла «караванка». Целый праздник на реке! Тут и рассчитывались с теми, кто сдавал свой участок реки.

Расчет брали, в основном, товаром: мука, крупа, сахар, треска соленая, сладости ребятишкам. Сплавщики веселые, под хмельком. Так вот вместе с «караванкой» и сплавлялись несколько дней вниз по реке.

Часть шестая

Тысяча девятьсот тридцать второй год выдался для лесозаготовителей тяжелым. Государству требовалось много леса - куда, не знаю. На заготовку согнали много народа. Милиция присматривала, чтобы не разбегались. До бригад доводились задания, за перевыполнение которых полагалась премия. Работали до тех пор, пока дневное задание не сделаешь. Здесь уже я зарабатывала прилично. Силушка была, и напарник хороший попался. На премию купила первое в своей жизни пальто. Материалу на не одно платье дали. И домой, для младших ребят, материалу на рубашки заработала. Выдавали еще муку, да и деньгами я семье помогала. В колхозе тогда жили бедновато. 1931-34 годы были для селян плохими, не урожайными.

В 33-ем году меня и нескольких моих деревенских подруг услали (нашего согласия никто не спрашивал - не семейные) на лесозаготовки под город Вельск. Заготовку вели от организации

«Мосгортоп». Возили лес к строящейся железной дороге, где его грузили в вагоны. Страна строилась - ей был нужен лес. И мы его давали. Тогда было организовано так называемое «Глотовское движение». По имени знаменитой бригады Глотова, которая на валке леса выполняла по два-три дневных задания. И везде велось соревнование бригад по глотовскому методу.

Наша бригада вышла в соревновании на первое место. По этому случаю собрали собрание. Нам вручили переходящее Красное знамя - большое, бархатное, с вышитыми золотыми буквами «Победителю...» и так далее. А мне было поручено утром нести это знамя в лес, на повал, а вечером - обратно в барак. Утром-то, вроде, и легко, а вечером так и в тягость. До сих пор в глазах каждая вышитая буква на флаге, его кисти и бархат. Целый месяц я его, родимого, заработанного своим потом, туда-сюда волочила.

А через месяц у нас в бригаде случилось несчастье. Деревом на повале убило мою подругу, Саню Гостевскую. После этого пришел приказ: женщин на повале леса не использовать, а бригаду расформировать. Что и сделали, а знамя забрали. Через неделю все успокоились, и нас снова отправили на лесоповал - куда без баб? И все пошло своим чередом. А я после этого случая стала сильно бояться, что и меня прибьет в лесу. И не зря. Ночью вижу сон: Саня, покойная подруга, стоит на дороге, и кричит мне: «Райка! Беги отсюда - убьет тебя здесь». Проснулась в холодном поту. В лес пришли, а все еще страшно. Стали дерево подпиливать, а я про себя думаю: «Вот этим меня и прибьет». Нет, все хорошо. Дерево спустили, ко второму пошли, пилить начали. Я вверх посмотрела - большой сухой сук торчит. С Богом! Дерево пошло вниз, а сук обломился и мне по голове. Так после напарник рассказывал.

Из делянки меня вынесли на руках, погрузили на лошадь и в медпункт. Привели в чувство, голову забинтовали, давай челюсть вправлять. А сделать ничего не могут. Лежу два дня в бараке, то без памяти, то вновь очнусь. Говорить не могу - челюсть сворочена. Видят, никак не умираю. На второй день повезли в Вельск, в больницу. Дорогой меня растрясло, пошла из раны кровь, повязка промокла. В больнице сразу в операционную - повязку снимать. Бинт к ране присох, больно. Я не даюсь. Силушка, слава Богу, была. Не карандаш в руках держала, а лесок валила. Сестры со мной ничего сделать не могут. Пришел хирург и без разговоров сразу за повязку взялся. Я его в охапку и от себя на кушетку бросила. Бинты у доктора в руке остались, а я без сознания на пол грохнулась.

В себя прихожу - привязана к стулу. Хирурга (Кучинский его фамилия) бинтует второй врач. С меня повязка снята, идет кровь. Ко мне подходит Кучинский. Трогает мой подбородок, и вдруг резко ударяет по скуле. Моя бедная челюсть и встала на место.

-36 лет работаю, всякое видел, удивлялся хирург, - но такое со мной

третий раз случилось. Ладно мужики, но от девчонки оплеухи получать. Будешь ты лежать у меня, милая, три месяца.

Маша, моя невестка, привезшая меня в больницу, в слезы: Издалека, из деревни она. Кто ее здесь навещать станет? Отпустите ее, доктор, домой. В Н-Кулое у нас хороший молодой врач, он ее вылечит.

Кучинский знал нашего доктора и согласился. Рану обработали. Дали на руки больничный с сопроводительным письмом к местному хирургу.

-Приедешь через полтора месяца ко мне, посмотрим твою голову, - напутствовал Кучинский.

Привезла меня невестка домой. Там как раз идет бригадное собрание. Говорят о смерти Сани, подруги моей, что в лесу убило. Маша дверь отворила и говорит:

-Мужики, помогите Раю вынести.

Мой отец сразу в обморок упал. Подумал, что и меня в лесу прибило. В больницу я так ни разу и не ходила. Мама моя была знатным костоправом. Со всеми вывихами к ней шли. Она и начала меня лечить. Каждое утро смачивала рану слюной, чтобы не загноилась. Какое-то снадобье накладывала на больное место да настоями из трав меня поила.

А через полтора месяца - снова в лес. Но сначала зашла к Кучинскому. Доктор меня осмотрел и говорит:

-Умница ваш доктор. Рана затянулась нормально и без осложнений.

-А я и не была в больнице-то, и доктора не видела. Сама лечилась.

-Как сама? Каким лекарством? -Тут я все и рассказала. Послушал меня доктор, и говорит: И впредь любую рану обрабатывай своей слюной и другим советуй. Лучшего лекарства не найти. Что ж, невеста, живи с Богом. Голову береги. Трещина у тебя порядочная, двенадцать сантиметров. Сразу дурой не стала - долго проживешь.

Вот и живу, милые мои, уже 87-й годок. Так мы и расстались с доктором, довольные друг другом. Снова работала в лесу, да еще раз, по собственной глупости, чуть с жизнью не рассталась.

Весной стали по несколько человек колхозников домой отпускать. Колхозы своих работников на посевную требуют. А нас, девок, все не отпускают. То одно, то другое. К пасхе Христовой хотели домой попасть, а нам опять отказ.

-Ну, подруги, что делать-то будем? Не бывать к Пасхе домой.

-Не бывать, Райка! Хоть давись.

-А я пойду сейчас да и удавлюсь. Девки остались на улице, а я бегом в барак. На кровать прилегла, полотенце через спинку и на шею. Давай, думаю, девок попугаю. Накинула-то просто так, даже узла нигде не завязала. Прихожу в себя, рядом доктор, народу полный барак. Девки, ребята, начальник лесопункта тут, мастер, десятник. Затем милиционер приехал, всех из барака выгнал. «Что? Как? Почему?» - меня спрашивает.

А я уже отлежалась, подруги, как все было, на ухо нашептали. Зашли в барак, а я уже побелела. Полотенце, хоть и не завязанное на шее, душить меня начало. Девки в рев, да хоть сообразили снять с шеи полотенце. За медиком сбегали, начальство набежало.

-Да вот, домой не отпускают нас с девками-то... - отвечаю.

Назавтра нам, голубушкам, лошадь до Вельска дали, рассчитали, по три метра ситца выдали, да по два килограмма сахару: «Поезжайте, девки, с Богом, да не душитесь больше».

Это был мой последний сезон на лесозаготовках, больше Бог не привел.

Часть седьмая

Со сплава вернулась, отец совсем разболелся. Посевная в разгаре. «Давай, девка, берись за плуг. Марья одна-то, паре, совсем из сил выбилась, от рук отстала», И поехала Раисушка пахать. Лошадь у нас была норовистая, ходила бойко в борозде, на поворотах только успевай плуг заносить. Не успеешь, непропашка получится. Чувствовало животное, кто за плугом идет.

Начала пахать, а у самой у рук не бывало. Как регулировать на захват, на глубину вспашки, хоть убей, не знаю. На ручки плуга жму, а он из земли выскакивает, лошади легче, она быстрее бежит. Плуг не пашет, пахарь ревит от горя. Что делать, не знаю. Сосед по полосе мое горе увидел, и говорит: «Не реви, паре, девка, помогу тебе».

Показал, как плуг настраивать, рассказал как на захват, на глубину вспашки регулировать, как на поворотах плуг валить, чтобы на себе его не таскать. Как ручками плуга работать, мол, не жми на них, а слегка приподнимай вверх, плуг и пойдет в землю.

К вечеру отпахалась и ухагалась работница. Но науку эту на всю жизнь усвоила. После пахать любила и никогда не уставала. Грамоты благодарственные от колхоза получала за вспашку.

Прошло лето, наступила осень. С полей все прибрали. По деревне через день да каждый день собрания. Начали говорить о коллективизации, о коммунах. Крестьянин голову чешет, думает. Договорились создать коммуну бедняки, объединиться своими хозяйствами и землей. Хозяева посправнее глядят, что из этого выйдет. Сельсовет настаивает собирать в коммуну всех без исключения. Кто не пойдет, тех в кулаки запишут, отберут землю, оставят лишь приусадебные участки. Шумят мужики, да с властью не поспоришь - налог не коммунарам набавят. Папа сказал так:

-Пишись, девка, в коммуну, единолично нам не выжить, задушат. А работники из нас не ахти, старый да малый.

Записались, обобществили все: скот, птицу, зерно, землю, сбрую, инвентарь, повозки и даже продукты. Помню, сдали в коммуну 17 пудов

мяса. Коммуна просуществовала всего лишь три месяца - «проелись». Но обратного хода уже не было, решили создавать ТОЗ товарищество по совместной обработке земли), уже на основе трех деревень. Перестроили несколько гумен под скотный двор, общественную конюшню. Овец, кур, поросят оставили в личных хозяйствах. Членам ТОЗа нарезали у домов участки по 15 соток. Раскулачили три семьи, без высылки, забрали в ТОЗ инвентарь, дома, описали кузницы.

Председателем товарищества был избран Андрей Ермолаевич Друговской - мужик справный, не злой, грамотный, прошедший войну 1916 года. Много было охов и вздохов, но жизнь шла вперед. Долго помнились свои бывшие лошади и коровы, вдруг ставшие общими, свои полосы, свои сенокосы. Началась общая работа - та же самая нелегкая крестьянская работа от зари до зари.

Сначала учитывались выходы на работу, потом ввели трудодень. Этим и кормился колхозник. Разрешили держать в личном хозяйстве корову. Из деревни в колхоз не вступили Иван Александрович Брагин, Федор Константинович Друговской и Дмитрий Иванович Шестаков. Все из зажиточных, многодетных семей, трудяги по натуре. Не смогли переступить барьер между своим и колхозным. Судьба их незавидна. Молодежь разъехалась по городам, к родне. Хозяйства захирели, землю отрезали, скот лишний описали и забрали, обложили тройным налогом. Лошади через день да каждый день работали по нарядам сельсовета. Старикам поневоле пришлось записываться в колхоз, но тогда уж было поздно, не брали.

Поначалу совместная работа шла неплохо. Стариков слушали, вместе решали, как лучше сделать дело. Собрав урожай, получили натуроплату. Вот тут и стало ясно, что при совместной работе рвать сильно жилы не обязательно. Ибо за это лишнего фунта не получишь. Уравниловка не всех устраивала.

Коллективизация продолжалась. ТОЗы сливались в колхозы. Объединялись уже по 3-5 деревень. Так возник и наш колхоз «Вперед, к социализму» с центром в деревне Анисимовская. Сюда входили также деревни Савинская, Козевская, Климовская и Аксеновская. Председателем избрали Владимира Феодосьевича Антуфьева. Сельсоветским же председателем в Осташеве в те годы был Федор Федорович Неклюдов. На осташевской территории было создано уже три колхоза: «Память Ленина», «Новая жизнь» и уже упоминавшийся «Вперед, к социализму».

В 1933 году меня послали от колхоза в Верховажье на курсы заведующих детскими садами (тогда их называли детскими комбинатами, а в деревне - детскими площадками). Собралось нас 105 человек, молоденьких девчонок со всего района. К началу сева нас выпустили на работу по своим колхозам. Я работала в садике два года. Садик размещался в Анисимовской, в двухэтажном доме.

Многие его еще должны помнить. Недалеко располагалось и правление колхоза.

Детей приносили в детсад с девятимесячного возраста, ползунов. Только что отнятых от материнской груди. Вот мы вдвоем с такой же молоденькой девчонкой, ухаживали за детьми. Кормили их, сами стирали пеленки, постельное белье, сами готовили ребятишкам. Порой вместе с детишками и сами няньки ревели в один голос. Дети находились в садике с семи утра до девяти вечера. В сенокос иногда детей не уносили домой неделями. Родители трудились на дальних покосах, там и спали.

Помню, решили мы сварить детям киселя картофельного. Вскипятили самовар, положили крахмал в кастрюлю, болтаем. Кастрюля полная, а кисель не заварился. Разлили в две - дальше болтаем. Кисель все не заваривается. Еще разлили, и так вот целое ведро киселя наварили.

Детей в садик несли охотно. Туда давали продукты, сахар, и мы могли хорошо накормить ребятишек. Так что многих осташевцев, рожденных в первой половине тридцатых, я нянчила и кормила.

В колхозах тем временем появились специалисты по растениеводству, животноводству. Такой специалист сразу на 8 - 9 хозяйств, в двух-трех сельсоветах.

В 1932 году в Подволочье открылась Климовская начальная школа.

Хочется пофамильно вспомнить всех этих людей. Мария Ивановна Молокова - ветеринарный санитар. Алевтина Дмитриевна Баландина - зоотехник колхоза. Александр Прокопьевич Попов - ветфельдшер. Павел Васильевич Рупасов - директор Осташевского маслозавода. Иннокентий Александрович Невинский - фельдшер. Соломонида Евлогиевна Иванова - фельдшер.

Эти люди своими знаниями и умениями помогали в колхозном производстве. О работавших позже вспомню потом.

Вот сейчас я листаю «Членскую книжку колхозника» за 1933 год: «Колхоз «Вперед, к социализму», сельсовет Осташевский, район Вельский, область Северная... Июль, 1933 год, 8.07. За работу в деткомбинате ...31 день - причитается трудодней - 28,35...».

Впереди было новое укрупнение колхозов, поступление техники. А пока труд до седьмого пота на колхозном поле, а после - домашние заботы. Как свой участок обиходить, как сена на корову насобирать? Как выплатить налоги - финагент в дом зачастил. Нужно было сдать в счет погашения налога 56 килограммов мяса, 300 литров молока, 400 граммов шерсти с каждой овцематки, три десятка яиц. Не помню уже сейчас, но был еще и денежный налог. Да шкуры от забоя скота сдай, а поросенка при забое опалишь - шкуру потребуют. Вот такие дела беспокоили крестьянина каждый день. А жизнь продолжалась.

Часть восьмая

В 1934 году пришла и ко мне любовь. От судьбы не убежишь. А судьбой моей стал председатель нашего колхоза - старше меня на восемь лет, до меня уже был женат. Родители противились моему выбору, но что поделаешь с молодостью. Любовь - не картошка, не выбросишь за окошко.

Будущий муж сулил мне жизнь райскую. У людей и начальства был на хорошем счету, хозяйство знал, вел дело жестко, слыл требовательным, дисциплину в колхозе держал.

Вскоре он пошел на повышение. Перевели его в Климушино - председателем сельского Совета. Увез меня с собой. Жили на квартире. Там я начала работать в сельском клубе. Родился первенец - сын. Квартирная хозяйка - простая деревенская женщина - помогала мне, молодой мамаше, управляться с дитем, а потом и нянькой для моего сына стала. Раньше ведь декретного отпуска не было. Оправилась после родов - и на работу.

Неплохая семья получилась, все у нас вроде нормально. Муж работает, а должность беспокойная у него. В сельсовете несколько колхозов, налоги - во все нужно вникать. Собrania-заседания до полуночи и дольше. А в период сельскохозяйственных кампаний в колхозах по три дня не вижу. То кормов нет, то посевная, то сенокос, то уборка... Нет дома мужа - дела задержали. Сама тоже работаю. Тогда развитию культуры на селе много внимания уделяли. Помощниками были учителя и молодежь.

Стали доходить до меня слухи, что муженек мой погуливает на стороне. Я не верила. Иногда спрашиваешь: «Где ж ты ноченьку коротал?» Отшучивается. Он - на людях, и я - на людях. Вскоре и он меня начал ревновать, а потом и до рукоприкладства дошло. Ну, да в то время нас, баб, часто побивали. Посмотришь утром - на лице следов от побоев нет, и ладно. А где есть, да не видно, заживут. Ревнует, значит, любит. Живем, трудимся, сын растет.

Через год я и дочь родила. Муж мой уже в открытую гулял, а после к любовнице совсем ушел. Пробовала я с ней поговорить, да муженек меня побил от души. По доброте своей моя хозяйка, где квартировали, в райком пожаловалась, мол, семья распадается. Приехали из Верховажья разбираться. Муж прибежал, меня обнимает, просит прощения. Скажи, говорит, - что сама с мезонина упала.

Пришли к нам домой, я в горнице сижу, а они в избе беседуют. Из райкома приехала Алевтина Андреевна, она часто у нас бывала, меня хорошо знала.

-Раиса, иди сюда, - говорит.

-Нет, не пойду, - отвечаю. Вывела меня на свет Божий.

-Хорошо упала! Своим подругам это рассказывай. Меня не проведешь.

Поехали, Раиса, в больницу, забирай дите. А тебе, друг милый, в партии не бывать! Да и в тюрягу лет на семь спечалую!

-Нет, - говорю, - никуда не поеду. Уберите его отсюда! Пусть алименты на детей платит, сама детей выращу.

Через два дня перевели его в Заболотский сельсовет на прежнюю должность да строгий выговор записали. Я осталась на старой работе. Спасибо моей хозяйке, не оставила меня и детей.

Народ в клуб шел охотно. Вечерами пляски, игры, ставили концерты, постановки. Артисты свои, гармонисты свои - запасай, Раиса, керосин. Пригодилось тут мое умение плясать да петь. Молодая была, печаль лишь ночью глубокой меня посещала, дети не давали тосковать.

Прослышал мой разлюбезный муженек, что меня сватать ладят, прикатил. Ребятам гостинцы, мне - подарки. На колени встал. Не могу, говорит, без тебя, ребят заберу и тебя увезу. Забудь, мол, все, больше пальцем не трону. И работу мне, говорит, приготовил. Будем, уговаривает, жить как люди. Поверила, поехала за ним. Приехали в Заболотье. Он не обманул. Сельский клуб оборудован: «Работай, Раиса». Народ поначалу смеялся: «Приехала культуру поднимать. Кто в клуб ходить будет?»

Начала работать, опыт уж был. Пошла к учителям, а там три школы было, 11 учителей работали. «Поможем, - говорят, - нужно молодежь привлекать». Народ стал в клуб собираться, а где гармонь, там и веселье. Гармонистов в Заболотье - хоть ансамбль создавай. На первый концерт пришли почти все жители, приехали и из окрестных деревень, на лошадях - всем понравилось. В Верховажье на смотре первое место заняли. Нас в Вологду посылают, на областной смотр.

- А поехали, паре, Рая, хоть на людей посмотрим. Дальше Верховажья, милая, не бывали. И бывать ли, не знамо... Поедем, поедем! Вот, паре, бабы хохотали - приехала культурница. А вишь, как дородно все вышло. Станем готовиться и поедем - пусть без нас-то мужики пообряжаются.

Но мне не пришлось с моими артистами побывать на областном смотре. Случилось несчастье, я попала в больницу и долго лечилась. Затем мужа перевели на новое место работы, в Верховажье, начальником дорожного отдела, и мы переехали в райцентр.

Вскоре началась финская война. Много о ней не говорили, мобилизации не было. В военных действиях принимала участие лишь регулярная армия. Из моих земляков, кто в это время служил «действительную», трое воевали с финнами. По их рассказам, там погибло много солдат. Посмотрите Книгу Памяти Верховажского района - там есть наши земляки, погибшие в финскую кампанию.

Что меня тогда поразило, в Верховажье быстро все пропало с прилавков магазинов: сахар, крупа, соль, спички. Хлеб стали выдавать по спискам - чтобы не скупали. Районные организации открыли собственные ларьки, где отоваривали своих работников. Мы

отоваривались в ларьке райкома партии, вместе с райисполкомовцами и милицией.

Вскоре положение поправилось, в магазинах появились товары. Но были ограничения в продаже в одни руки. Ларьки при организациях работали, но там отоваривались только жены первых лиц, остальных «открепили» к магазинам.

Весной 1940 года колхозники «Вперед, к социализму!» обратились в райком с просьбой отправить моего мужа председателем в их колхоз. Райком одобрил это предложение, и его избрали на этот пост. Наша семья вновь переехала в родительский дом. Папа к тому времени уже умер, в доме остались мать, тетка, брат женатый (сам-то он уже служил на «действительной»), да нас - четверо прикатило.

Муж стал колхозом править, а я - на ферму, стадо приняла. Живем, работаем, детей растим. Доярки тогда обслуживали по 10-12 коров. Доили вручную. Утром с четырех на ферме: доим, кормим, навоз на руках из двора выносим. Днем, если за кормами не отправят (сенокосы были до 10 километров вверх по речке), молотить бежим. Летом - на сенокос, осенью - на уборке урожая помогаем. Дома свое хозяйство, тоже обиходить надо. Муж - не помощник: колхозные дела да собрания. Да еще дома два его выездных жеребца стоят. Председатели тогда на лошадях ездили.

Два-три раза в неделю нужно хлеб печь - колхозникам в магазине хлеба не давали. Пекли только для служащих Совета, почты, маслозавода да учителям. Уполномоченные тогда неделями в колхозах жили - и их кормить надо. А колхозник - была бы мучка - сам напечет.

Перед войной-то хлеб без добавок был, вкусный хлебушек. Пекли большие караваи - подовики, на три-четыре дня. А промеж когда-то шаньги, когда-то шанежки. А когда и блины на завтрак. Когда пшеницы намелют, то и мякушники пекли.

Жизнь налаживалась. На собраниях про МТС говорили, да трактора. В колхозе веялки появились, конные молотилки, сеялки да косилки. Скота добавлялось, овец, свиней, кур. Сортовое зерно завозили. На трудодень колхознику все больше доставалось. Но впереди ждало новое испытание - война!

Часть девятая

Весна 1941 года выдалась затяжной. В колхозе отсеялись поздно. Начали обихаживать свои огороды. Я ждала ребенка. В два часа ночи 22 июня у меня родился сын, а в 12 часов дня мы узнали, что началась война с Германией. Думали, все будет, как во время

финской кампании – армия справится. Нет, на третий-четвертый день пошли повестки.

Муж получил повестку на 26 июня. По деревне плач, сборы, проводы. Многие уходили навсегда. Мужу в районе дали на неделю отсрочку - сын родился. Приехал, навозу на огород навозил, посадил картошку. «Оставайтесь, - говорит, - ждите с победой, война скоро кончится». Собрала своего воина, проводила. Сына назвала Владимиром, по мужу. Вдруг убьют на войне - сын имя отца носить будет. Как теперь жить - такая семья, и я одна работница?

Думать некогда - надо работать. Мужики ушли, в деревне остались старики, мы, растерявшиеся бабы, да молодежь зеленая. Сенокос начался, пары надо пахать, а там и уборка подоспеет. На колхозных полях работали от темна до темна. А дома еще и своей скотине готовить надо.

Урожай собрали, весь хлеб сдали государству, оставили только на семена. На трудодень почти ничего не присчиталось. Свой скот убавили. Многие женщины не сумели заготовить кормов, сдали и коровушек. Я для себя решила - корову буду держать, как-нибудь прокормлю. Детишек без молока не оставишь. В магазине пропали соль и спички. Кто мог, запаса впрок, а у большинства купить было не на что.

Война шла далеко, но чувство большой беды было у всех. Мужиков забрали, молодежь на оборонные работы угнали. Первую зиму продержались за счет старых запасов. Весной с горем пополам отсеялись. Нам, дояркам, в посевную крепко досталось. Кроме стада коров, прикрепили еще по две пары лошадей - основных пахарей в бригаде. Одна пара отдыхает, на другой пашем. Лошади-то отдыхали, а мы нет. Солнце на закате, а нам еще к стаду идти, дома кое-как старухи да ребята обрядятся. Придешь домой к полуночи - все спят, а в четыре утра вновь на работу.

Весна 1942 года была холодной, лето плохое. Картошку в цвету прихватило заморозком. Осенью и копать нечего - горох. Хлеба тоже не уродили, сена наставили мало и плохого качества. Хлебушек, который собрали, сдали государству - война, армию кормить надо. На трудодень получили по 200 граммов отходов от веялок.

К Новому году начали в деревне голодать. Картофель закончился, семенной, и тот съели. По деревням стали ходить - просить ради Христа. Лучше нас жили в соседней Сибири. Там председатель сумел сохранить для колхозников лишние посевы. Никакие уполномоченные не нашли зимой зерно с этих неучтенных посевов, этими поддерживал своих колхозников.

А у нас стало совсем плохо. К весне уже многие ходили с палочками, почти поголовно заболели «куриной слепотой», у детей развивался рахит. Ездили в Тарногу за хлебом, меняли на вещи. Да только много ли у колхозника этих вещей? Съездили, привезли, что наменяли,

глядишь, неделю живем. Брали все, и картошку, и кусочки хлеба. Дожили до весны. Трава пошла. Дети в лес за березовым соком сходят, пистики (полевой хвощ в поле растет), крапива, щавель. Все полегче, есть чем желудок набить. Да если еще и молочком забелить, жить можно.

Клевер зацвел на полях, а щипать его запретили. Ребятишек, тех даже в колхозный амбар запирали за это.

Посеяли, посадили, сколько могли достать семян, картошки. Всех мучила нехватка соли, спичек, одежды, обуви. Колхозники так за зиму оголодали, что и за лето не отошли. Из последних сил бились на колхозных полях. Старухи сушили на зиму лебеду, крапиву, грибы, ягоды (рады бы грибов насолить, да где она, соль?)

Утром смотришь по деревне: у кого печь затопилась, бежишь туда с горшком за угольками, чтобы свою затопить. А дрова сырые, бригадир придет, посмотрит - есть еще несколько чурок, два дня проживешь, нет тебе сегодня лошади.

К осени ждали урожая картофеля и хлеба. Все огороды засеяли ячменем. Помощи от колхоза ждать не приходилось, а тут хоть суслон, да твой. А осень холодная, сырая. Картофель побил заморозком еще в цвету. Все надежды пропали. Опять голодать. Ездил в Сибирь. Там картофель уродился. Продавали по 500 рублей за пуд. У мужа оставалась выходная пара (костюм), да хромовые сапоги - обменяла. В деревне голодают, некоторые, забрав малых детей, пошли побираться.

-Отпусти, Райка, малых-то. Хоть что-нибудь принесут.

-Нет, бабы. На холодной печи умрем, а христарадничать детей не пущу.

Старшего надо к школе собирать. Во что одеть-обуть? За лето накопила килограмм масла, продала в Вельске за 300 рублей, купила два метра сатина да килограмм хлеба чистого. Вот и все мои денежки. Домой еду и плачу: как зиму пережить? Дома собрала всю шерсть, что накопилась - ребятам валенки скатала - сама в сапогах прохожу. Кое-что перешила из мужнего, сшила подшалимок под книги. Слава Богу, в школу собрала.

Школа была недалеко, в Подволочье. Наши детишки зимой одни валенки на двоих носили. Один бежит в валенках, другой босиком. Затем поменяются - и дальше. Так вот и жили. Начали приходиться в деревню и казенные письма с похоронками. Горе у людей, рушились надежды. Почтальонов стали бояться. Да и тем нелегко - трудно вручать извещение о смерти близкого человека.

Молодежь вернулась с оборонных работ. Кому подошел срок - забирали в армию, кого - учиться военному делу до подхода возраста. Брали всех подчистую. Начали возвращаться домой калеки. Те, кого война покорежила, жизнь им оставила. Вот тогда мы и узнали, что там, на фронте, делается. В деревню за войну пришло 16 похоронков, не

миновали казенного письма и мы. Погиб младший брат, не было вестей от среднего. От мужа письма шли редко. Писал, мол, жив, воюет.

Зима 1944 года была для колхоза тяжелой. Люди совсем выбились из сил. И погода не позволила заготовить прошедшим летом кормов в достатке. Ближе к весне скот на фермах лег, коров привязывали за постромки к потолку, чтобы не было пролежней. Скормили соломенные крыши сеновалов, рубили ветки елок и давали животным. Ранней весной по насту объехали все старые стожья, собрали все обвершье и тоже скормили. А на пастбища скот вывозили на дровнях - сами коровы передвигаться не могли от слабости.

Поддерживали, как могли, лошадей - основную тягловую силу. Начали пахать, лошади слабые, а сами пахари за ручки плуга держатся - ветром качает. Бригадир тайком от правления колхоза выдал пахарям по три килограмма ячменя - чтобы могли за плугом ходить. Появилась трава - люди и скот начали оживать. В это тяжелое время правление поставило меня животноводом. А через три месяца я чуть было под суд не попала.

На моем бывшем стаде новая хозяйка те граммы отходов от зерна, что давали новотельным коровам, домой «приголубила». В стаде пало несколько животных. Кто виноват? Старая хозяйка. Вызвали в Верховажье к прокурору. Оправдалась.

Вскоре приняли меня в партию. Тут спрос особый: коммунисты, вперед! На ферму придешь, надо бы баб построжить за недоделки, а посмотришь на них: в чем только душа держится. Рукава засучиваешь да помогать начинаешь. Потом поплачемся друг другу, трудно, а надо, бабы, жить и работать. Кончится война проклятая, тогда и отдохнем. Затем избрали меня и членом правления колхоза.

Часть десятая

9 мая - День Победы. Днем Победы-то его уж потом стали называть. А об окончании войны я узнала по дороге в Слободу. Правилась пешком в Верховажье на какое-то собрание. В Слободе остановилась передохнуть. Тут кто-то и прибежал из деревни:

-Люди добрые! Конец войны объявили! Война кончилась!!!

В глазах у всех слезы. Неужели конец нашим мукам?

-А не ошиблась, милая девочка?

-Да нет! По телефону на почте сказали. Там тоже все режут, а дедко Никанор так по деревне идет, батог бросил и пляшет...

Пришли в Верховажье. В селе, на площади у Дома культуры, идет митинг. Люди стоят, кто плачет, кто веселится. Кто-то радовался возвращению с войны мужчин, кто-то оплакивал погибших. Кончилась

проклятая война, вернутся в деревни наши мужики, и нам станет легче.

Вернулись домой, деревня уже знала: выстояли, дожили. Вроде, и дела пошли веселее, и кони в борозде лучше пошли. Для себя хлебушек сеем, не отнимет его больше война.

Начали возвращаться с войны мужики. Стало полегче. Руководство перешло к ним, а мы, бабы, опять в лямку да за плуг.

Дождалась и я своего мужа. Пришел не раненый, и слава Богу. Его вновь избрали председателем колхоза. Ходил в том, в чем с войны вернулся. Его одежду я частью на ребят перешила, частью обменяла на хлебушек. Упрекал, что все проели. Ну, да жить будем - наживем.

А вот семейная жизнь не заладилась. Что с нас, с баб, возьмешь. От непосильного труда да вечного голода не помолодели, а поблекли и постарели. Кругом вдов молодых да девок, чьи мужья да женихи остались на полях сражений, пруд пруди. Все счастья бабьего ждут, все по ласке мужской соскучились. И запугуливали наши мужики, утешая всех подряд. И мой туда же, тем паче, председатель, власть колхозная.

Дома опять все на мне да на детях. Нелегка послевоенная жизнь. Было голодно, опять пришлось есть траву. В 1946-ом году урезали приусадебные участки до 15 соток. 25 соток оставили только многодетным хозяйствам. Лучше, мол, на колхозном поле работать будут.

В первом послевоенном году родила я двойняшек - двух мальчиков. Первый умер сразу, второй прожил шесть месяцев и умер от коклюша. Тогда много детей умерли от этой болезни. Одни из них были желанными, другие - плоды тайной любви. Может, и ладно, что умерли - не маяли вдов, матерей-одиночек и самих себя. Ведь так и остались бы вечными «сколотками» (незаконнорожденными). Все в руках Божьих.

Муж погуливал, и по деревне пошел слух, что, мол, Раиса тоже «за-водила» своего сына. Фельдшер Соломонида Евлогиевна Иванова не дала похоронить ребенка, заставила везти его в Н-Кулойскую участковую больницу на осмотр. На дворе весна, распутица, ни на чем не выедешь. Вот я и пошла пешком в Н-Кулое с шестимесячным дитем в гробике на руках. Как шла, о чем думала? Стану речку переходить, а в мыслях: вот бы с младенцем вместе в воду головой - и никаких больше забот. Нет, думаю, нельзя, Раиса, дома еще трое, кто их воспитает.

Пришла в больницу. От хорошей ли погоды и весеннего тепла ребенок в гробу выглядел как живой, даже румянец на щеках играет. Врач собрал весь персонал, осмотрели трупик. И написали, что младенец умер от коклюша, Помогли мне похоронить покойника, кладбище-то рядом было. Поплакала над свежим холмиком, и домой.

Жизнь с мужем окончательно не заладилась. Снова гулянка, побои да попреки. Старший сын закончил четыре класса - и вся наука. Работал в колхозе, помогал по дому. Дочь тоже заканчивала четвертый класс. А что дальше? Муж в эти дела не вникал, не тем был занят.

Я снова работала на ферме. Многих женщин в благодарность наградили медалями за доблестный труд в годы войны. Получила медаль и я. Получила и положила в сундук. И, как большинство, никогда ее не надевала. Когда пришло время, и государство решило чуточку прибавить пенсию старикам за эту награду, вспомнила, что муженек, уходя из семьи, вместе со своими боевыми регалиями прихватил и мою медаль. Пришлось подтвердить ее наличие запросом в архив. Ну, да спасибо и на том, что вспомнили про нас, баб, хоть на старости лет.

В 1947-ом году прошла денежная реформа. Только для колхозников она ничего не значила. Денег-то у нас не было. А в 1948-ом я родила последнего сына. Тогда же начались работы по строительству Осташевской ГЭС. Проектировали и выбирали место специалисты из Ленинграда. Строили всем миром, все вручную да с помощью лошадей. На стройке было организовано горячее питание. Случилось так, что когда копали котлован под турбины, грунт вдруг поплыл - попали на ключи. Пришлось круглосуточно четыре дня непрерывно откачивать воду. Только сменялись люди на лопатах да у тачек, что отвозили грунт. Десять человек откачивали воду - черпали ее молочными кринками и относили в ведрах.

Заложили срубы основания станции, ряжи скрепили и вывели стены на уровень плавуна. Ряжи укрепили камнем и забили глиной, установили «пяты» турбин на ряжах. Высота берегового устоя, где было здание электростанции, составила 32 рубленых ряда. Строили ГЭС три года. Зимой готовили лес, рубили ряжи и устои, а после посевных работ, как позволяла вода, велись работы на станции.

В 1951-ом году стали говорить о новом укрупнении колхозов. 25 мая 1951 года три колхоза слились в один с названием сельхозартель «Память Ленина». Колхоз возглавил И.М. Боровиков. Бывшие колхозы «Новая жизнь» и «Вперед, к социализму» стали производственными бригадами.

Я по-прежнему работала на ферме дояркой. С мужем разошлась. Осталась одна с четверыми детьми. Старший закончил четыре класса, работал в колхозе, затем поступил учиться на лебедчика в ФЗО. Дочь тоже отучилась четыре года, и я отправила ее в Раменье в няньки. Там она закончила вечернюю школу в Верховажье. Средний учился в школе, а младший оставался дома. Что делать? А надо работать, чтобы прокормить всех.

В 1951-ом перешли на новую ферму. В стаде уже было по 12-15 коров на доярку. В рацион ввели силос, государство помогало

концентратами, своих не хватало. Собрали по колхозу 463 тонны зерна, 105 тонн сдали государству, 100 тонн - на семена, 250 тонн пошли колхозникам и своему скоту.

Лошадей в хозяйстве было 210 голов, да коров 160 голов, телят и нетелей - до 300 голов. Держали 120 свиней, 250 овец, да куры в двух бригадах. И всем надо зернышка. Одних только трудоспособных колхозников 156 человек, и им что-то дать нужно. Так что коровушкам доставались соломка да силос, да на отел сколько дадут сена, да пуд концентратов.

Основное молоко брали летом, на пастбище. Силос из ямы бурачком на плече носили. А ямы делали до пяти метров глубиной. Вот по лестнице и ползли снизу с бураком за спиной. А сена дадут на дальних покосах километров эдак за восемь: «Поезжайте, паре, бабы». Мы и рады. Приезжаем, а там у лосей все съедено. С конюшни конюх даст объедой от лошадей: «Унесите, бабы, чтобы бригадир не видел», - довольные бежим.

За соломой поедем в сапогах (валенки не на что купить) - ноги к подошвам примерзают. Вернемся обратно, в теплый навоз встанем, ноги и отойдут. Пошли дальше обряжаться.

Часть одиннадцатая

В 1951-ом году дали электричество. Жить стало веселее, хоть свет есть, лампы не надо. Провели радио - еще веселей, да только слушать его некогда, работа, обряды. Вечное безденежье и нищета. Но жили, все ждали, что будет лучше. В урожайные годы было полегче, а если недород - совсем туговато.

На полях появились трактора, в колхозе была бригада МТС из Н-Кулоя. Хлеб в основном жали уже жнейками, перешли на семипольную систему. С конных молотилок перешли на электрический привод. В каждой бригаде в гумне установили молотилки, веяли зерно на ручных веялках. Сеяли в основном конными сеялками, но уже появлялись и тракторные. Часть хлеба обмолачивали тракторными молотилками прямо в поле - привод от ХТЗ на ременной передаче. Потом пришли и прицепные комбайны (но когда еще его дождешься в бригаду). До 60-х годов стояли в поле суслоны.

Сенокос - коса-литовка, да ручные грабли. В расчетных книжках - палочки трудодней. Молодежь держали в колхозе: «Не дадим справку на получение паспорта» - и никуда ты не денешься. Все кругом были гражданами Советского Союза, а колхозник без паспорта - какой гражданин?

Колхозник! Если куда ехать надо - выдавали справку в сельсовете: колхозник такой-то, проживает там-то. В то время уже племенные

лошади имели паспорта, а колхозник - нет. Свидетельство о рождении да справка от сельсовета - и все. Вот сейчас поругивают Никиту Сергеевича Хрущева, а при нем и трудодни кончились, на денежную оплату труда перешли, и пенсию колхозникам дали, и паспорта начали выдавать.

В 1961 году колхозы перешли на новую систему оплаты - денежную, кончились палочки-трудодни.

Хоть и не велики были заработки, но деньги давали раз в месяц. Колхозникам, достигшим пенсионного возраста, стали начислять пенсии, пусть по 12 рублей, но все же какая-то поддержка ежемесячно. Впоследствии и я получила свои 12 рублей 60 копеек. В эти годы передали от МТС технику в колхозы. Трактористы, работавшие в МТС, тоже вступили в колхозы. Появились автомашины ГАЗ-51, но дороги были такие, что в распутицу до Верховажья добирались полтора суток.

А в моей жизни началась черная полоса. Я заболела, отказали ноги. Сказались и снега на лесозаготовках, и сапоги резиновые круглый год да и работа на ферме, где я трудилась 18 лет, здоровье унесла. Работать не могла и без работы не могла. И опять меня выручила швейная машинка. Шить умела, а у колхозников появились деньги, покупали мануфактуру. Кому платье сшить надо, кому халат. Шила и рубашки, и брюки мужикам. Зимами пряла и до Пасхи вязала людям. Опять на кусок хлеба зарабатывала, а там и младший сын из армии пришел, работал в колхозе, семью завел. Снова зажили все вместе.

С сестрой Лизаветой решили мы искать брата Павлина, который в войну пропал. Извещения о том, что погиб, не было, но и домой не вернулся (знали, что пленных отправляли в лагеря, но и те сроки уже вышли). Всех выпустили, а нашего нет. Стали писать, куда только можно. И вот Лизавете пришел ответ, что, возможно, наш брат живет и работает на Украине, даже номер телефона указан, только имя не его. Нашего-то звали Павлин, а тут Павел, все же остальное сходится. Созвонились. Да, это был он, наш брат Павлин-Павлик. Тому, что случилось с ним, не позавидуешь. В 1944 году, раненый, попал он в плен. Два раза бежал из плена, поймали, сильно били. На плече была татуировка, от побоев плеткой кожа порвалась, татуировка на две части разделилась. В конце войны его из немецкого плена освободили и отправили в свой русский лагерь на 13 лет. Отсидел 8 лет. Выучился там на инженера, там же и диплом получил. Работал на строительстве Братской ГЭС. Домой тянуло, ведь там осталась семья, сын рос. Но побоялся явиться через 13 долгих лет. Думал, ждут ли его дома, вдруг жена не дождалась, зачем мешать ей? Зачем коверкать еще чью-то судьбу? Попытался узнать что-нибудь на стороне о своей семье, но на Украину ошавских никого не занесло.

С Братской ГЭС перевели его на Цымлянскую, затем на Бурштинскую ГЭС и уже в должности старшего инженера строил,

пускал, эксплуатировал Чернобыльскую АЭС. При аварии облучился, еще два года работал, пока не укрыли аварийный блок «саркофагом». От полученной дозы радиации умер. Ну, а имя ему переименовали следователи в лагере.

-Ух, какой Павлин явился, - говорили они, - хвост распушил. Поедешь лес валить апостолом Павлом, там тебе хвост-то выщиплют. На Колыме павлины не водятся.

Вот так наш брат стал Павлом. Позднее приговор по его делу был отменен, то есть он сейчас реабилитирован. Ему вернули все военные награды. Нашли и его первого сына и двух его внуков. Были встреча, слезы, но поломанную войной судьбу не исправишь и жизнь заново не проживешь.

Расскажу еще, как я получила паспорт. После-то уж и колхозникам добром выдавать паспорта стали, а я все так да так. Поехала в Чернигов в гости к брату, свидетельство о рождении в сумку, и вперед. Приезжаю, у них переверот, распределяют квартиры, дают им двухкомнатную по численности семьи, а хотелось бы трехкомнатную. Новый дом, все удобства, старость впереди, да и дети растут.

-Помогай, сестрица.

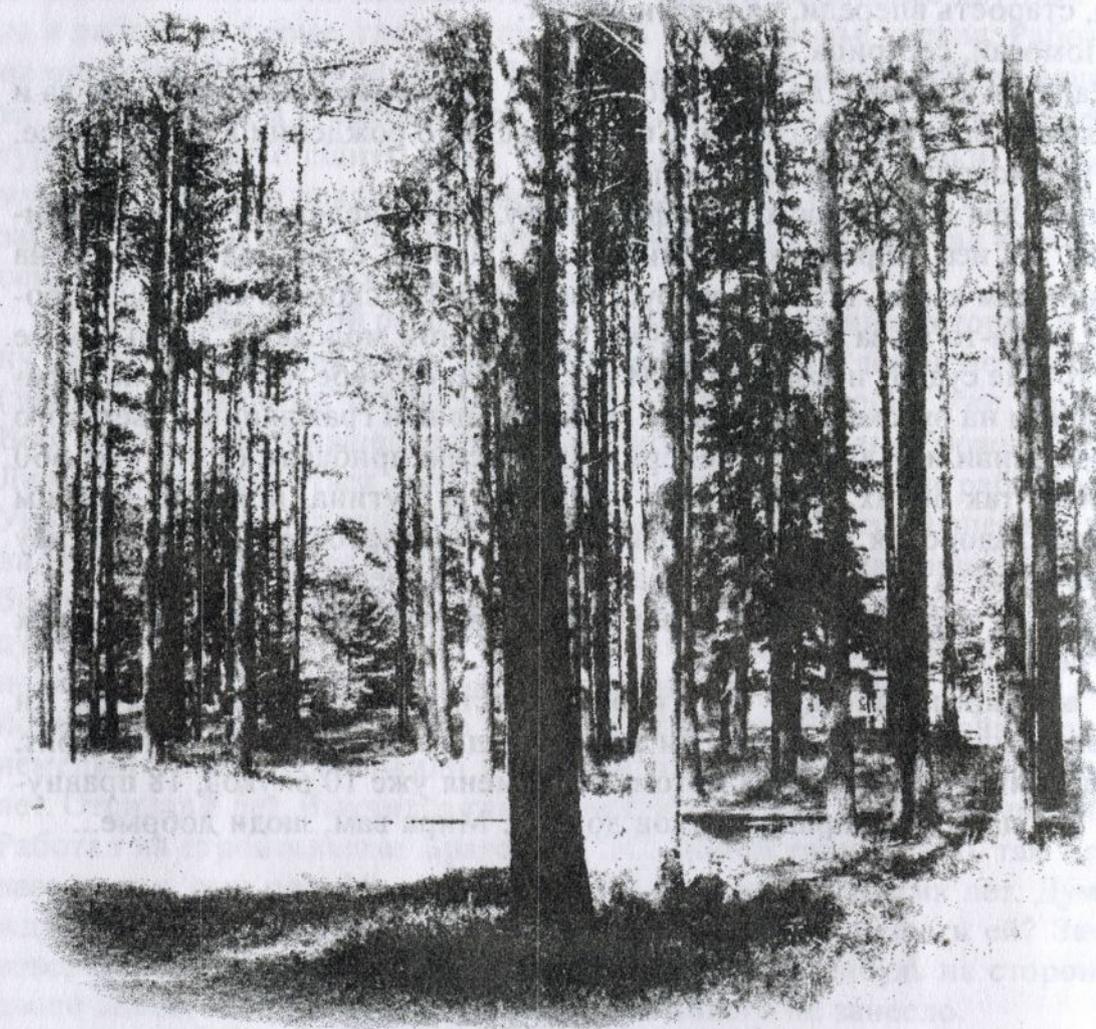
-Рада бы я, Павел, да как помочь-то? У меня ведь и паспорта нет, да и не бывало сроду. Колхозница. Свидетельство о рождении в сумке, и все.

-Ну и хорошо, сделаем тебе паспорт.

Через два дня повел меня к фотографу. Через неделю и паспорт привезли, а в нем - прописка черниговская. Первая страница паспорта на украинском языке, вторая - на русском. Любо! А сколько слез было пролито когда-то из-за этой книжечки у колхозной молодежи, скольким ее отсутствие судьбу исковеркало. И вот, на Раиса тебе паспорт и на украинском и на русском, теперь ты - полноправный гражданин Советского Союза, живи и радуйся. Я теперь, как пенсию прибавят, (а она уже 660 рублей), так обоих президентов поминаю, и Путина, и Кучму, дай, им Господи, здоровья хорошего. Ныне обмен паспортов объявлен, доживу ли, не знаю. А этого паспорта жалко, ведь он - первый.

Пришло время завершать наше знакомство. О более поздних временах другие расскажут.

А живущим ныне дай Бог тихой и счастливой старости. Как бы ни тяжела была жизнь, как бы ни ломала судьба человека, а жить стоит. Жить самим, давать жизнь потомкам. У меня уже 10 внуков, 18 правнуков. Бог даст, и до праправнуков доживу. Мира вам, люди добрые...

Шесть дней детства

День первый

На дворе последние дни ноября. Снег свежий, чистый. К огородам надуло сугробы. Зимняя дорога еще не накатана, но ездят уже на полозьях. Осенние шипы заровняло. Утро вставало серенькое, низкие клочья облаков сулили снег. Ветер усиливался, волоча свежий, легкий снежок, и набивал на дороге, меж проулков, стручки новых сугробов.

От шума ли проводов, или возгласов, доносившихся из черной тарелки радио, Ванюшка проснулся. В горнице горел свет, но в доме было тихо. Он понял, что брат Володя ушел в школу, а мать еще не возвращалась со двора. Он давно уже привык быть один. За окнами почти светло. Скоро придет с обрядов мать. На печке-лежанке сохла лучина, несколько поленьев для растопки печи. Сухих дров не было, и поленья подсушивали, чтобы скорей разгорались, а потом и сырые дрова добро горели. «Не набратся», - ворчала мать.

Вылезать из-под теплого стеганного лоскутного одеяла не хотелось. Рубашка да вязаные носки тоже были на лежанке. Наверное, теплые. По словам матери и Володи, он уже четвертую зиму жил на белом свете и две из них постоянно днем был дома один. Володя ходил в четвертый класс, другой брат учился на курсах где-то далеко, сестра отдана в няньки за хлеб-соль.

Они с Володей жили при матери. Об отце при маме не говорили - Володя не велел. Ему же наедине брат часто рассказывал, что папа ушел от них. Был он человек хороший, только гулеван. Что это означало, Ванюшка не понимал и Володя не объяснял. «Сам не знает», - решил Ванюшка.

Сам он отца не помнил, слишком мал тогда был.

На мосту стукнуло кольцо, дверь заскрипела, и в облаке пара в избу вошла мать.

- Мамка! Я уже проснулся, да еще не встал.

- Вставай, Ванюшка, одевайся, в избе-то холодно сегодня. Носки одень сразу, а то ноги отморозишь. Давай-ка печь затоплять. Неси лучину, а я засторонок открою.

Затопив печь, Раиса навела блинов и поставила самовар, отбив несколько горячих углей. Сходила на поветь, принесла соленых волнух и пареной брусники, поставила все на шесток - оттаивать. Ванюшка, подставив табуретку, звенел язычком рукойойника.

- Мам, сковородник-от в шомуше стоит.

- Видела я, Ванюша. Давай утирайся, да скатерть блинную на стол неси.

Блины в чего макать будешь? В волнушки или в бруснику?

- А мне охота и в то, и в то. Еще и мазаных бы охота.

- Напечем... И на блинницу, и мазаных к вечеру поставим.

- Мама, самовар закипел. Заваривать-то что будем?

- Сегодня сторожков от морошки заварим, скусно. Вот так, потом в печь поставим - пусть напарится. Давай-ка за блины браться, а то жар упустим.

Прогретая сковорода сердито шкворчала подмазкой. Ванюшка старательно скатывал блин в трубку и макал в ягоды. Он не торопился. Снятые со сковороды блины укладывал в стопку, которая росла на глазах.

- Ой, мамушка, спасибо. Скусно с ягодами-то.

- Ешь на здоровье.

- А Володя-то без блинов останется.

- Ну, у нас вон какая стопа напечена, и Володе хватит.

- Так остынут.

-Сегодня Саня-то, наверное, не придет, закрыт склад. Ты уж один тут хозяйничай.

- Мам, а «дуй» не придет сегодня? Я маленько боюсь, как бы в окошко опять не залез.

- Не будет, маленький ветерок на улице, а окно-то мы крепко заколотили. Не бойся. Ты ведь у меня уж целый жених вырос.

- Может, Сима в гости придет, посидит маленько?

- А я сегодня недолго на дворе-то, силос утром наносила. Только подою три коровы, да надаю, да теляток напою и домой прибегу.

- Да ладно, мама. Хоть бы Муська домой пришла. Я останусь, не забочусь, большой теперь уж.

Поставив чугуны с питьем для коровы, Раиса прикрыла печь заслонкой. Бутора на улице усиливалась. «Как оставить сына одного? В прошлом году сильным ветром вынесло окна в зимовке, и с тех пор ребенок боится ветра. Чем занять? Как уговорить?».

- Не расстраивайся, мама, я останусь один-то. Володя, может, пораньше из школы придет, а может, Саня днем зайдет, я на печь заползу, там и буду играть. Ты только ворота не запирай, а то Сане не попасть. Она горох обещала принести. Мам, а ты мне хоть маленько «колобу» со двора-то принеси. В тот раз нам с Володей понравилось.

- Принесу, как коровам привезут, так я вам целый карман принесу. Давай, Ванюшка, я тебе машинку швейную поставлю, поиграешь.

- Мама, только иголку вынь, а то я опять палец пришью.

Поставив швейную машинку на стол и отключив привод, Раиса стала одеваться на работу. Прикутала печь. Присела на лавку. Она почувствовала, что парень боится. Погода за окном не утихала.

- Пойду я, Ванюшка, ты не бойся, я скоро приду.

- Не буду бояться, только двери не запирай.

С тяжелым сердцем Раиса затворила ворота, приставила батог и побежала на скотный двор. «Только бы не вздумала какая корова телиться».

Снежные вихри яро застилали ее следы. Забежав во двор, она сдернула фуфайку, плат, надернула халат. Коровы начали вставать, узнав хозяйку. Взяв в руку лопату, пошла к стаду. Ноги ломило от холода. Резиновые сапоги, казалось, примерзли к подошвам. Она встала в теплую коровью лепеху, погладила корову. Мысли были дома.

«Как там парень-то? Бутора усиливается. Ох, доведу парня, намучаюсь. Некогда стоять-то. Скоро бабы придут, надо избушку затопить, у телят почистить. Хорошо, хоть силос наношен. Скорей обряжусь».

Ванюшка, проводив мать взглядом и тяжело вздохнув, взобрался на широкую лавку и подсел к швейной машинке. Не торопясь оглядел ее. Машинка была старая, но ухоженная. Мать часто ночами шила ребятам одежонку, перешивала старые вещи. Иногда на заказ шила и деревенским бабам. Ход был отключен, вертелось одно колесо привода. Ванюшка несколько раз поднял и опустил лапку зажима, покрутил колесо за ручку, машинка не издавала привычного звука, и он, увлекшись, порой представлял себя трактористом на колеснике, на котором летом впервые прокатила его Лиза-трактористка. Изображая губами шум трактора, Ванюшка представлял себе широкое поле, летнее тепло, забыв свои страхи и одиночество.

Спустя полчаса он забросил свое занятие и с тоской прислушался к шуму на улице. Двери скрипнули под напором ветра. Снежинки ударялись в стекло рамы. Порывы ветра, казалось, раскачивали дом.

-Дуйко-то может прийти, - прошептал тихо мальчонка. - Хоть бы Саня пришла ненадолго. Он хотел залезть на печь и там ждать мать или брата Володю. На улице под очередным напором ветра что-то затрещало, за замерзшим окном мелькнула тень, в сугроб что-то шлепнулось.

- Ой! Мама! Дуйко! - в ужасе закричал Ванюшка.

Лихорадочно обежав взглядом стены зимовки, он залез на лавку и стащил с гвоздя старый сак, в котором мать иногда выходила пилить дрова. Шаль висела у рукомойника. Он притащил табуретку и стащил шаль на пол. Оставалось найти обувку. На печи он нашел подшитые материнские валенки, они были велики. Надев валенки, попробовал сделать шаг, но упал. Больше обуть было нечего.

В носках по улице не ходят - это он знал. Что же делать? Он с опаской посмотрел на злополучную раму, которая в прошлом году упала от сильного ветра и так его напугала. Ему показалось, что рама чуть шевелится. Он еще раз окинул избу взглядом. Под лавкой стояли Володины сандалии. Ванюшка бегом бросился к ним и стал лихорадочно натягивать их на ноги, обутые в теплые шерстяные носки. Подошли, даже ремешок не надо расстегивать. Обретая уверенность, он, тяжело пыхтя, начал надевать шаль. Дело оказалось нелегким - шаль упорно сползала с его коротко стриженной головы.

«Как ее мамка-то надевает? А, вот как». Кое-как завязав концы под подбородком, Ванюшка был готов бежать на улицу. Он уже не слышал порывов ветра и страшно уже не было. Теперь у него есть цель - уйти к кому-нибудь в гости, пока не вернутся домой мать или брат.

Разбухшая дверь не поддавалась. Наконец она отошла, и Ванюшка оказался на мосту. Прикрыв дверь, он привстал на цыпочки, откинул язык щеколды. Под напором ветра ворота распахнулись сами. На улице ветер крутил массу снега, на крыльце намело невысокий сугроб. Ухватившись за маленькую скобу, прибитую на уровне его роста, Ванюшка с трудом закрыл ворота. Шаль съехала, снег припудрил голую головенку. Холодный ветер залез под полы широкого, не по росту, сака. Он натянул не послушную шаль, крепко схватив ее ручонками за концы, и пошагал от дома по деревенской улице. В очередном сугробе снег попал в носки, сандалии опасно захлябали. Боясь потерять их, Ванюшка, почти не отрывая подошв от снега, лыжными шагами вышел на дорогу.

«Куда идти? Серафима на работе, тетка Павла тоже на дворе, к Сариным не пройти, вон какой сугроб намело. Пойду к дяде Паше, он зимой всегда дома, и дорогу туда видно».

Картина бредущего по дороге старого сака, накрытого клетчатой шалью, могла удивить кого угодно. Но улица была пустынна. Злые порывы ветра пытались свалить Ванюшку в сторону, толкали в спину, бросали колючие горсти снега в лицо. Парень упорно продвигался вперед, оставляя за собой похожий на свежую лыжную след. Вот отворотка на скотный двор, но туда далеко. Попав на свежие следы человека, Ванюшка понял, что на двор прошла Лиза Пашина.

По ее следам он заспешил к дому Павла Ильича. Сандалии уже были полны снега. Взобрался на крыльцо, но не мог дотянуться до кольца ворот. Взял стоящий рядом батог и принялся колотить им в воротину. Скрипнула дверь в избу.

- Кого Бог дает? Погода-то, елки в крест.
- Это я, дядя Паша, не могу ворота отворить.
- Да кто это, царица небесная?
- Да я, Ванька. Ворота отворились.
- Ягода-малина! Ванька! Ступай скорей за порог!
- Сандали слетят, дядя Паша.
- Любо-дорого! В эку бутору в сандалях.

Старик схватил в охапку укутанного в тряпье парня и потащил в избу.

- Малина в рот, Ванька, ведь ты, поди, ноги-то отморозил! Жизнь наша бекова.

Он вытряс Ванюшку из сака, стянул шерстяные носки. Сухие узловатые руки старика усердно мяти покрасневшие ноги мальчика.

- Сподобил Господь! Ну-ка, показывай руки, ишь, как у голубка покраснели, нос-от не отвалился? Елки в крест, все цело, дай Бог! Ох!

Жисть наша! Чуть не ухободился, малина в рот! Ползи на печь. Схожу, обувку соберу.

Посадив Ванюшку на печь, старик принес с моста сандалии, вытряс снег.

- Обувка-то летняя, катанков-то нет, что ли?

- Надевал я мамкины, да не шагают, дядя Паша.

- На-ко, пей чай горячий. Чего из дому-то сбежал? Любо-дорого, в сандалях. А, чадо милое, елки в крест?

- Так, дядя Паша, страшно одному-то. Еще с крыши что-то слетело. Думал, Дуйко опять в окно.

- Ох, брат Ванька, Ванька... Зря ты ветра боишься. И вообще, мужик, ничего не бойся. А с крыши, поди, доску снесло. И никакого Дуйка нет, и никто тебя не тронет, и бояться нечего. Матка-то с ума сойдет, как тебя дома не найдет. Отогрелся? Елки в крест...

День второй

Весна наконец-то вступила в свои права полновластной хозяйкой. Бездонное голубое небо с редкими кучками облаков, яркое, до рези в глазах, солнце, теплый, подбирающий снег на полях, ветер. Зеленоватая дымка над лесом, первые весенние запахи, одуревшие спросонья первые мухи.

Весна! Лога шумели водой, лед на реке посинел и поднялся. На первых проталинах желтыми пятнами расцвела мать-и-мачеха. Земля начала запариваться. Крыши домов уже высохли, капли отзвенели своим хрусталем. Все просыпалось, все радовало глаз. Мир обновлялся.

Теперь Ванюшка все дни проводил на улице. На высоком крыльце переда было просторно, пригревало солнышко. Ручеек талой воды бежал тут же. Володя сделал ему мельницу из катушки. Остальные удовольствия Ванюшка придумывал сам. Весенний ветер теребил ноги, и на них выступили «ципухи». Каждый вечер мать обильно мазала ноги сметаной и надевала на них шерстяные носки, уговаривала дите не мочить ноги в воде. Морщась от боли, Ванюшка соглашался с ней, а днем, забыв все обещания, вновь бегал по теплым весенним лужам, строил запруды на ручьях, пускал щепки-кораблики. Иногда в гости к нему прибежал одногодок Колька, и тогда на дворе стоял такой тарарам, что Раиса грозилась выпороть обоих, если не успокоятся.

Сегодня с утра незапогодило. Обычный отзимок. Солнце скрыли тучи, утром был приморозок. Ванюха пробежался до крыльца и обратно, проломил легкий тонкий ледок на лужицах, утянул в избяное тепло.

- Мама, я сегодня буду играть дома, на улице студено.
- Ну, давай, оставайся в избе, может, после обеда и солнышко будет.
- Ты-то, мама, долго сегодня будешь на дворе?
- Недолго. Сегодня баню будем топить. А завтра Володя будет дома, так пироги картовные испечем. Охота пирогов-то?
- Охота! Я помогать буду - сочни екать.
- Вот и дородно. Ну, оставайся с Богом, пошла я, Ванюша.
- Ну... Может, еще кто в гости придет.

Оставшись один, Ванюша начал хозяйничать. Полил цветы из ковша, посмотрел, как всходит во мху ячмень, положенный матерью для проращивания, чтобы определить всхожесть. Семена уже выпустили маленькие белые стрелки ростков. «Живые» - как мама говорит.

В избу, как ветер, влетел друг, Колька Акимов.

- Я к тебе поиграть маленько. На улице, Ванька, лед сегодня, на больших-то лягах. Холодно босиком-то. Ты один?
 - Один! Мама-то ушла. Я маленько побегал по улице, да и домой. Холодно. Мне Володя карты оставил поиграть. Будешь?
 - Давай. Меня бабушка-то тоже учила играть, а картов-то не дает. Сама гадает. Чего гадать, если и ходит худо, меня только своей клюшкой колотит: «Отойди, оков-день... Не трогай, окаянной...», - только и чуешь. Она пока вставала с лавки-то, я и убежал... Хватится ужо. Матка-то наругает, что просмекала меня. Давай я козыря вытяну... Вот, крести.
 - А кто первым ходит?
 - Так ты ведь сдаешь, тогда я первый... У меня... Это, как их зовут-то... Черви.
 - Да не так ведь надо-то, Коля. Надо по шесть карт раздать. А потом уж ходить под кого.
 - А... Я уж и забыл, как играют-то, я в «подкидного» еще не научился, только в «счуна».
 - Ну так, давай и в «счуна». Тогда не надо раздавать, и козыря не надо тянуть. Кладешь все на стол, да вот так, по кругу, раскидываешь. А потом по одной тянуть станем.
 - А я ведь не умею считать-то.
 - И я тоже не больно умею.
 - Ну, так и не станем. Давай лучше домики строить.
 - Давай.
- Но вскоре ребятам надоело возиться с картами. Они часто поглядывали в окна, но долгожданное солнышко не появлялось.
- Вань, а у меня чего-то есть.
 - Чего? Покажи!
 - А я сегодня у папки опять табаку маленько отсыпал. Пока он трактор заводил, я и отсыпал из кисета-то. Давай, покурим.
 - Мамка-то придет, так покурит.

- А мы на печи в присторонок будем, дыму-то и не будет. Я и бумажки оторвал. Только спичек нет, дома-то прятают. Папка-то меня уж раза два лупил за курево-то. А все равно охота.

- А я спичек не трогаю. Не прячет мама-то, в печуре лежат.

- Ну, так неси, а я пока сигарку сверну.

Коля деловито достал из кармана пиджачишка клочок газеты, начал готовить закрутку, затем вынул щепотки три махорки, но завернуть не смог - все рассыпалось.

- Надо «козью ножку» скрутить, а то сигарка-то не склеивается.

- Так скручивай, я-то не умею.

- Надо еще газеты, этой мало. У вас ходит какая газета-то?

- Так мамка их собирает, оклеивать в переду будет.

- Давай немного-то оторвем.

Проблема с бумагой решилась. «Козья ножка» была скручена, получилась внушительных размеров;

- Вот, а теперь с обоих концов оторвем. На-ко, держи прямо, а я табак буду засыпать. Нет, тут надо сыпнуть, а сверху завернем. Мало табаку-то взял. Да нам хватит. Дернем по разку-то. Поползли на печь, раз боишься. Откроем присторонок, дым в трубу и уйдет.

Они залезли на печь. Коля стал деловито раскуривать «козью ножку».

- Я-то не раз курил, не кашляю. На и ты затянись, да дым не глотай, а сразу выпускай, а то в глазах все поплывет, когда первый раз.

Ванюшка изрядно затянулся. В горле перехватило, и он сильно поперхнулся, закашлялся. В глазах все закрутилось и поплыло.

- Ой, Коля, худо мне, умру, наверно, ой...

Кашель и горечь рвали горло ребенка. Коля колотил друга по спине.

- Говорил тебе, сразу выпускай дым, а не глотай.

Прокашлявшись и утерев выступившие обильные слезы, Ванюшка оглянулся кругом.

- Не буду боле, кури сам, не скусно.

Заскрипели ворота - кто-то шел в избу. Коля проворно сунул окурочок на вьюшку и закрыл заstorонку. Вошел дядя Леня.

- Здорово, гопники. Что на печь-то заползли? Киселева не была ли? Табачком-то пахнет. А..?

- Нет, дядя Леня, не была сегодня Саня-то. Мы одни играем.

Хитрый сосед смекнул, в чем дело, и чтобы не напугать ребят, попросил:

- Ой, Ванюшка, дай-ко спичек, я свои дома оставил.

- На, дядя Леня.

- Паре, робята, я и кисет-то не взял. Вот чучело-то. Колюха, у тебя не завалюсь табачку, отец-то ведь курит?

- Если папке не скажешь, дам маленько, в кармане, может, есть.

- Ох ты, голова, да я сейчас и сам лупаницу дам. Давно ли отец рисовал на заднице-то? Что нельзя маленьким курить, забыл? Дома спички

прятают, так он к Ванюшке. Ужо-ко я вам.

Ванюшка в страхе за содеянное прижался к печному борову. Колька принялся просить пощады.

- Дядя Леня, мы больше не будем. Мы тебе и «козью ножку» отдадим, только тете Рае не говори, а то она меня пускать не будет.

Он открыл засторонок и отдал соседу оставшийся окурочок.

- Ну, паре, цыганята, какая у них сигарка-то заворочена. А если дом спалите?

- Мы больше не будем. А Ванюшка и не курил. Мы и не успели, дядя Леня, - со слезой выводил Коля.

- Ну ладно, сознались. Сами маткам-то расскажите, а я после узнаю, сказали ли. А еще курить станете, так и вовсе не вырастете, останетесь как лилипуты, от горшка два вершка, гопники...

День третий

Августовский день лениво поднял бровь, влажную от тяжелой утренней росы, и чуть приоткрыл яркое око солнца. Любоваться было чем: ко второму Спасу мать-земля одарила немалыми подарками всех, кто в потелица лелеял ее. Суслоны ржи густо стояли на полях, колосился ячмень, султаны овса раскачивал утренний, легкий ветерок. Зрела ягода, сменяя одна другую. Стайки грибов, как маленькие шалунишки, разбежались по ближним борам и лескам. Густые травы истекали медовым ароматом.

Раиса накрыла холстинкой тесто, поставила подходить. Вкруте замесила густое гороховое тесто и принялась екать сочни. Скалка мелькала в привычных руках, как челнок в швейной машинке. Дел много. Надо поднимать ребят, хоть и жалко прерывать их безмятежный, сладкий утренний сон.

- Володя! Ванюша! Вставать пора! Кто вечер помогать-то ладил? Вставайте, детоньки... Кто рано встает, тому Бог дает!

Учитывая значимость сегодняшнего дня, ребята встали быстро, управили свои дела и, умывшись, сели за стол. Мать той порой затопила печь, налила сыновьям по кружке молока.

- Сейчас каравая свежего отрежу, посолите и пейте с молоком-то, а потом и горяченья поспеет. Володя, тебе скотину отправить на пасву, а Ванюша пойдет посуду собирать, гостей-то стола три будет, а посуды у нас маловато. Дать еще молока-то?

- Нет, хватит, мам, мы потом. Я пошел, сначала Поясану сгоню, а потом уж и овец отправлю. Сегодня кто пасет-то?

- А мне, мама, надо зобеньку, как посуду-то понесу, не в руках же. А к кому к первому идти? К Акимовне или к Надеже?

Отправив детей, Раиса напекла на жару хворостов, затем выкатала полевахи, начала стряпать губники из свежей черники.

-Ох! Хватит ли всего на столы-то. Ладно, брат подкинул денежек, а то и не собрать бы вечерок-от. Не люблю, когда на столах-то пусто.

Охота все, как у людей, всех отпотчевать, и брату любо, как вечерок-от заведу, и перед соседями не стыдно. Как следоват гостя встретим.

Вон сколько ребятам-то всего навез. Помоги Бог со всем справиться.

Рыбники-то больно добры вышли. Охота бы и пресных пирогов

напечь, да не успею. Ладно, витушек еще накатаю, испекутся, хватит

жару-то в печи... Ладно и сделала, что на манке-то наботала, а то бы и не хватило белой-то муки замесить.

Ярушники тоже любые вышли, пропеклись и поднялись хорошо...

Вернулся Ванюшка с зобенькой, почти полной посуды:

-Мам, все пятнанные, дак не спутаемся отдавать-то, а стаканы я только у Ермошиных брал.

-Ну, ладно, сынок, сходи еще за ложками в другой край, не хватит, поди.

-Схожу, схожу. А хворостов-то, мам, дай, я ведь горячие люблю.

-Садись, хозяин, я тебе горячий испеку.

-Пусть маленько подгорит, так вкуснее, я сам маслом-то помажу.

Скусно, мама! Ну, я пошел.

Заходя к Пашиным, он вспомнил свой зимний визит и улыбнулся.

-Дядя Паша, здравствуй. Я пришел, это, за ложками. У нас сегодня пир, дак мама послала.

-А, крестник, елки в крест. Пир-от, Ванюшка, хорошее дело. Гость-то встал ли?

-А он, дядя Паша, вечер в Першину ушел, в гости звать, дак там и ночевал.

-К Павлиновичу? Родня большая, двоюродники, ягода малина. Деревенских-то всех зовёт мать-то?

-Как, поди, не всех. Посуды-то много насобирали.

-А мне Лизавета еще вчера сказала, что званы-то мы. Я, паре, сегодня и в печь ничего ставить не велел, на готовое пойдём, дак чего зря-то зориться, елки в крест, за рекой деревня-то. Присядь, сейчас, паре, Лизавета-то придет, дак и насчитаем, чего надо, ясен ковпак.

-Дядя Паша, а у вас запятнаны ложки, не спутаем отдавать-то?

-Запятнаны, Ванюшка, не перепутаешь. А это, из других-то деревень кто зван?

-Дак Володя убежал...

-Богато, паре, Раиска губу-то раскатала, елки в крест, стола три, поди насобирается. Чего уж Лизавету ждать, сам отсчитаю. Ложек два десятка вот, нитками перевязаны. Станов дам, полдюжины зеленого стекла, да две пары граненых, не разбей, паре.

Вечером убежавшийся за день Ванюшка с нетерпением заглядывал в окна горницы, не идут ли гости.

-Что-то, мама, не идет никто?

-Дак ведь крещеным обрядиться надо да одеться побуще. А наши дожидаются, когда чужаки пройдут. Чуй-ко, вон с Першины-то дядя Павлин идет, поди, встречай гостей, поздороваться не забудь.

Наконец, все собрались и расселись за столами, мужики по один край, бабы - по другой. Все были приодеты и красивы.

-Ну-ка, братец, угощай мужиков-то, а я этим краем займусь. Давай, подруги, благословясь, - захопотала Раиса, - принимайтесь, чего руки-то сложили, может, и есть нельзя, зря, что ли я хлопотала. Давайте-ка по маленькой. Пиво-то, бабы, пробуйте свежее. Самое то. Принимайтесь-ка, принимайтесь, перемен у меня немного. Ну, паре, Клавдия, она и руки сложила. Мужики, вы-то чего дожидаетесь?

Пропустив поднесенную стопочку и запив ее ароматным густым пивом мужики чинно принялись за еду. Бабы еще жеманились, прикладываясь к наливке.

-А я как хозяйка. Давай-ка, Раиса, бери лафитничек, да чокнемся, вот теперечи и я попробую. Ох! Скусна, паре, бабы, наливочка, и остановиться не могла, за здоровье хозяев да гостенька дорогого все выпила.

Постепенно за столом установилась атмосфера праздника и беззаботности. Всех радовал временный отдых от забот, возможность поговорить. Володя с Ванюшкой ужинали в горнице. Мать забежала, брала что-то добавить на стол и уходила к гостям.

-Мам... Я спать пойду в мезонин, а то завтра рано вставать, наша очередь овец пасти, чтоб не проспять.

-А мне охота послушать, как будут песни петь, я, мама, на печь залезу.

-Ванюша, дак ты там и уснешь.

-Не, не усну, я маленько послушаю и к Володе.

-Ну, давай, послушай, только не баловаться, а то неловко перед гостями.

Ванюшка быстро прошмыгнул на печь. Он смотрел на гостей: лица баб и мужиков преобразились, в глазах растаял туман вечных деревенских забот, вспыхнула радость праздника, короткого отдыха, так редкого в страдную пору лета. Раиса мельком взглянула на брата, почувствовала, что он доволен и праздником ради него, и встречей с земляками:

-Давай-ка, сестрица, гармошку, тряхнем стариной.

-Ох! Сыграй-ка, Степанович, по старинке, раньше-то баско играл, сердце замирало. Не забыл ли? Подтягай, бабы. Давай-ка свою любимую. Мы-то, паре, не забыли, часто поминаем.

Ванюшка во все глаза глядел, как дядька, надев гармошку, бросил пальцы по пуговкам голосов, наклонив голову, слушал мелодию.

Высоким голосом мать начала песню:

Я у матушки выросла в неге...

Бабы, одна за другой, подхватывали мелодию, вплетая свои голоса. Кто-то открыл окно, и песня тихо поплыла меж спящих домов деревни, уходила за околицу и тихо замирала, приглушенная сонным трепетанием листвы окрестных дубрав.

Свернувшись калачиком на теплой печи, Ванюшка спал безмятежным детским сном...

День четвертый

На дворе октябрь. Предзимье. Дни стоят тусклые, холодные. Скот уже поставлен на зиму в теплые хлевы. Хлеба убраны с полей и свезены к гумнам. Обмолочена рожь, на очереди яровые. От овинов и риг тянет теплым запахом свежего хлеба - сушат снопы для обмолота. Утром и вечером работает гидроэлектростанция, в избах зажигаются электролампочки. Скоро выпадет снег, все кругом затаилось, ожидая близкую зиму.

Ванюшка целыми днями пропадал с матерью на скотном дворе. На ногах - Володины боты, на голове - шапка, служившая ему уже третьему из братьев. Сшитое из фуфайки пальтишко схвачено по поясу тонким ремешком. Вот и весь сряд. Тепло - и ладно, главное, свобода, и на людях весь день.

-Мам, а Рогуля-то уж все съела, надо бы прибавить соломки-то. Вишь, она просит.

-Ох, обряжуха, беги скорей в избушку, там, поди, и картошка сгорела. Выкатывай, а мы еще разок по силос сходим и идем. Глико, весь укатался.

В избушке тепло, топится печка, слышно клекотанье котла с кипятком. Ключкой выкатив из печки картошку, Ванюшка собрал ее в старое ведро. Заглянул в молокомер, где было оставлено немного молока. Достал с печки черепеню с солью. Доярки, обметая грязь с сапог, одна за другой входили в избушку. Запахло силосом, парным молоком.

-Ну, командир, доставай печенки. Все, паре, Ванюшка, устосались, хоть картовину съесть горячую, да домой бежать. Ох, бабоньки, доживаю, дров дома - ни полена, и лошади не дают. Третьево дни с воз нарубила олишняку на лягах, да до снега-то, поди, и не дадут вывезти. Как хошь живи.

-Да, Раисушка, Ондрино-то гумно ломают на дрова, мы с Павлом ночью сходим, дак по остумку-то и приволокем, тем и живем.

-Сегодня не сходишь, вечером молоченье, утресь бригадир наряжал, наш день. До полуночи там, да устанешь за день-то, домой насилу приправишь.

-Мам, а ты пойдешь молотить-то?

-А как, Ванюша. Обещали опять на декаду муки дать. Вчера привезли, бают.

-Ну дак и я пойду. Хоть посмотрю. Ты меня с собой-то все не берешь, а другие ребята бегают.

-На трудодни-то, бабы, опять ничего не дадут, еще с государством не рассчитались, да семена, да фураж, а колхозник - бейся задаром. Хоть бы по пуду сегодня дали муки-то.

-Держи карман шире! По пуду! Прошлую декаду тоже по пуду сулили, а выдали по шесть килограмм, и то прошлогодней.

-Нечистый дух! Провались все пропадом и с жизнью-то! Ломишь, ломишь, а поесть нечего. Вон сибиряна-то прошлый год по три килограмма на трудодень получили, да на семена дали, да по рублю и деньгами вышло. Полдела жить-то, а у нас все не как у людей. Охвостьев с мякиной пополам по двести грамм выдали, да две копейки на трудодень, и умойся, колхозничек, живи как хошь! Нечистый дух! Настоящего хлеба не едали.

-Ну, полно ругаться, горлом много не возьмешь. Потопали, бабоньки, по домам, к вечерней-то дойке пораньше приходите, если молотить дак.

Дома Ванюшка еще раз приступил к матери:

-Мам, можно я пойду молотить? Я ведь шалить-то не буду и домой проситься не буду, пока не кончим.

-Дак ведь долго, Ванюша, затянет-то.

-А я не захочу спать.

-Ну ладно, сейчас беги к Акимовне. Они с Надежей да с Анной - глухой из овина снопы высаживать пойдут, если замерзнешь, в овин к деду Андрею иди, там тепло у печки-то. А мы с бабами к молоченью придем.

Старухи вынимали из овина теплые еще снопы жита, Ванюшка усердно помогал им, таская тяжелые снопы. На улице уже стемнело. Пришел бригадир.

-Дядя Вася, а молотить-то скоро будем?

-Скоро, Ванюшка. Вот люди подойдут, да горяна отмолятся часам к восьми-то, и мы начнем, а то электричества нам не хватит молотилку-то пустить.

-А... Дядя Вася, а веялку надо руками крутить?

-Руками, вот сейчас решета переставим, все подготовим, стол к молотилке поставим.

Начал собираться народ. Каждого из них бригадир приставлял к делу, и вскоре все было готово. Лампочки на гумне мигнули и загорели ярче.

-Ну вот, и наша очередь подошла, пора начинать. К веялке - две Александры - крутить, Лизавета, тебе зерном править, двое - на засыпку - Любава, Валентина. Солому метать - Лено с Александром, на стог доярки подойдут - две Раисы, на относке - Мария, Сашко да

Иван. На ворохе - Юля, на полове, Зоя-матушка, тебе придется. Девки - к столу, снопы резать. Вы, осенцы, двое -подавать, да не шалить, после наиграетесь. К барабану сам встану. Поехали...

Мощный мотор натужно взвыл, раскручивая шкив привода, затем ровно загудел, шлепая приводным ремнем. Ванюшка, присев на бревно опашня, с любопытством смотрел, как все кругом обрело свой порядок. Бригадир рычагом передвинул ремень на рабочий шкив молотилки. Свет в лампочках стал желтым, машина ожила, зашевелилась, загрохотала. Взвыл тяжелым басом барабан, зашипел вентилятор, весело закрутились разные шестеренки и колесики. Внутри машины все пришло в движение, затряслось и задвигалось во все стороны. Свет разгорелся. Бригадир махнул рукой, и все кругом тоже закрутилось в общем ритме – работа началась...

Снопы, подхваченные вилками, взметнулись на высоко поставленный стол, ложась колосом в одну сторону. Там серпом разрезали вязки, растряхивали колосья по столу и подвигали к широкому зеву молотилки. Бригадир подавал их в барабан. Молотилка тяжело охала, заглотив свежую порцию, с усилием пережевывала ее, охাপку за охাপкой отправляя в ненасытное нутро.

Ванюшка видел, как под машину ручейками потекло зерно. Юля пешкой выгребала его на середину гумна в ворох. Хлебная пыль окутала молотилку, оседала на лицах и одежде людей. Застрекотала веялка. Ребята вдвоем крутили огромную ручку, бабы ведрами сыпали зерно из-под молотилки на решета веялки. Очищенное зерно тремя ручейками стекало в подставленные мешки. Пустая солома широким потоком сходила с клавиш соломотряса, ее подхватывали деревянными крюками носильщики, вытаскивали на улицу и там складывали в большой стог. Работа шла слаженно и быстро. Молотилка, будто человек, работала сосредоточенно, покрывая порой от больших охапков, подаваемых в барабан. Ворох зерна рос. Веялка явно не справлялась, хотя парни уже сбросили и фуфайки, и шапки, раскручивая барабан вентилятора. Зерновой стан веялки трясло как в лихорадке. Мешков, заполненных зерном, становилось все больше. Ванюшка в общем порыве бросился помогать подавальщикам снопов, таскал их из опашня к молотилке. Он видел радость на лицах людей, радость от хорошего урожая, от щедрости земли-матушки в ответ на труд хлебопашца.

Пахло свежим хлебом, летом. Опустив руку в карман пальтишка, Ванюшка потрогал горбушку ржаного карава, которую мать положила ему дома, и вновь побежал за очередным, крепким и тяжелым от зерна снопом жита. Он с полным правом считал себя причастным к великой тайне рождения самого вкусного, что есть на земле, хлеба...

Ночное небо светилось яркими звездами. Над горизонтом взошла луна. Земля, свершив великое чудо - родив хлеб, умаялась от хлопот и уснула до будущей весны...

День пятый

Ванюшка жил в городе уже второй месяц. Вначале он скучал по дому, по матери с братом, по тишине, по корове Поясане, по деревенским ребятам. Здесь для него все было ново, незнакомо и интересно, но он часто вспоминал дом, родную деревню, ее людей. Скоро за ним должна была приехать мать, осенью в школу, в первый класс. Сестра забрала его сюда, чтоб приодеть перед школой. Двое его племянников ходили в садик, и целые дни он и здесь был один. Познакомился с городскими ребятами, но не сошелся с ними. Они подсмеивались над ним, его деревенским разговором, босыми ногами. Ванюшка берег свои новые сандалии: что летом впустую рвать обувь, босому привычнее. Он часами сидел у дороги и смотрел на проходящие машины, не умел драться и всегда сбегал от ребят домой, правда, старшим он никогда не жаловался.

Больше всего его тянуло к железной дороге. Он подолгу смотрел на проходящие поезда, которые всегда куда-то торопились, протяжно гудя, выкидывая черные гривы дыма. Ванюшка часто бегал на переезд, где работала соседка по дому тетя Зина. Муж ее, Шишкин Петр, кудрявый, цыганистый, веселый мужик, был машинистом паровоза на лесобазе. Он обещал Ванюшке покатать его. Паровоз был большой, черный, он подавал вагоны под лес и водил груженный состав на Кулой, на большую дорогу.

После обеденного гудка, который ежедневно, три раза в день, давали на «шестой колонне», Ванюшка шел за хлебом на пекарню. Там работала жена старшего брата Катерина. Он любил ходить на пекарню, здесь было все интересно. И хлеб пекли не так, как это делала дома мать. И печь стояла совсем другая, «карусельная». Катерина провела его в цех, посадила к большому столу, подала горячую, только что из печи, горчичную сайку, подвинула блюдо с маргарином:

- Ешь, Ванюша, пока горячая, отъедайся, скоро в школу, а в деревне таких саяк не пекут.

Мягкий горячий хлеб был очень вкусен, как и таявший на нем маргарин. Особенно любил Ванюшка верхнюю корочку, темную, зажаристую, хрустевшую на зубах.

Придя домой, он не стал обедать. Положив хлеб и закрыв на замок двери квартиры, он направился к переезду. Скоро должен пройти «Московский скорый». Ему нравился этот красавец-поезд, особенно паровоз с большими красными колесами, с красной звездой под прожектором. Котел, трубы и даже мостики паровоза - все было закрыто, упрятано за красивыми кожухами, покрашенными в красный и зеленый цвета, с широкой желтой полосой посередине. Казалось, могучий конь с большой черной гривой мчал состав вдаль, в

неизвестность. Буквально за минуту он пролетал мимо переезда, легко и безнатурно увлекая состав, оставляя за собой мелодичный, короткий гудок: вижу - «путь свободный». Различать гудки, или разговоры паровозов, научил его дядя Петя Шишкин. Ванюшка увидел, как пыхтели два паровоза, тащившие большой состав с углем в сторону города, грохоча по железнодорожному мосту через Вагу. Семафор, пропускавший поезд к городу, был с двумя лучами, а у дальнего семафора, который открывал путь из города к Кулою, единственный луч был закрыт. Переезд тоже был закрыт полосатым шлагбаумом. В промежутках между мелькающими вагонами Ванюшка разглядел Зину, которая держала в руках желтый флажок, означавший «путь свободен».

Поезд прошел. Зина открыла переезд. Ванюшка, проходя на площадку к будке, увидел, как дрогнули лучи семафора и встали, слегка качнувшись, в положение «путь закрыт».

- Здравствуй, Ванюша, посмотреть пришел? Скоро твоего красавца принимать будем, видишь, Петрович стрелку переводит?

- Вижу, тетя Зина. А я хотел с дядей Петей на паровозе покататься. За мной скоро мама приедет, в школу пора...

- Ох, Ванюша, а дядя Петя недавно на Кулой сцепку повел, наверное, поздно вернется. Видишь, с порожняком-то мотовоз ползает. Ну, да ты не тужи, он через два дня опять на смену придет, вот и покатает тебя.

- Ладно, тетя Зина, я, может, на другой год приеду, если в этот раз не успею. Домой-то уже охота.

- Не тужи, вон твой красавец прибывает, пойду переезд закрывать, а ты бери мой рожок. Дуди сначала в одну сторону, потом в другую. Видишь, какая у меня работа хорошая: вышел из будки, дунул в дудку и опять в будку.

Обрадованный Ванюшка ухватил рожок, подошел к перилам маленького перрона. Зина трещала защелками лебедек, закрывая переезд. За мостом послышался знакомый гудок поезда. Петрович уже стоял у своей будки с желтым флажком, встречая приближающийся поезд. Зина подошла и тоже подняла свой флажок.

- Ну, давай, дуди! Набрав полную грудь воздуха, повернувшись навстречу поезду, Ванюшка дунул в рожок. Красавец-паровоз, как бы отвечая, выдал коротко: «Вижу «свободный путь». Улыбающийся машинист задорно дудукнул для них с Зиной, и паровоз пролетел мимо, вращая огромными, красными колесами, обдал их запахом машинного масла, струйками белого пара и теплым ветерком.

Промелькнули зеленые вагоны с пассажирами у окон, и еще долго слышался мерный стук колес на стыках рельсов.

-Ну, помощник, пойдем переезд открывать.

Зина опустила в футляр на широком ремне у пояса флажок, прицепила туда же и рожок и пошла к ручкам лебедки, чтобы поднять

шлагбаум. Подъезды по обеим сторонам были пусты, и Зина позволила поднять один из шлагбаумов Ванюшке.

- Тетя Зина, цветные стеклышки на шлагбаумах-то, красные да зеленые, для красоты?

- Да нет, пойдём в будку, я тебе там и расскажу. Чайник поставим. Почаевничаем, если успеем. Вон Петрович опять стрелку переключивает, порожняк из города, наверное, погонят.

Ванюшка наблюдал, как Петрович поднимал семафор, открывая путь со стороны города. Вышла из будки Зина.

- Не пивать, Ванюшка, нам чаю, вне графика товарняк идет, да сцепка с Кулоя встречная.

Когда Зина хлопотала у лебедок шлагбаума, из подъезжающего «газика» кто-то окликнул Ванюшку. Приглядевшись, он узнал колхозного шофера. За переездом машина остановилась. Ванюшка подбежал к ней.

- Ну, горожанин, собирайся домой, за тобой я, брат. Мать велела заехать. Вот нагружусь, в ночь и отправимся.

День шестой

Последний день августа выдался погожим. Солнечные лучи щедро отдавали тепло налившимся хлебом, дозаривая крупный колос. Поднялись темно-зеленые отавы на выкошенных лугах. Легкий ветерок уносил вдаль парашютики Иван-чая, осенние тенеты, запах первых грибов, играл еще густыми кудрями деревьев, первыми желтыми листьями. Рябины опустили свои тяжелые ветки под грузом созревающих оранжевых кистей ягод. В поле стрекотала жнейка, пестрели яркими сарафанами бабы - вязальщицы. Аккуратные домики суслонов вставали на стерне. Стайка деревенских ребятишек копошилась на краю горохового поля, собирая за пазуху тугие стручки, стараясь не примять сочные стебли, усеянные красивыми цветами и мягкими зелеными плашками. Доярки косили сочную массу на подкормку коровам. Лето заканчивалось, теплое, ласковое, сытное.

Забежав домой, Ванюшка высыпал горох в блюдо, вновь выскочил на улицу. Солнце опустилось за полдень. Взяв во дворе пестерь, побежал на огород. Картошка уже отцвела, мать начала подкапывать ее на еду.

Поставив пестерь на межу, Ванюшка принялся вырывать с окученных боровков кустики лебеды, сочного осота и мокрицы. Набрал охапку сорняков, снес в пестерь, утоптал ногой, вновь принялся за работу. Наконец пестерь был наполнен. Взяв его за ручки, попробовал поднять. Тяжеловато! Волоком дотащил пестерь до двора. Одно дело сделано. Еще нужно сбегать на скотный двор, начерпать коровам

воды. Скот уже пасли на отавах и на ночь заставляли во двор. Воду черпали из родника «журавлем». По колодам она бежала прямо во двор в большой чан, из которого уже ведрами разносили по кадушкам, из которых и пили коровы.

Ведро с водой легко взлетало вверх, холодная ключевая вода обжигала прозрачными брызгами ноги и, весело журча, текла по колодам. Долив воды во все кадки и снова начерпав чан, Ванюшка залез на черемуху, сорвал несколько спелых пахучих ягод. Ухватившись за ветку, как на парашюте плавно опустился на землю. Вокруг силосной ямы, манила к себе красными огоньками зрелая малина. Крапива, обильно разросшаяся тут же, не пугала его. Взяв сухой прут, он быстро расправился с ней, но полакомиться не успел. К ферме подъехали доярки с подкормкой для коров.

- Мама, а я уже воды-то начерпал!

- Ну, молодец, скоро домой пойдём. Вот подкормку раздадим - да и по домам.

- Полдела тебе, Раиса, с таким помощником, а у меня еще и воды нет, и навоз не выкидан. Когда еще все управлю? Ох! Грехи наши, не знаешь, где найдешь, где потеряешь.

- А я, тетя Лиза, чан-то дочерпал, дак и вашим коровам хватит, а вечером опять начерпаю.

- Ой, кормилец, спасибо тебе! А то бы и дома не бывать. Ванюша, еще бы Седаху-то распряг да навязал, и совсем бы любо было.

Ванюшка, с сожалением поглядывая на заросли малинника, пошел распрягать лошадь. Старая кобыла в предчувствии отдыха шлепнула по Ванюшкиной стриженной голове отвислыми губами

-Но! Но! Не балуй!

Стащив сбрую во двор, Ванюшка отвел и навязал лошадь на солотях.

Мать ждала его у отвода к деревне.

- Ну, вот, обрядились до вечера.

- Мам! А когда мы будем все к школе-то примеривать да собирать? Завтра утром недосуг будет, опоздаю в школу-то!

- Вот пообедаем и посмотрим, чего у нас там не готово, померяем все и приготовим наутро-то.

Пообедав, мать вымыла посуду. Ванюшка вылуцил собранный горох.

- Пойдем, Ванюша, обновы примерять.

В горнице на столе лежал хлопчатобумажный костюмчик, привезенный из города. Купленный на вырост, он был чуть великоват, но мать сказала, что дело поправимое, и несколько вечеров колдовала над ним, орудуя иголкой и перешивая пуговицы.

На лавке стояли ботинки со шнурками, их Ванюшка тоже примеривал не один раз. Мать взяла в руки новую рубашку.

- Ну, школьник, скидывай свое старье, будем новый сряд примеривать...

Рубашка приятно холодила кожу, брюки и пиджачок тоже были впору.
- Вот, слава Богу, все подошло. Носки с ботинками сегодня одевать не будем. Вот так, пуговицы все застегни. Повернись. Как жених! Слава Богу, все ладно получилось. На-ко, ремешок вдерни, чтоб не потерять штанов-то, а, может, когда и подучить пригодится. А, Ванюша?

- Не, мама, я ведь хорошо буду учиться-то. Вера сказала". «Хорошо будешь учиться, дак потом опять чего-нибудь купим».

- Вот и старайся, в школе-то не балуйся, учительницу слушай.

- А я и не буду вышаливать-то. Лизавета Евлампьевна-то строгая, может и указкой стукнуть.

-Кто тебе сказал?

- А Манька Сарина говорила, она уж в третий класс пойдет.

- Неправда это, учительница добрая, вот если слушаться не будешь, тогда после уроков оставлять будет, а так ведь учителя-то все добрые. Из школы-то будешь приходиться, дак все снимай и переодевайся, береги, а то и на год не хватит. Вот, Ванюша, и собрались мы в школу...

- Мам... А в чем я буду книжки с тетрадками носить? Коле-то дак отец полевуху отдал.

- А у нас и побаше будет сумка-то. Смотри-ка, что я тебе сшила. Видишь, какой любой подшалимочек. Это под книги, а это под тетради, и кармашек для пенала внутри вшила. Ну, каково? Где у тебя пенал-то?

- Мне Володя его купил, и резинку стиральную, и ручку, и перышки, и два карандаша, и подчинил даже. Пеналов-то ни у кого, наверное, нет. У Коли дак точно нет, я знаю. Он сам говорил. Да и ручки у него еще нет.

- Ручку потом купят, вы еще писать-то только после Нового года станете, пока карандашом учитесь.

- Может, мама, не войдут книжки-то?

- Войдут - войдут, я ведь по Володиным книгам мерил.

-А-а...

- Книжки да тетрадки вам в школе дадут завтра, а пенал-то давай сразу и положим. Видишь, в самый раз кармашек-то.

- Нас Маша учила, как себя в школе вести надо.

- Вот завтра все втроем и пойдете.

- А я сегодня пораньше спать-то лягу, чтобы не проспать завтра.

- Ох, приду завтра - и нет дома парня, в школу ушел..

- А как я один-то соберусь, не забуду ли чего?

- Не расстраивайся, я пораньше обряжусь на дворе-то и прибегу тебя собирать. Ничего и не забудем. Вот и последнего в школу собрала, слава Богу. И к осени у нас все припасено, и к зиме все собрано.

- Ты, мама, не гужи, я ведь буду тебе помогать-то. Уроки сделаю и прибегу на двор. После уроков-то уж не буду заслуживать...

Поклон от Васича

КУЛА

-Ну вот, я и баю, что недоразвита была Дуняшка-то, Фаюшка.

-Недоразвита, недоразвита, да умней всех была девка, и на лицо баская, коса до колен. Ну, по молодости маленько недовертывало у девки. А рукодельница какая, дай Бог каждому. Что вязать, что вышивать - все в руках держалось. В семье не без урода, раньше говаривали.

-«Как дом - так и ком, в каждом доме по кому», - Полеваха баял, как в гости заезжал. А гостил дня по три, кругом родня. Из дома в дом, пока до отвода не доберется: «Ну, Буянко, домой, видно, пора, до отвода доехали».

-Мелешь, Василий, не эдак он баял-то. Не ком, а кум. Как Ванька Кула- все нашиворот перевернешь. Вот чудак был. Кузнец от Бога - раскулачили. Погалился над Дуняшкой-то, а та все за правду принимала.

-Раз, паре, Юрич, дело весной было, пахали, сеять начали. Полосы-то у Харламковых рядом были. Иван пашет, Дуняшка боронить приехала. Борону перевернула, крочить налаживается - под лен, дак помягче надо. Иван с плугом подъезжает с другого конца поля:

-Здравствуй-ко, Дуняшка, помогай Бог!

-И тебе, дядя Ваня, тем же местом.

-Ничего не знаешь?

-Может, и знаю чего, да не всем разляпаю.

-А, девка, мать наказала тебе домой ехать. Пирогы поспели, дак чаю пить звала.

-Ну, паре, я ведь только из дому.

-А ты распряги, да верхами - скорей дело-то выйдет.

Так девка и сделала. Распрягла да домой попылила. Отец навстречу: «Куда, чадо милое, поехала, что случилось?».

-Так, тата, мама-то наказала домой, чай пить.

-Мать-перемать, Дуняшка, Иван-то ведь с утра пашет. Где он мать-то видел? Ох, божье наказание. Поворачивай давай на полосу. Сеять надо, земля сохнет.

-От Кулы-то и большой за правду примет, а тут челеденек.

-Так оно, Фаюшка, помнишь, за вытаской да теребком к Андрею бегала?

-Чего вспомнил, старый.

-Невестой уж была, чай, а поверила. А ты, Юрич, хлебай ушку-то, удачна получилась, добра.

Уха действительно вышла на славу, по особому рецепту деда Васича.

-Давай еще дернем по махонькой - рыба посуху не ходит. В самый сенокос дело-то было, с дальних покосов уж выбрались, под деревней

косили. К обеду решили домой не идти, не замочить бы сена. Дуняшку домой за павжной послали, а сами сено ворочают. Дуняша скорой рукой собрала что к павжне, и на покос. За плечами пестерь с едой, в руках туес с квасом. Иван на лошади верхом из деревни тоже поспешает. Догнал девку в улице:

-Куда, Дуняша, торопишься?

-Да павжну несую, наши-то догребают, да метать станем вторую копну, досохло дак.

-Что, управите сегодня?

-Управим.

-Чуть, паре, не забыл. Мать-то тебе велела тулуп принести. У отца что-то спину схватило, отпаривать надо. Да сметану, что утром наснимала, велела с собой захватить. Пострадки у вас дак, сухомес-от со сметаной вкусней будет к павжне-то.

-Ладно, дядя Ваня, пестерь к огороду поставлю, да и вернусь за тулупом-то. Вы-то как? Догребете сегодня?

-Некошеного-то, девка, не гребут, косить станем.

На сенокосе заглядывают: ушла девка, да и воховень.

-Кто там, отец, полем-то катит, что за чучело?

-Мать-перемать, чадо милое, дак ведь это наша Дуняшка в тулупе прет. Пестерь спереду и в кринке чего-то завязано. То-то Ванька лыбится, опять на худо девку сбил.

Так вот всю жизнь на протак. И попадало ему, а все нейдет. Раз ведь, Юрич, чуть не посадили. Ладно, старший брат две овцы свез к Покрову-то, а то бы упекли, как пить дать упекли. Приезжает, это полномоченный, на лошади верхом. Иван в кузнице, весна, работы много. Тогда еще только в коммуны сгоняли. У нас тоже «диклатура», как Висарька баял, была коммуна-то изделана.

-Такой-то? - спрашивает уполномоченный Ивана. - Он самый. - Собирайся, поедешь к Покрову (Н-Кулое) на недельку. Вот решение Совета, зачтут за твердое задание. - Дак ведь я уже две недели отработал, коммуне инвентарь чинил. - Еще добавили! - кричит уполномоченный, - собирайся, на лошадь и за мной. - Дак ведь лошади на пашне. Недосуг.

-А я говорю... - и пошло-поехало. Лошадью-то и запопихивал Ивана. Как у того пузырек со скипидаром оказался? Знать, паял чего. Он кобылке-то под репицу и плеснул маленько скипидару-то. Лошадь на дыбы и понесла. Уполномоченный наземь, как щи пролил. А лошадь никакие огороды не удержали, убежала. Посадили бы Ивана, да помогли два барана. Помирились. Иван две недели отработал у Покрова.

-А Висарьке, помнишь, чего учудил?

-Как сейчас помню, Фаюшка, нагалил, паре. Виссарион-от был членом сельсовета, он и настоял обложить Ивана тройным налогом. Как кулака обложили. Иван и решил отомстить сельсоветчику.

Вечером, как скотинка с пастьбы пришла, крещеные обряды начали. Вдруг по деревне шум. У Висарьки ребятня по деревне кто корову, кто овец туда-сюда гоняет. Что издалось? Не идет скотина во двор, хоть ты лопни. Так всю ночь по деревне и бродила скотина-то. Иван догадался, медвежьим салом ворота во двор вымазал. Скотина дух этот чует и не идет. Утром-то малому у Виссариона сказал: «Пусть отец снимет ворота во двор, да выстрожет. Может, и поможет. Да стружку-то в печи сожгите».

-Наливай, Фаюшка, чаек-от. Я выйду, простыну на крылечко. Да не жалей заварки-то, чернобровая.

Дед Васич вышел на улицу.

-Фаина Николаевна, за каким теребком Вы-то бегали?

-Это, Юрьевич, перед свадьбой дело было. Заказали мы с Василием кольца Ивану-то Алексеевичу, два «ефимка» принесли (серебряная монета). Василий и послал меня свое колечко померить. Прихожу в кузницу: «Дядя Ваня, я кольцо примерить пришла».

-Добро, девка, сейчас принесу. И ты пока сбегай до кума, попроси у него маленько вытаски, да и теребок пусть даст, мой куда-то запропастился.

Ну, я тут и была: «Дядя Андрей, Иван Алексеевич вытаски да теребок велел дать». Тот за живот схватился и впокатушку. Вот так дело было. Востер на язык был, головушка, а руки золотые. Он и зубы крещеным рвал.

Вошел дед Васич.

-Меня-то, Фаюшка, строжишь, а сама не хуже моего строчишь языком-то. Расскажи, как тетке у тебя зуб-от вырвал.

-Да ну тебя, баламут, сам рассказывай.

-Анна-то ночи три не спала, зуб замаял, а рвать боялась. Да вынудило

-Пошла к Ивану.

-Показывай, Анна, который зуб болит. Ишь, как тебя перевело-то, милая.

-Верхний, паре... ага, этот, ой, боюсь!..

-Добры долота, как у Емзерка, пожалуй, девка, мне и не осилить. Операцию надо, Анна, делать.

-Ой, боюсь я!

-Бог терпел, Анна, и нам велел. Открывай ворота шире, да разувайся.

-Берет сурову нитку, зуб обвязывает: «Наклонись!». Второй конец вокруг большого пальца на ноге обвязал: «Готовься, баба-матушка!». И хватить рукой за срамное место.

Ой!!! Охальник бесстыдной...! - Выпрямилась наша Анна, зуб на пол и упал.

-Ай! Ой! О...о..! Зуб-то мой?

-Твой, паре, Анна, твой.

-Вот тебе спасибо-то, Иван Алексеевич.

-За что? За зуб или что пощупал?
-За зуб, за зуб.
-А, и немного, паре Анна-матушка.
-Дак, это, когда-нибудь чего и дам.
-Угольков на том свете.
-Да что ты эго говоришь-то. Рассчитаюсь, рассчитаюсь.
-Ну, девка, операция закончилась благополучно, поди с Богом.
-Подавай тебе Бог, Иван Алексеевич.
-Бог-то Бог, Анна, да и сам не будь плох.
Вот так всю жизнь с шуткой да гальбиной и прожил.
-Помлико, Фаюшка, чего старшому-то братану учудил. Тот с женой размолвился. Ходят, пышкают. Вот Иван-то и решил их замирить. Чай пьют, каждый себе в чашку наливает, последний мухуйчик в избе сдох. Ну, Иван-то смотрел, смотрел, самовар в охапку и в кузницу. К обеду, паре, самовар несет.
-Загревай, сношка, самоварчик, раз размолвились, дак чего вокруг одного крана бегать, тепереча каждому свой припаял, пользуйтесь на добро здоровье.
-Ну, братан, учудил. Век бы мне экого не смикитить. Давай, Олюшка, мириться, а то деверек-то и дверь в избу вторую пропилит.
-Да, ребята, большого таланту был человек.

БОЖИЙ ЧЕЛОВЕК

Дед Васич, смакуя крепкий, горячий чай, блаженствовал после баньки. Фаина сидела у самовара - под краном, как говорят в деревне. Старики отходили и отдыхали от банного пара. Вовремя угадав за самовар соседей, и я потягивал ароматный напиток, слушая их воркование:

-Вот, паре, Юрич, ноне нет у нас провидцев-то.

-К чему, Иваныч, клонишь?

-Вспомнил я, паре, Акиндина - божьего человека, блаженного Христа ради. Сам-то еще махонькой был, без штанов бегал. Худо помню, ну а покойница-мать много рассказывала о нем. Не верили ему мужики-то, глупым считали, а после эвон как все повернулось.

-Слыхивал и я о нём. Откуда он родом-то, Иванович?

-Да наш он, местный будет, из Табор, Акиндин Макарович, а чьих людей-то - уж и не скажу. Знали его широко: из Загорска посылки ему посылали с одеждой, с Вологды, и наши духовные отцы обихаживали его, всем хотелось к своим церквям его приголубить - блаженный, как же. Сказано: «Устами блаженного сам Бог говорит». Ну, а он больше по лесу да у речек ходил, летами-то, а зимой - в деревнях. От снега до

снега - босый, зимой лишь лапотки носил. В руках батожок, через плечо - котомка. Одежда - в заплатках да ленточек всяких нашито, на шапке - бусинки да бантики разные - блаженный, единым словом. Умер не старым, похороны были пышные, попы из Загорска, Вологды, Верховажья наехали. Похоронили на церковном кладбище. Из нашего-то гроба в свой переложили, весь темным бархатом обит, покровы свои привезли. Да... Ограду железную, кованую поставили, и крест - тоже. Теперь уж и не знать могилки-то. На могилку-то долго верующие ходили, песочек брали. Помогал, говорят, тот песочек от всякой хвори, особенно от зубной. Налей-ко, Фаюшка, еще чашечку. И Юричу налей. Добро после баньки-то...

-А что, Иванович, предсказал-то он?

-А вот, бают, говаривал он в своих сказках, что есть, мол, человек, который о бедных людях думает. Много будет он страдать и станет большим человеком, и все ему будут кланяться, а Николу застрелят. Мужики хохочут над ним, а он и рад. Любил, убогий, когда люди над ним смеялись. Думается, о Ленине и царе вещал Акиндин-от. В какой избе остановится - все мужики там.

«Вот, мужики,- говаривал, - доживете скоро, в Дорах (д. Оринодоры, Сибирского с/с) настроят монастырей и из деревень всех туда молиться погонят, и мужиков, и баб, плакать будете, а пойдете. Паёк там всем дадут. И людям, и коням - всем паёк будет».

Так и вышло, паре, Юрич, настроили бараков в Дорах и погнали всех на лесозаготовку, и мужиков, и баб, и паёк был - норму в день сделай. Кожа с кулаков сходила, а норму сделай, и силы были. Как сейчас помню и Ключевку, и Доры, и 82-й квартал. Много народу лесок-то изломал.

Старики повздыхали, поохали...

-Скоро, баает, все деревни тинной опутают, к каждому дому проволоку протянут, а по полям железные кони ходить будут, будут огнем пыхать.

-Складно, врешь, Акиндинушко, еще чего сбаешь?

-Попомните меня, мужики, скоро в деревнях все общее будет: и земля, и скотина, а вам по одной коровке оставят, и кормить будут всех с весу, а в Павловской, дак и люди одной семьей будут жить, в одной избе павжнать-ужнать будут.

-Дак и что? И бабы обчи будут, Акиндинушко?

-Нет, паре, Ванька, твоей Овдотьи никому не обуздать, кроме тебя, а командовать тобой она еще будет, попомни...

Это он коммуны да колхозы предсказывал.

Летом, как на сенокос идти, если увидят Акиндина у ручейка и наблюдают, что он делает: если ручеек крепит - гребни смело, дождя не будет, а если расчищает русло, коси, весь день дождь будет. Раз засмотрелся на него мужик, а он поднял к нему глаза-то и баает: «Не чеши, паре, Степка, мошню-то, побегай, гребни, а к вечеру дождь

будет». Как сказал, - так и вышло... Обе войны, паре, предсказал: «Много, - баеет, - народу погибнет, голод будет, трудно всем будет. Но и добро поживете, мужики, учиться всех заставят, и старых, и малых, все читать и писать будете».

Мужикам весело - добрые сказки, скорей зимний вечер пройдет, мели дальше.

-А добро-то, Акиндинушка, когда заживем?

-А когда на горе-то Крестовое поле все домами застроят, до погоста дома будут - поживете...

А и пожилы, паре, Юрич, Крестовое поле застроили, телевизоров да холодильников накупили - и опять яма. Ох-хо-хо...

-Полно-ко, Василий, вздыхать-то. Пенсию дают, на хлеб-соль хватает, огород под боком, только наклоняйся почаще, проживем, даст Бог, - вставила свое слово Фаина.

-Опреж, в Рождество-то, все в церковь ходили. Акиндин-от на Горе у Стениных был. Василий Александрович - мужик справный был, лавку имел, два дома было, работников держал, в церковь собрался.

-Пойдем, Акиндин, Бога славить. В грехах каяться. - Не, Василий, не пойду. За меня мышка помолится.

Идет это Василий-то, а перед ним мышка серая бежит. После службы приходит домой, Акиндин и спрашивает про мышку: «Видел, Акиндинушко, видел. Только в церковь-то она не зашла». «А ей там и делать нечего. Не накопил я, батюшко, грехов-то».

Жена хозяйина давай ругаться:

-Нашли о чем в святой день баять!

-Танька, ты матушка, не ругайся, а послушай, что скажу: вот Лизка выйдет у тебя замуж за Рафаху, а у неё сын родится с кривыми ногами, пяты вперед будут. Ты с ним в бане жить будешь. Милостыню собирать у крещеных по подоконьям и руками трястись будешь, - и показал, как у нее руки трястись будут. Хохотала Татьяна. Она, у которой лавка с красным товаром, просить пойдет. «Ну, насмешил не только меня. А и тараканы-то все хохочут».

-Ну и ладно, тебе смешно, а мне и боле того, попомни, Танька...

А жизнь все подтвердила, как сказал Акиндин, все так и вышло. Василия с Татьяной окулачили, все отобрали, и дома, и лавку. Лизавету с Рафаилом посадили, как служителей культа (Рафаил-то батюшкой у нас в церкви служил). Осталась Татьяна с внуком Василием, и жила в баньке, и милостыню просила по деревням, и руки и голова у бедной тряслись.

Над Василием-то Рафаиловичем Бог смилостивился, после он на часового мастера выучился, в КБО в Верховажье работал, часы чинил крещёным. Хороший мастер был, но не любил, когда сами мужики пробовали часы ремонтировать, спрашивал: «Сам вскрывал?» - «Вскрывал, паре» - «Ну, если вскрывал, дак сам и делай!» Пожурит, а

возьмет и сделает. И дочка-то сейчас у его тоже в часовой мастерской работает.

-Давай чашку-то, свежего чайку налью, - ворковала Фаина.

-Вот и Лариону Павловичу, с Подшалинихи-то, тоже все предсказал.

Да...

У Лариона-то уж две дочери да два парня было, пятого дожидались. Поехал сам-то за смолой. На дороге и встретились с Акиндином-то.

-Каково, Акиндинушко, съезжу?

-А ничего, Ларивон, добро съездишь. Перстянки черны купишь.

-На кой ляд мне перстянки-то?

-Не знаю, паре, на кой, а купишь.

Дорогой одна бочка со смолой и лопнула, и пришлось Иллариону смолу-то руками перекладывать: купил паре, перчатки-то.

Домой едет, а Акиндин опять у дороги сидит.

-Здорово ли, Акиндинушко, у меня дома-то? Беспокойно мне.

-Здорово, здорово, Ларивон. Дунька тебе нечистого духа родила, Ванькой зовут.

-Что же ты, Акиндин, над дитем-то так?

-Да уж так, правду тебе баю.

Домой приехал, и вправду сын родился. Иваном назвали. Сам-то Илларион охотником был, любил по лесу ходить. Акиндин ему как-то и говорит:

-Не броди, паре, Ларька, по лесу-то, умрешь скоро в своем логу на сеновале. Как же семья-то без тебя будет?

-Сойди, паре, с шального-то места, я еще тебя переживу.

-Ну-ну, как знаешь, Ларивон.

Ушел как-то в лес Илларион. День нет домой, другой нет. Искать стали. Нашли бедолагу в сеновале на своем покосе, и жив не был.

И про Ивана, сына, всё сбылось. Душегубом вырос, в Ленинграде в банде был. Расстреляли за душегубство-то. Вот тебе и нечистый дух родился.

А еще про Кувалдину-то: «Сгорит эта погана-то ляга, бает, - пол-деревни выгорело, паре.

Да, пути господни неисповедимы. Дураком считали, а он вперед видел, дар Божий.

ТРАКТОРИСТЫ

На бревнах у огорода сидела постоянная компания: дед Васич, я и деревенская ребятня, озабоченная предстоящей охотой за майскими жуками. День угасал. Прогретая и просыхающая земля сулила богатый урожай.

-Слышь, Юрич, вон в том желтом доме жил тракторист Аким, харак-

терный мужик был. После войны мужиков-то в деревнях немного осталось: кто калека, кто на полях другой страды остался навечно. МТС в те поры находилась в Кулое. Директором-то был Пызин. Мужиков некалеченных да девок молодых, которые поваровее, за зиму и учили водить трактора. В основном были колесные - ХТЗ да «Красный Путиловец», а позднее пошли «Универсалы». Те уж круто бегали, даром что все железные. Потом и гусеничные пошли: «Нати», «ЧТЗ». Какая-никакая помощь нашим-то лошаденкам. Работали в две смены, по двенадцать часов.

Работал Акимка с Лизаветкой в смену. Бойка, паре, в молодости-то она была. Одна из девок-то до пенсии проработала. Бригадиром тракторной бригады в Осташеве тоже Лизавета Михайловна была... Ох, и доставалось им, Юрич.

Вот раз что-то забарахлил у них колесник. Аким смену сдавал, а Лизавета принимала. Не заводится, «крокодил», и все! Аким выбросил карбюратор в горевший рядком сугревный костерок.

-Мать твою так! Нет моих силов боле!

Характерным, вишь, был. Отвернувшись от костра, он присел на чурку и нервно закурил, свернув порядочную сигарку из самосада. Измазанный маслом, уставший после смены, он походил на цыгана.

Лизавета-то смикитила. Осторожно, чтобы не увидел Аким и не отма- терил ее ненароком, вытянула злополучную железяку из огня и замочила в ведро с керосином. «Надо перебрать да заводиться - время-то идет», - подумала она и со вздохом присела рядом. Жадно дососав самокрутку, Аким изрек через плечо:

-Погляди-ко, не сгорела ли железяга-то?

-Да я сразу вытащила, вон в ведре мокнет.

-Ну и ладно, стану, паре, перебирать, к паужне-то, может, и заведем... Так что помажь, паре, ходовую-то, подтяжку я уже сделал. Мишку-то прицепщика я за горючим отправил, не хватит на смену-то. Должен скоро приехать.

-А я его встретила, только что поехал, Елизара дали, так не скоро приплывут.

-А я, паре, своей-то пирогов заказал картофельных. Остынут, поди- ко, Лизаветка.

-Сходи поешь. Я ведь и одна доделаю.

-Ох, паре, Лизаветка, я чуть было не доделал, чуть не спалил. Давай добежу до дому-то. Я скоро. Может, на повети новую железягу-то най- ду, вроде прибирал онодысь. Да и пирогов, паре, охота...

...Дед Васич посмотрел в сторону своего дома: Ах, мать моя, куда это моя чернобровая-то почалила? А?

-Ох, балабол, боркун старый, ни дома от тебя покою, ни добрым лю- дям - язык-от, как овечий хвост. Дайко-сь присяду, разломило всю... До кумы пошла. Дома ли Раиса-то, Витя?

-Дома, дома, баба Фая. Тоже что-то сегодня охает.

-Ужот-ко отдохну маленько.

-Я тут про Акима балакаю. Крутой, баю, шутник был, Фаюшка... Вона как тебя разломил-то. Хоть живую в досочки окладывай.

-Будет молоть-то. Да с их работой в те поры поневоле крутой будешь. То что изломается, то дождь, то бригадир, навроде тебя, издержает!. Посидели они на своих железях! Тут впору с оглоблей на них идти!

-Во-во! Аким-от и бросался. Жердиной лупцевал своего железного конька. Осенью дело было, зябь пахали. С утра-то дождь да дождь. В поле все развезло. Я-то из лесу бежал, за волнухами мотнулся. Давай, думаю, загляну, хоть после не бежать к ним.

-Погляжу - батюшки-светы! Аким с жердиной вокруг трактора бегают и метелит по бокам и колесам. Володька, прицепщик, вокруг него прыгает:

-Чугунина ты хренова! Я тебе покажу, я тебя научу, мать-перемать! Ну, и другие худые слова позабористей летят.

-Чего, паре, Иванович, издалось-то? - кричу.

-ТЬфу! Принес леший, мать твою...!

Он с гневом отбросил жердину, обежал еще раз круг машины, остановился, полез в карман за кисетом. Володька ко мне:

-Дядя Вася, он поворотить не может, все в межу да в межу. Уж и плуг подняли, а все никак... Раскисло все - Чего, бунтует техника-то, - вставил я, - развезло поле-то?

-Еще как развезло! Из борозды вывернуть не могу, - ответил тракторист, еще не остывший от злости. - А, шабаш, паре, все затянет, весной все равно перепахивать придется. Шабаш, - решительно заключил он.

-Вот, мужики маялись, а девкам-то каково, думаешь, было? - вставила Фаина.

-А как заводить этого «крокодила» после подтяжки, так три мужика с вожжами, паре, посылал, разве девкам повернуть ручку-то? Дернут раз-другой - и затарахтит. Раз было бегу после наряда домой, вижу: стоит Анна, на краю деревни да из-под ладошки на реку смотрит.

-Что выглядываешь, ягода, - спрашиваю.

-Да, Василий, вот Мишку заглядываю, что-то нет сегодня. Шаньги хочу пекчи, а его все нету. Погляди-ко, куст ли, Мишка ли? Шевелится, так Мишка, не шевелится, так куст.

-Не шевелится, не шевелится. Я его за керосином послал. Обсохли ночесь (Мишка, внук, на прицепе был). Поди, паре, домой, допекай шаньги, протопится печь-то.

-Ага. Ну дак и успокоил. Пойду в спокойе. А он, Василий, у кого на прицепе-то? У ентого, как его, дай Бог памяти... Ой, да имя-то на иголку похоже. Да у кувалденьского-то! Имя-то его на арбуз похоже. Рафаха, Рафаха!!! Вспомнила. Он ведь на смене-то?

-Он, он.

-Я так и думала. Да вот имя-то запомнила. Думала, на арбуз, а нет, на иголку имя-то похоже. Рафаха, Рафаха... Может, снести Мишке горяченью-то?

-Ох, Анна, Анна-матушка. Сам придет. Пока по грязям-то топает в валенках, совсем остынут твои шаньги.

-Ну ладно... У меня печь-то еще не затоплена сегодня. Все дожидаюсь да заглядываю.

-Ох, рукодельница, дождется, кажется, твой Мишка горяченьких. Может, и муки-то нет?

-Нет, кормилец, нет... Да я, это, к Акимовне сбегаю, займу маленочку...

-Василий, ты, батюшко, кончай свои сказки, тебя не переслушать. Поди, голубь, хоть грядку вскопай под лук.

-А я, Фаинка, еще хотел про бидон рассказать да и пошабашить.

-Ох, боркун старый, какой еще бидон выдумал?

-А тот, Фаюшка, который Пашка с Олешкой запахали. Ну да ладно. Ругаешь, так уж пойду. Земля-то еще не поспела. Пойду самовар ставить. Гости, паре, Юрич, чаю попить.

Старики потихоньку потянулись к своему дому.

ПОСЛЕДНИЙ ТАБОР

Послеобеденное августовское солнце медленно катилось по небу. Свежий ветерок играл кудрями старых берез. Слегка пьяный запахами отцветающего разнотравья, тонким ароматом воздуха щекотал нос.

Межой, со стороны Золотосских нив, неторопливо, опираясь на батожок, собственной персоной шел дед Васич. На руке старика висела зобенька, прикрытая ветками вереска. Приподняв за козырек картуз, дед картинно поклонился:

-Друг мой, Юрич! Здравствую тебя!

-Здравствуй, душа неугомонная! Куда бежим?

- Да вот грибов, паря, захотелось! Ходил за колосовиками. Растут, вона какие красавцы!

Зобенька была полна молодыми красноголовиками, белели головки и самых дорогих грибов.

- Глянь-ко, Юрич, кто пожаловал в наши «Палестины»!

По улице деревни, оживленно беседуя между собой, шли молодые цыганки. Дед, с хитрой улыбкой на лице, забалагурил:

-О, сербиянки пожаловали. Чем, черноокие, торгуете, чего просите?

Цыганки с видимой охотой вступили в разговор:

- Богатства да здоровья вам через край, красавцы! Товар смотреть будете? Обувь импортная, костюмы спортивные. Дешево отдадим, торопимся.

- А чего торопитесь-то? Товар надо сперва пощупать. Обмишурите ведь. Цыган не обманет - долго не наживет. Пошто пешком-то, лошадей продали?

- На машине мы, бриллиантовый! Под горой стоит. Будете товар смотреть?

- Будем, черноглазая, будем! Мне дак костюм спортивный, завтра на перегонки со своей бегать будем, дак в кальсонах-то несноровно.

- Ах, шутник! Долго, дед, жить будешь!

- Погадай старику, Расскажи про судьбу дальнейшую!

- Не гадаем мы, торгуем. Дома хозяйюшка-то?

- Бес не прибрал, дак дома. Зайдите, пусть товару пощупает, может, чего и надо.

Дед вздохнул и продолжил уже в мою сторону.

- Да, Юрич, измельчал народ цыганский, не своим ремеслом живут. А когда-то были среди них искусники-кузнецы, хорошие шорники, паяли-лудили посуду, коней меняли, ворожили. Ну, и воровали, конечно, чего греха таить. А петь, плясать - баше никого не было. За войну подразбогатели. Бабы-то наши последнее давали, чтобы о судьбе на войну ушедших мужиков узнать. Да и после войны долго еще народ к очагам своим собирался.

Помню, продолжал дед, году в сорок восьмом большой табор пришел из Тарноги. Встали у Подволочья, на берегу Кундевы, у переезда.

Кибиток двадцать было. Ну, день стоят, два. Я тогда бригадиром был, палочки колхозникам ставил. Смотрю, утром на отавах цыганские кони ходят. Я - в табор. А там тишь да гладь - ни живой души не видно. Потом, смотрю, из шатра сам Николай Павлович выходит.

- А, друг дорогой, Василий Иванович! Почто шумишь? Почто в гости не заходишь?

- Здорово, Николай! Чего коней распустили на отаве-то? Ладно ли делаете?

- Какое же, Иваныч, ладно! Ой, как не ладно! Гэй море! - и по-своему закричал. Появились и другие цыгане - брат его, Федор, Петро Вербицкий. Цыганята - гурьбой в поле, коней привели, привязали у табора.

Ну, дал я наряд по своей бригаде, завтракать примостился дома, сын прибегает:

- Папа, тебя милиционеры в табор зовут!

Ну, я туда. Боже правый, что там творится! Шум, гам, кто кричит, кто ревет, собаки лают. Бедлам! Мужики-цыгане вокруг вешала собрались. Цыганки кричат, милиция ихнее барахло трясет.

- Кто звал? Бригадир ты?

-Да!

Оказывается, три дня назад у Тарноги, в одном из колхозов, свели четырех жеребят-годовиков. Милиция и искала их. Жеребята были

с тавром, таких в табуне не оказалось. Клеймо-то не смоешь! За мной собачка моя увязалась. Цыганские-то все привязаны. Вот она вокруг табора-то и шныряет. Потянула собачка к речке, в кусты. Смотрю, и цыганята за ней. Хлебом кормят. Ну, она кусок съела, и опять в кусты. Смотрю, за цыганятами и милиционер потянулся. Цыганки заволновались, залопотали по-своему. Нашли шкуры-то. Что тут было... Забрали вожakov цыганских в Совет. Ну, и мне было сказано - в Совет явиться. Пообедал, и туда. Табор уже весь там. Кому ответ нести, вожак решали. Четырех мужиков арестовали. Виноват-ли, нет, дело решенное. Шесть лошадей забрали за жеребят-то.

Дело к развязке идет. Цыгане возбуждены. Началась посадка арестованных в машину. Цыганки ревут, ребятишки гроздьями на кузове висят.

Помню хорошо, из арестованных одного Стасиком звали, красивый такой молодой цыган, неженатый. Крикнул что-то, да и запел. Так необычно было, что гам вдруг утих. Цыганское племя отошло от машины, встало полукругом. А цыганки одна за другой, со слезами на глазах, песню подхватили. Язык-то непонятен, а песня всех вокруг захватила. Стасик стоял в обнимку с другим цыганом, и вдруг они перешли на русский язык. Песня от этого не пострадала, стала понятна и нам. Тоска рвала сердце, в горле ком встал...

- Вы не жалейте меня, цыгане,
Ах, вспоминайте меня, цыгане!
Прощай, мой табор,
Пою последний раз...

Машина отъехала, а песня еще звучала, томила душу и сердце. Прощание с лошадьми было не менее бурным, хоть и без песен. Вслед за милицией и табор потянул в сторону Верховажья...

Осудили цыган строго. Время было такое, тяжелое - за карман зерна людей садили. Мясо-то мы тоже нашли - в речку было замочено. Вот такие были дела... А теперь уж не те цыгане! Ой, не те... Ну, ладно, Юрич!

Вот тебе грибков свежих на жареху, а это нам с Фаюшкой. Вот, паря, и дождался первой свежинки из-под кустика...

СОСЕДУШКО

Из рассказа «Рождественский сочельник»

За столом сидели все помолодевшие. Глаза излучали тихую радость бытия и покоя. Самовар вновь занял почетное место, блестя медалями и мурлыкая, как сытый кот. Дед Васич, румяный от наливки и горячего чая, довольно крякнул и озорно посмотрел на жену.

-А что, бабоньки, гадать-то на скончание Филиповских (Рождественс-

кого поста) не спешите?

-Отступись, старый греховодник, мы свое отгадали. Ивана-гробовича надо ждать, а не гадать, - с притворной сердитостью отозвалась Фаина.

-Помнишь, Фаюшка, на Рождество, чай, гадали с девками-то. Степановна не даст соврать, участник сей комедии...

-Эх, Юрич, как судьба-то заворачивает. Век не думал, не гадал в зятя к Миколаю Офонасьевичу попасть. А дело-то, Юрич, было так... Днем-то на Сарином гумне лен мяли. А может, и не лен, запоматовал. Молодяжки-то было много, и девки тут, и робята. Вечером договорились на игру сходить. Девки собрались к полуночи-то гадать. Гаму поднялось – и так погадаем, и эдак. Из пожилых-то Кула-Иван с нами был. Он моей-то чернобровой и баает:

-Ты, Фаюшка, у нас самая баская, послушай, научу старинному гаданью-то. И нашептал вутай чего-то. К вечеру пошабашили, домой пошли. Кула меня зовет: «Васька! Отстань, милок, чего сбаю...» Ну, мне все и выкатил. Мы троими - Ванюшка, Федор да я - и сговорились Кулову шутку исполнить, попугать девок-то. С вечерованья расходиться стали. Фаюшка девок сбивает на гадание. Мы с ребятами - на гумно. Ночь-то, стойно сегодняшней, светлая была.

Примораживало... На Олешинном гумне овин был насажен. Ермолаевич сушил. Пошли на Ермошино гумно, там вечером ригу-то опростали. В риге - тепло, а каменца (печка, сложенная из камня, для сушки зерна) еще горячущая. Мы с ребятами и устроились на грядах-то. Притихли. Договорились так: ты, Васька, первый по «селенке»-то похлопаешь, шубенку-то выверни, пусть котора богатого жениха дожидается.

Слышим, девки подходят, хохочут. Райка спрашивает:

-Девки, котора первой-то пойдет? Кланюшка?

-Девки, я боюсь, да и тятенька заругает.

-Давай, Файка, ты. А после и я пойду. Кланька пусть последней, раз забоялась.

-Ладно, девки, пойду, но вы не убегайте, а то у меня сердце разорвется от страха... (Бойка в молодости-то была, оторви да брось!)

-Не бойся, может, и нет вовсе суседка-то. Кула и наврет - недорого возьмет, сколько раз обманывал. Не забыла, что говорить-то надо?

-Нет, девки, не забыла. Пошла я...

-Давай, мы с Кланькой в микиленцу полезем (засек для мякины).

Ванюшка шепчет: Васька, одевай шубенцу! Идет...

Посадочная дверца отворилась. Слышу - Фаинушка как молитву читает: «Дедушко-суседушко, погладь меня, укажи женишка...» Голосок тоненький, дрожит. Рукавица-то, как назло, провалилась да на каменку - и зашаяла. В дверях забелело. Что делать? Ну, думаю, Фаюшка, не видать тебе богатого-то женишка, шась по селенке-то голой рукой. Круглое, теплое, а зацепить-то не за что.

Девка-то у меня как завизжит, да наутек. Из микиленцы, как горох, остальные посыпались. Визгу, реву - ну и дали деру до деревни наши гадалыщицы. Робята ржут, как стоялы жеребцы. Рукавица шает. По риге вонь стелется. У меня рот открылся и закрыть не могу.

-Ну, Васька, че нащупал-то?

-Ну вас! Ниче не нащупал, убежала.

-Надо было, Василей, пониже брать-то.

-Ванюша, бес, доставай рукавицу-то, догорит ведь, отцова рукавица-то... За столом - смех. Степановна сквозь слезы:

-Ох, Витенька, мы до дому-то и не помним, как добежали. Поуспокоились. Файка, рассказывай, чего было, чего орала, будто режут?

-Ну, девки, сказала я заветно-то слово, заголилась в дверку-то, а от туда меня по голой-то заднице кто-то и шваркнул. Рука-то, девки, не шерстната, голая, помню. А запах-от какой потянул - паленой шерстью... На грядках-то заворочается, да как запрычкает... Ну, я без памяти и дала деру, только у дома и опомнилась. Думала: за мной суседко-то гонится, пышкает.

-А вы-то, дуры, чего орали?

-Ну, Фаинка, знать, не богатый жених-от будет, раз рука не мохнатая.

-Ну вас, дуры, подите сами заголяйтесь - пусть вам суседко богатых-то даст.

-Нет, Фаина, страшно. Знать, не пойдём больше.

Той порой и Ванюшка домой притопал. Девки шушукаются. Он на них посмотрел да и захохотал. И все рассказал. Смеху было...

-Ну, а я после того и стал к своей чернобровой за пресницу-то (за прялку) садиться. Так вот и свела судьба.

А Кулу-то? И на свадьбу пригласили. Посодействовал потому что...

ЗАБЫТОЕ РЕМЕСЛО

Майское утро обещало тепло и солнечный день. Сегодня мы с дедом Васичем собрались заняться изгородью на приусадебном участке. Земля уже оттаяла, и кол легко, как в масло, входил во влажную почву.

-Самое то, - философски изрек Василий Иванович, - хозяевам-то некогда, посевная, а мы с тобой натоидильные. Матерьялу хватит, с осени, паре, припасли. За кольями по насту ходили. Хорошие колья, кремнина.

Старая изгородь осенью была разобрана и прибрана на дрова.

-Иванович, а почему не как у всех? Столбы бы вкопать, да досками забить.

- Дурацкое дело нехитрое. Так-то мы бы и осенью изделали. Да тестюга-то у тебя тоже, брат, с чудинкой. Хочу, говорит, по-старинному огород навести, да вот, видишь, самому-то и недосуг. А нам с тобой это дело по силам. Может, Юрич, это последний мой огород, а ты смекай, что и как. Бывать, в жизни и сгодится это рукомесло. Ну ладно, пойдём в гуменники, там перевички замочены, драть станем. В луже весенней воды лежали стволики молодых елочек.

- Не печалься, эти елочки в природе все равно бы погибли. В еловой чаще более сильные деревца их бы задушили, а так они нам еще хорошую службу сослужат. Вот так, бери вицу и с вершинки раздирай ее на две половинки, распарились, так хорошо дерутся-то. Топором-то поправляй, чтоб в бок не задирало, эдак, эдак..

Приготовив перевички, мы подошли к сложенным «в костер» кольям, пролышенным с двух сторон и остро, как карандаш, заточенным. На глубину посадки колья были облышены полностью, сучки обрушены заподлицо. Весеннее солнце и теплый ветер уже подсушили их, на лысках обильно выступила янтарная смолка.

- Не хватай голоручь-то, а то руки потом щелоком мыть придется. Вона голицы-то лежат.

Пролышенные осиновые жердины уже были растасканы по периметру огорода.

- Прежь старики-то говаривали: вересовый кол, еловая перевичка да осиновая жердина век стоят. Ну, давай, с Богом, почнем.

Дед ловко поставил четыре пары кольев. Влажная, оттаявшая земля, казалось, сама втягивала их. Одним прикосновением топора сделал насечки для посадки перевичек, стрельнул глазом, прямо ли стоят пары.

- Вот, видишь, земелька отошла, кол как в масло идет. Влеготку работа. В другую пору, как земля усохнет, кол в землю трудно поставить. Тогда потника не одного схватишь. Потому весной у хорошего хозяина всякая работа вовремя делается, и скоро, и споро, и в радость. Ты мне приготовь-ка балочки да откосины. Вона, чурбачки-то у меня готовы. Откосину-то с одной стороны теши, а поверху заманочку сделай. Так, так. Получается, Юрич, дело-то.

- Иванович, а почему на старых огородах колья по длине разные, по одной стороне длинные, по другой - короткие?

- Глазастый ты, паре. Значит, стоит тот огород годков 15-20 и был уже отремонтирован. При ремонте-то один кол старый перевастривают, а другой новый. Вот и весь секрет. Старый кол короче получается. Заставляют их с одной стороны в прясло-то, чтоб легче жердину закладывать. Помнишь, осенесь на ляги ходили за волнухами. Там посереде наволокаиивовая гряда растет. Тоже, паре, огород был. Федькины ребята наволоку меж собой разделили. На колья ивы нарубили, благо рядом, и разгородились. Косить наволоку пришли, а

огород зеленеет, ивовые колья все укоренились и проросли. Так вот и по сию пору ивовая гряда межой посередь наволока стоит.

Боковины-то мы косым огородом пойдём, а задник - прямым. И завор поставим, чтобы техника заходила. Вяжи перевичку на второй-то паре. Так, оберни вокруг кола, заманку зятяни, так, гоже. А теперь на другой кол - и в крест. Туже тьяни, еще раз, остаток перевички отруби. Вот так. Ну, а я начну жерди наровить. Видишь, где теперь перевичку-то ставить? Пошло, паре, дело. Три перевички, да две балочки - и прясло в пять жердей готово. На третьей-то паре надо укосину поставить. И закрепляй той же перевичкой. Вот и любо. Боковина, паре, будет. Укосину снаружи ставим, чтоб не мешала между окашивать. Прежь-то около домов все чаще тыном городили, от кур да от козлят спасались. Да и ребятишкам такая преграда не по зубам была.

К обеду новый боковик был готов. Дед Васич ставил на заднике завор и шесть пар прямого огорода, я лысил ровные жердины для заворниц.

- Ну, паре, пошабашим. Павжнать пора, а то Степановна чисто нас из-заглядывалась, и хлебово поди упрело.

Встретила нас сама хозяйка.

- Ну, Василий, и любо у тебя получается, как по линейке. Теперь, даст Бог, постоит. А то сердце-то болело, скотинку стали выпускать, а у нас и не огорожено.

- Постоит, матерьял все новый. К осякам не зовут, так хоть здесь маленько поправим с Юричем-то.

После обеда мы закончили горожение, прибрали остатки, присели на пригретые камни, закурили. Новый огород был красив своей новизной. Пахло свежей смолкой и поспевающей землей. Бабочка-крапивница, усевшись на кепку деда Васича, мерно взмахивала крылышками, как бы аплодируя нашему успеху; Солнечные лучи поселялись в янтарных каплях смолы, веселили глаз Дед встал, вздохнул, подошел к огороду и ловким взмахом топора поставил на жердине свое родовое пятно.

- Вот так-то, Юрич, чую, это последний огород в моей жизни. С радостью делалось, баско вышло. Пусть люди поминают Васича (впервые он назвал свое прозвище вслух).

Мне показалось, что в складках глаз что-то блеснуло. Набежавший весенний теплый ветерок высушил скупую стариковскую слезу.

Постой, матреша, все новыя Косакам не зовут, так хотъ здесь ма-
девка поварям с Юрием-то.

После обеда мы закончили горожане, приобрели остатки, присели на
приретенные камни, закурили. Новый отряд был красна своей новизной.

Паша свел с собой в доверенной руке, работка-красивый,
Уездивши

вплоту

дах

док

сп

на

в

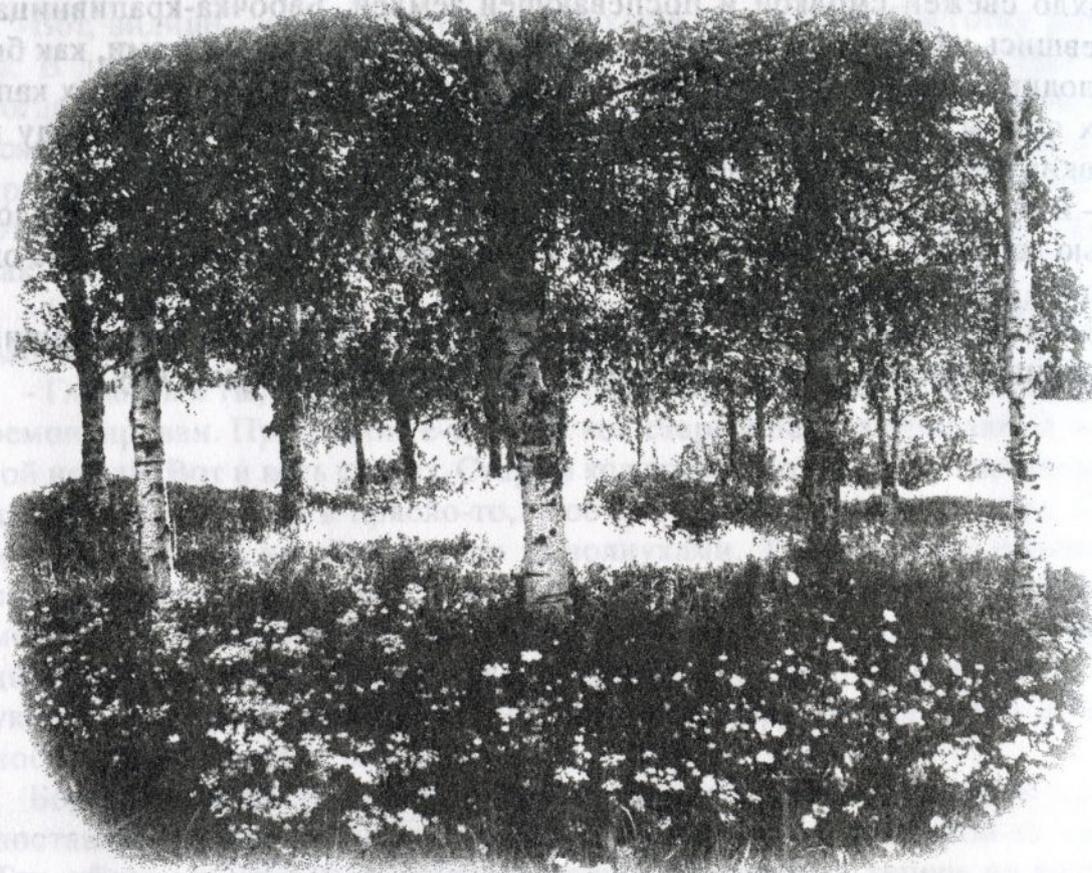
вост

Так, обещавши, мы выехали в путь. Теперь же думал
коя - и в ярост. Туло тина, еще раз, остаток персички отрубь.

Ну, а в жару жорда шаровить. Видна, где теперь персичку-то думал
Повило, жорд, джо. Три персички, да две балонки - и драго

жорд - джо. На третьей-то паре надо умосину поставить. И жорд
той же жорд - шор. Вот и любо. Вожанки, паре, буаст. Умосину в жорд
ставлю, жорд же жорд же жорд охаживать. Превъ-то около доман жорд
тыны-жорд

преградъ на до
Косету жорд балонки был готов. Дед Васил ставил на заднюю
и шесть шар драгого огорода, а лысы роаные жордны для жорд
- Ну, паша, подабаны. Пашанать жорд, а то Степановна чисто жорд
заглядывалась, и хлебоко жорд убрело.

Судьбы людские

ДАЛЬШЕ БЫЛА ВОЙНА

Весенний день набирал силу. Солнце ласково щекотало старческие морщины, шалун-ветер перебирал седые, но все еще густые волосы. На душе ощущалась какая-то истома и тихая грусть. Старый солдат, которого мать в детстве любовно называла Лелька, присев на скамейку у дома, смотрел на шумевшую под угором реку. В последнее время что-то сильно бередило его душу. Часто вспоминалась жена, умершая прошлой зимой, друзья-однополчане, ярко и отчетливо виделись картинки детства и юности. Ласковая мать, строгий, но справедливый трудяга-отец.

С трудом он заставлял себя каждое утро побриться, растопить печь, сварить поесть. Выходил на улицу, скрипя старым протезом, радовался весне, теплу. Но все больше охватывала его усталость, чувство отрешенности не проходило. Неужели пришло и его время уйти в небытие?.. Утром, растопляя печь, почему-то вспомнил возвращение домой с оборонных работ в холодном декабре 1942-го...

С утра их бригаде было разрешено топить баню, постираться и по скудности зимнего декабрьского дня на работу не ходить. Выдали по одному бруску мыла на шесть человек, рабочий паек на сутки: четыреста граммов дресвистого тяжелого хлеба, пачка концентрата на троих. Хозяйка квартиры Авдотья достала из подпола картошки.

К обеду, напарившись в бане, в чистой одежде, все шестеро сидели за столом, и пили чай, настоянный на кипрее. Пахло свежей соломой, настеленной прямо на пол просторного старинного переда. Печь еще излучала тепло, которое к утру улетучивалось. Поэтому двое подростков по очереди спали на печи, остальным доставались их одеяла. Иногда к ним подсажали до шести-восьми человек возчиков, и тогда в передку при треске лучины шли разговоры о далеком доме.

Внезапно в избу вбежала нарядчица Ленка:

-Ребята! Хватит чаи-то гонять. Всех 25-го года рождения к сельсовету собирают, начальство приехало. С ними и военный какой-то об одной руке. Давайте, одномоментально собирайтесь. Может, медали давать будут. А нето винтовки дадут, может, фриц прорвался где, дак.

-Лена, дак это, садись чаю пить, у нас картошка запечена.

-Счас, паре, буду с вами чай распивать. Сказано, живо все к сельсовету. Мне еще к кулойским забежать надо, у их тоже троим надо идти к начальству-то. Поживей собирайтесь, орелики!

Перед строем, проверив всех ребят по списку, военный сказал, что парни 1925 года рождения возвращаются домой, и всем им нужно пройти в Вологде медкомиссию. До Вологды группу будет

сопровождать представитель военкомата. До Бабаева доберутся на попутных лошадях, а там по железной дороге до областного центра. Выезд в четыре часа утра. Тогда же получают паек на один день у завхоза.

Утром в потемках выехали в сторону Бабаева. Хлеба завхоз не дал, выдал по две пачки концентрата, да на троих по соленой трещине. Но на душе было весело - домой, домой, домой... Не понимали еще, что злюка-война уже наложила на молодые души свою кровавую руку. Земляки, осташевцы, кулояне, слобожане, всего семь человек, держались вместе, ехали на двух повозках в середине обоза, грызли мерзлые кубики пшеничной каши. О чем-то говорили.

Ночью приехали в поселок у железной дороги. Разместились в крытом нетопленном «телятнике». Старшой велел запастись дровами да водой. Затопили «буржуйку», откуда-то взялась кастрюля, запахло теплом и отварной треской. На 26 человек выдали четыре буханки хлеба. Ужинали уже на ходу, под стук колес. В теплушке горел фонарь, окна и двери плотно закрыты - маскировка. С остановками доехали до Вологды, в Череповце не стояли. Построив и пересчитав, всех повели по городу, как потом узнали, на тот берег реки, в «Красные казармы». Там сразу в санпропускник, одежду всю в дезкамеру, насекомых-то порядком нахватили.. Взамен выдали нижнее белье - кальсоны да рубахи нательные, все на завязках. Одному попалась рубаша с дыркой, да и другие нашли на белье свежие штопки. С раненых одежка. Но все чистое.

Привели в казарму, велели ждать верхней одежды. Принесли бачок с горячим гороховым супом, дали по два кусочка хлеба: «Ешьте, ребята, все ваше!». После обеда прямо в нательном белье и босиком повели в комнату к врачам. Две пожилые, уставшие женщины по очереди всех осмотрели. «Пальцы на руках целы? Видишь? Слышишь? Грамотный? Почему такой худой?» - задавали вопросы. Потрогали и все прочее... Годен!

Дело к вечеру. Дождались своего лопотья - тут у Мишки вышел казус. Шуба у него была с борками и шапка сшита из бараньей шкуры. После дезкамеры все это так село и сморщилось, что втроем натягивали шубейку. Но напрасно, стоило ему наклониться - и все поехало по швам. Шапка лишь макушку прикрыла. Что делать? И смешно, и на улице морозина. Принесли ему фуфайку солдатскую, да шапку-ушанку б/у. И натом спасибо.

Обулись-оделись. Пришел провожатый, выдал проездные. Верховажанам до Вельска, остальным - кому куда. Сухой паек на два дня.

До Вельска добрались без приключений, высадились. Куда дальше? Вокзала нет, до города далековато, да и кто там ждет? У Николая из Кулоя где-то в поселке жила тетка, вшестером пошли за ним, может, пустит переночевать, а утречком в Верховажье потопаем. Ночевали в

теплой бондарке. Утром тетка Анна согрела самовар, выставила чугунок горячей картошки.

До Верховажья транспорта не попало. Пешком пришли в сумерках. Поузнавали, нет ли кого в нашу сторону. Решили, пока ноги идут, идти до Слободы, вечер светлый - луна. У ребят в Слободе отдохнем, может, чем и накормят, в своих котомках пусто. Ближе к полуночи дотянули до Слободы, ноги отваливались, ребра к спине присыхать начали. Ночевали. Добрые люди накормили, чем могли.

Утром встали, ног не чувствуем, размялись. Молока с горячей картошкой поели - и домой. Ход уже не вчерашний, но идем. От Севера Мишка частушки запел на матюги, дело пошло веселее. В потемках поднялись на Воронику. Дома! Распростились, и по своим деревням. Родной дом встретил узнаваемыми запахами. Ворота тихо скрипнули. Войдя в зимовку, кашлянул.

Мать что-то делала у печи, лучина еще не зажжена, но лежала на краешке светильна. Отца дома не было.

-Кого Бог дал? Не могу углядеть-то. Сейчас, уж, лучину засвечу.

-Мама, да ведь это я...

-Лелюшка, тысица моя, вернулся, дитятко! А я, старая, с утра думала, гость будет в доме. Уголь из печи-то вышибло - к гостю. Да и сердцем чула, кто-то будет. Али письмо, али весть какая. Отцу баяла. Пришел, слава тебе. Господи! Ну, давай, раздевайся. Я сейчас, сейчас... Ох, Боже мой, и ноги к полу приросли. Радость-то какая. Дай, я тебя расцелую, дитятко ты мое роженое.

-Мама! Мне бы в баню, да переодеть чего. Совсем завшивели.

-Дак, отец-то, Сашенька, в баню ушел, спину сорвал, дак вот третий день парим. И щелоку-то, чуло сердце-то, у меня наварено. Побегай, там все скинь, пусть мерзнет одежда-то. А белье я принесу, в предбаннике оставлю. Тысица ты моя, вытянулся, исхудал. Поди с Богом, а я самовар ставить буду. Слава тебе, Господи, возвернулся!

Через три недели принесли повестку. Дальше была война...

ПОДРАНКИ

Вспомнилась мне одна встреча у костерка на берегу реки светлым и теплым майским вечером 1975 года.

Костерок светил призывным огнем. Над рекой стелился голубой дымок, пахло ухой и ароматами весенних цветов. Два человека сидели рядышком и тихо о чем-то беседовали. Поклевок не было, река после бурного половодья дремала, и я, присев на теплом камне, прислушался к их беседе.

-Ну, Паша, как тебе дома? Как наши «Палестины» показались? Сколь годков-то прошло?

-Тридцать с лишним лет не был я дома, Миша. Мало кого и узнаю, а молодых и вообще не знаю. Мои все состарились. Отца с матерью уж и нет на этом свете. Брат младший на войне остался, старшак на лесоповале погиб.

-И тебя, Паша, ведь похоронили и оплакали. Извещение получили, что пропал без вести, как и на меня. Отец-то мой, уж после того, как вторую такую же весточку получил, заболел душой и не оправился больше. Сорвалось что-то в нем.

-Оплакали, да не похоронили вот. Как стали мужики после похоронок домой калеченные-перекалеченные приходять, и у моих сестер огонь в душе засветился: может, и наш жив, ошиблись писаря. У брата моего хоть место захоронения написано было: героически пал и захоронен. А тут - без вести. Искать стали, писать... Вот и нашли «блудного» брата. Да и у самого сердце рвало - узнать, как они там, живы ли. Вроде, уж навредить им ничем не мог, а что-то мешало дать о себе знать.

-А как ты во второй-то раз пропал?

-Все, Миша, и не расскажешь. Не пропал, а попал. Попал на Колыму. И еще на семь лет для меня плен продлили, но уже свои. У немцев-то я только шесть месяцев был. Радость победы в фильтрационном лагере отмечали, мечтали о доме, о встрече с родными. В плен я контуженным попал, свои посчитали мертвым, а немцы подобрали. Как в лагере жилось - сам знаешь. Ты-то в плену сколько был?

-Два с половиной, Паша. Одно понять не могу: почему меня немцы не добились. Видишь, рука-то крюком. Так после ранения срослась, пока в Германию везли. Спасибо, фельдшер был среди наших, тоже к немцам угодил. Как мог, помогал раненым. Вот и живу.

Я-то рядовой, Паша, и рука-крюк. Поверили, что в бессознательном состоянии в плен попал. Три раза «фильтровали», последний раз капитан так и сказал: «Домой тебя, браток, отпускают. Мотай ты отсюда, пока еще чего-нибудь не нашли. Молись Богу, что много вас нынче накопилось, не до калек. Уезжай с глаз да и дома языком не верти много. Зубы стисни и терпи. Семья и такому рада будет». Вот, Паша, и терплю. Инвалидность-то мне лишь пять лет назад дали, да две юбилейные медали. А о тех, что на фронте-то получил, и не заикаюсь, все еще слова капитана помню. Дома-то, правда, не трясли. Живу тихо, детей поднимаю.

-Меня, Миша, не отфильтровали, зацепили. Все нашли: и брата, в 38-м году репрессированного, и жену, что в Плесецке сидела. Перед войной туда легко было угодить, за два-три слова, сказанные невпопад, сажали. Припомнили и то, что офицер, и то что жить хотел, а не застрелился... Немало пришлось лесу свалить. Ребята, бедолаги, как и я, неотфильтрованные, как могли друг друга поддерживали. Не немецкий плен все же, хоть другой раз и похуже было. Душа отошла, обида перемололась. Жить опять захотелось. Вечерами учился,

кончился мой срок. Домой тянуло так, что пешком бы ушел. Да кому я такой был нужен, зек вместо героя. Так и решил не воскресать. Сестры нашли меня через 27 лет. К тому времени я уже ГЭС строил. И знаешь, Миша, после встречи с ними так меня домой потянуло, едва отпуска дождался. Приехал вот с женой и детьми в родные места, надышаться не могу. Как обратно уеду - не ведаю. Наталья, жена моя первая, померла, детей у нас не было, завести не успели. Родители тоже не дождались, ребят-друзей детства - война как косой выкосила. И считаю я, Миша, перед ними всеми себя виноватым.

-Не кори себя, Паша, не ты виноват, война. Когда уж она, проклятая, кончилась, а «подранки» с нее все летят и летят...

-Летят, Миша, и, вероятно, не все еще долетели до своего гнезда, да и долетят ли? Вот я реабилитирован вроде, списали мне лагеря, награды вернули, а в жизни-то разве что зачеркнешь?

Костерок медленно догорал, я отошел к дочкам.

Два ветерана еще долго говорили о чем-то, пережитом и важном, вспоминая непростую суровую жизнь своего поколения, поколения «подранков».

ПОСЕЛЕНЦЫ

Рыжичная охота, похоже, не удалась, и настроение мое упало. Усмотрев на краю дороги высокий пенек, я присел на него, закурил и задумался. В последние дни «бабьего» лета распогодилось, солнце светило ласково, хотя и не грело. Лес сиял всеми цветами радуги, вокруг пахло прелью и грибами. Золотая осень...

Старая дорога местами заросла, местами была завалена сухостоем. На ближней борчине явно угадывалась старая тележная колея и тропинка, вытопанная лошадьми. В сырых местах блестели темной водой придорожные канавы. Давно проложенная за ненадобностью дорога тихо умирала.

«Цыганский тракт» - путь на Тарногу и Тотьму - дорога ушедшего века. Когда-то по ней шли целые обозы, везли лен, смолу, товары. «От Подволочны до Подволочны - двадцать две подволочны (т.е. версты - авт.)», - говаривали прежде возчики. Вспомнились обозы спецпереселенцев, ехавших невесть куда, - в снега и в глухую тайгу, с милой сердцу Украины, бабы-солдатки, менявшие последнюю «лопотину» на пуд муки или зерна... Прислонившись к теплomu стволу сосны, я прикрыв глаза, слушал теплый шепот леса и невольно задремал...

Обоз с переселенцами втянулся в лес, дальше по всему волоку деревень не было. Можно расслабиться. Начальник конвоя, Иван

Константинович, ехал на верховой лошади впереди обоза. Еще три энкавэдэшника были распределены по колонне из одиннадцати повозок. За восемь дней пути происшествий не случилось, контингент спокойный, умаянный дорогой и пересадками. В обозе восемь стариков, двадцать две бабы-казачки да двадцать детей от трех до десяти лет, все с Украины. Куда им в бега, такие снега и мороз. Бригадир, Яшка, лет сорока, на одной ноге, мужик понятливый, среди своих - авторитет, и с судьбой смирился.

Семьи кулаков двигались на поселение, определенное властью, в Тарногский район на реку Уфтыгу. Обещал Яшка своим, тем, что могли работать и отправлялись в лагерь Плесеца, Воркуты, Кандалакши, помочь выжить их детям и прибрать в последнюю юдоль стариков. Своей семьи у Яшки не было, не завел, в обозе старик-отец да четверо племянников, два брата с женами отправились на Воркуту, и живы ли - один Бог ведает. Остальные в обозе - обрывки казацких семей, и от него, Яшки, будет зависеть, выживут ли они в этом суровом северном краю.

Иван Константинович слез с коня и привязал его к задку передних кресел (зимняя повозка, розвальни - авт.), сел, закутавшись в тулуп, подав знак двигаться дальше. Впереди еще два дня пути, а затем передача конвоя местному НКВД. Знал Иван, что не все доживут до весны. Участок леса для поселения отведен на берегу реки, в восемнадцати километрах от ближайшей деревни. Просеки прорублены - вот ваш дом и земля. Десять лошадей с упряжью остаются поселенцам, топоры, лопаты, пилы в последней повозке. Семена дадут местные власти по весне, чтоб не съели. Сделают сами барак, навесы для лошадей, начнут вырубать лес под пашню, а там, как Бог даст. Рядом седьмой и девятый участки, там уже несколько месяцев «исправлялись» окулаченные. Иван понимал, что за зиму и весну изорвутся старики, пытаюсь устроить будущую жизнь внуков и баб, а иначе конец всем. Власти решили мудро: охраны не надо, кормить не надо, бежать некому - старики да бабы, а дети когда еще подрастут... Поднявшийся снегопад тихо укрывал снегом следы страшного обоза...

Появившаяся невесть откуда сорока прервала мою дрему, и страшное видение, навеянное рассказами стариков, когда-то слышанными мною. Истома сковала все тело, вставать не хотелось. Закрыв глаза, я вновь углубился в воспоминания...

Шел голодный и тяжелый 1943-ий год. Мужиков в деревне не осталось, кроме глубоких стариков. Вновь не урожай. Поздние заморозки побили картофель в цвету. В деревнях голодно. Клавдия с Анюшкой вели бесконечный дорожный разговор. Лохматая лошаденка споро тянула легкие дровни.

-Клавдея! Хоть бы волков не встретить, лошаденка-то укатана.

-Бог милует. Сомневаюсь я, Анюш, не зря ли съездим-то? Бабам в тот раз не ахти чего наменять удалось. Тарножанки-то нас только срамили: «Неохота робить-то, к у городам в полях-то при пахались, последнюю рубаху приехали менять».

-Ну, дать, им добро говорить, у них еще все мужики почти дома. Вот повыберут. дак недосуг будет пояса-то ткать, бать, и сами еще напросятся по миру-то. Да мы, Клавдеюшка, и не поедем по Тарноге-то, а на девятый я лажу ехать-то.

-Слыхала я, Анюш, о поселенцах-то, да не бывала. В тридцать первом-то году, помню, они, бедные, тоже ходили просили по деревням-то, сильно голодали.

-А я, девка, и в тридцать первом весной-то ездила, и позже была у них. Трудно было, а выжили, храни их Бог. Теперь из четырех-то поселков в два всех собрали, кто вживе-то остался. После-то хорошо уже зажили. Бараки построили, дворы для скотины, и хлебушек хороший рос на новинах-то. Ребяшня подросла, дак и бабам-страдалицам полегче стало. На войну-то их не берут - враги народа, есть кому в поле ломить, и мельница своя построена на реке. Бригадиром у них Яшка-одноногий, головастый мужик. Порядок у него строгий, утром на работу по колоколу, в шесть утра все у дела. С двенадцати часов перерыв до трех, тогда и печи топят, и обряжаются по дому-то. А потом опять до семи на работах. Порядок у Яшки-то.

Анна оказалась права, баб встретили с участием, накормили, обогрели, часть вещей обменяли на муку и зерно, даже соли чуть выменяли. Укладывая продукты в возок, Клавдия нечаянно уронила на дорогу взятые из дому хивные колобки - основной хлеб в голодной деревне этой зимой. Подобрала темные лепешки в узелок - на обратном пути сгодятся.

Обратная дорога была не в тягость. Лошаденка шла споро. На душе повеселело, теперь, может, удастся дотянуть до травы.

-Поедим-ко, Анюш, колобочков, что в дорогу брала. Скоро уж Подшалимиха, а там, пока то да се, и отемнаем, а сейчас от простой поры. Хоть и смерзлись, да не больно крепки, угрызем. На-ко, подруга, подкормись.

-Ой, Клавдия, ты, ягода, чего мне подала-то?

-Колобок, чего еще? Ведь не украинской же паляницы.

-Колобок? Гляди, что за колобок! Коровья лепеха, а не колобок.

-Анюша, Анюша, матушка ты моя! Дак ведь это я когда на дороге колобки уронила, видно и лепеху-то коровью вместо колобка оклада.

-Невелико отличие-то, Клавдия, лепеха-то, пожалуй, аппетитнее твоих колобков выглядит.

-Ой, голова - два уха! Выбрось, Нюша, на вот настоящий...

Отряхнув остатки томной сонливости, я встал с пенька и направился в сторону Подшалимихи по старому заросшему тракту.

ВДОВИЙ ЛЕС

Игнатъевна начала уставать. Вдали показалась родная деревня Столбиха. Солнце стояло уже высоко. В висках стучало от напряжения. Вот и знакомая околица. Развалины старой кузницы, прикрытые пышным букетом молодой крапивы. Присела на чурбак, вздохнула. Ноги гудели...

-Ох, Анна-матушка, знать, отбегала. Последний разок пришла к тебе, родимая сторонушка. Вишь, наковаль-то увезли, а чурбак все еще крепкий - окован дак. Сама, помню, и наводила обручи-то. Попала в кузницу на два дня, а отработала двенадцать лет. Вначале помощником - мех качать, к кузнецам, братьям Зыковым, Алексею да Василию. Хорошие были ковали. Работы весной невпроворот. Бороны перебрать, лемеха оттянуть, телеги на ход поставить, да мало ли работы для хороших ковалей. Василий-то часто прибалывал - грыжа была у него. Вот помаленьку и стали меня приучать к кузнечному ремеслу, а потом и Алексей все реже приходил - справляйся, паре, Анютка, сама, у тебя дильно выходит. Сложные работы, те сам делал. Смотри, девка, как делаю - навикнешь, не хуже меня ковать будешь. Так вот с 1943 года в сезон все в кузнице. Благословил председатель - Макаровский Иван Васильевич - «кулак», как в народе-то звали - на три дня поставил, а я в ковали выбилась. В 1950 году много работы было - болты, скобы для Осташевской ГЭС ковали и ночами работали на двух наковальнях. Председателем-то уж Нефедовский Федор Демьянович был. Все старые кузнецы были подняты. Старики-то домой уповзут, умякаются дак, а ты, Анютка, паре, нарежь резьбу-то - молодая, мужика нет, с дитем matka пестуется, а тебе лишний трудовдень не повредит.

Анна посмотрела на свою родную деревню, которой уже, считай, и нет. Сколько здесь перероблено, сколько слез выплакано... Теперь бы и рада поплакать, да слез нет.

-А раньше, в Пречистое день, сколь народу здесь собиралось - гар^ мошки, пляска - все ушло... Ну да ладно... Пойду дальше.

С трудом разогнув спину, Игнатъевна направилась в подугор к речке.

-Ох-хо-хо! Заросло-то все, и тропинки не знать.

Она с трудом пробилась к заветному плесу. Прохлада речки освежила ее. Присев на разогретый солнцем, плоский как столешница камень, огляделась. Маленький мысок благоухал цветами, бормотала на перекате речка, сонный плес манил своей прохладой, качалась на светлой воде желтая кувшинка.

-Вот, пришла я, Ларион...

Многие годы своего вдовства приходила она сюда, к этому тихому плесу, слушала речку, думала, вспоминала... Иногда разговаривала со своим единственным и любимым человеком. Плакала, голосила, стараясь все горе, всю боль оставить здесь старому камню - горюну, у тихой заводи. По осени косила заветный мысок и ночью на плече уносила ношу - две травы для своей коровы-кормилицы.

Деревенские знали про эту заводь и маленький мысок, иногда набирали из холодного родника прозрачной воды и тихо покидали заветное место Анниного уединения.

Чуть отдохнув, Игнатъевна сходила к роднику, набрала воды, умылась. Долго смотрела, как играл маленькими бурунчиками родник, помутила русло, дождалась, пока сбежит муть. Пошарив под кустом смородины, извлекла рюмочку зеленого стекла, помыла ее и вернулась к камню. Развязала узелок, разрешила свежее испеченный рыбник, налила в рюмку из чекушки водки, поставила рядом с пирогом. Поправила платок и прикрыла устало веки.

-Последний раз, наверное, Ларюшка, пришла сюда. Здесь мы с тобой встретились, любовь моя неразделенная. Приберет скоро Господь. Там- то уж душеньки наши никогда не расстанутся, любимый ты мой. Тебя-то я все молодым вижу, красивым, а я, вишь, сгорбилась, сморщилась, изробилась. Сынок наш, Венюшка, остатки высушил меня. Рано ты, Ларюшка, забрал его. Ладно, внуки да правнуки, из-за них и жива, охота еще подтянуть, наш корень. Жизнь-то опять тяжелая пошла.

Порывы теплого воздуха играли складками ее одежды, и Анне казалось, что его руки ласкают старые, усталые плечи, мочки ушей, перебирают пряди волос.

Оставим Игнатъевну с ее воспоминаниями и заглянем в прошлое вдовы рядового Великой Отечественной войны.

1939 год - молодая красивая Анюта вышла замуж и поселилась с любимым в его семье в деревне Верещагина. Семья большая, жили небогато. Мечтали о собственном доме, о детях. В 1940-ом родился первенец - Веня. У второй молодухи, Таисьи, было уже двое. Вот к младшему в зыбку и Веня угодил - выкачаем, не вторую же зыбку весить.

Осенью Илларион ушел на действительную - в мире было неспокойно. Забирали всех, у кого и отсрочка была. Ох, не знала Игнатъевна, что прощается с мужем навсегда, что ее вдовья доля уже стоит на крыльце. Илларион писал, что все идет ладно, служит в Карелии. Грозовой 1941 год, война, сердце упало... Господи, помоги ему! Писем нет... Как он, хоть бы весточки дожидаться. Мужики уходят, а им, бабам, все заботы на их хрупкие плечи. Выдюжим - только вернитесь.

Сентябрьскими сумерками прибежала Таисья с бумажкой в руке:

-Нюра! Горе-то какое!..

В глазах потемнело, руки задрожали: «Ваш сын (муж) погиб... 18 июля 1941 года ...на поле боя 112 полка...»

-Нет, Ларюшка! ...Нет!..

Через три дня пришел бригадир:

-Молотить, девка, собирайся. Жить надо, а слез у нас впереди много...

По осени свекор как-то остановил ее и сказал:

-Просись, девка, домой. Не проживем мы такой семьей. Изголодаем. Веньку жаль, весь в отца, паре. Дома-то справнее нашего живут - вытяните парня.

Вернулась домой. Работа до седьмого пота, забота о сыне, о стариках-родителях. Тоска по мужу, зло на долю свою вдовью. Видела мужа во сне, мучилась. Зовет все - приходи, Анюта, на наш мысок, соскучился я...

Часто бывала здесь Игнатъевна с горем и радостью. Лились вдовьи слезы. Холод родниковой воды освежал ее и смывал следы слез. О чем-то своем бормотала речка. Заливался соловей в зарослях черемухи. И после переезда в Кулое редкий год не приходила она к своему плесу. В дни страшной боли, когда погиб сын, она, говорунья-река, да теплый горюн-камень заставили ее жить ради внуков. А теперь вот уже пятеро правнуков у них с Ларионом. Сохранила, сберегла их всех. Как ни ломала ее вдовья судьба, она оказалась сильней.

-Ну, вот, Ларюшка, и все мои новости, а ты опять ничего не сказал, не дал совета. Пойду я, до дома-то еще топать и топать, а ходок-то я не ахти стала. Укатали Сивку крутые горки.

Поднявшись, она пошла к речке, вылила в нее рюмку, сполоснула. Положила на прежнее место. Словно стараясь все запомнить, оглядела свой плес, останавливая взгляд на каждом камушке и кустике, поклонилась и тяжело стала подниматься в гору, к деревне.

К дому она подходила в сумерках. В калитке стояла сноха.

-Бабушка, ты это куда терялась? Я уж забеспокоилась.

-Да куда я, девка, денусь-то?

-Зайди, у нас с дедом самовар горячий.

-Не буду я вас беспокоить, как бы до кровати добраться. Устала я, Галина.

ПОДПАСОК

Сентябрьское утро растрепой вставало в лучах оранжевой зари. Над речкой висели клочья тумана. Лес еще не играл осенними красками. Укутанный фиолетовой кисеей дымки, не мог проснуться от дремы. Ве

терок, похоже, тоже заспался. Гнуса уже не было. Колхозное стадо еще ночевало на воле. Доярки подымали коров, протирая влажными тряпками их вымена, скоро выдаивали накопившееся за ночь молоко. Со стороны казалось, что среди стада скрипят две пары дергачей. Пахло парным молоком.

-Звездка! Вставай, матушка, доиться. Бабы, сегодня кому-то пасти надо. Бригадир на отавы разрешил, стожье огородили дак. Павел-то у меня приболел, не погонит сегодня, а Ваське одному не упасти, хоть и на отаве.

-Чего это выдумала - заболел? Поди, давно картошку в огороде зудит. Каждый год, как десятое число, он у тебя и заболевает. Все ночи только ботва трещит. Посуху всю картошь приберет, больной-то.

-Да, что греха таить, Райка, так оно и есть. Вчера заблажил, всю ночь копался. Время, вишь, у него подошло. А днем на печи охает, грыжа, мол, выехала. Да ведь его не переделаешь теперь, девка-матушка.

-Красуля, вставай давай! Как хотите, а я не погоню, последний раз два дня бегала по лесу, своих беглянок искала. Ладно, в «Прожекторе» догадались застать, непутевок.

-Зоря, поднимайся, доиться надо. Ох-ти мне, опять Раиса гони, самая натоидильная. У Зои, поди, сегодня печенье?

-Право, бабы, печенье. Вот Бог, печенье, - откликнулась из-под коровы Зоя.

-Стой, Зоря, стой. Отпасу. Все равно втягаться надо, в поля переехали, дак больше наш Паша не пастух. Сколько у тебя, Райка, доить-то осталось?

-Да четыре коровы еще. Зоя-то недавно приповзла дак, не вот сейчас подоит. Побегай, затопи хоть печь-то. Молоко я приму и запишу. Свою-то корову не забудь выпехнуть.

- У меня подоена, дак выпущу на деревню. Ребят будить надо да в школу собирать. Не печенье, дак и печь топить не стану. Самовар согрею, тютек ржаных ребятам заварю, накормлю, да и погоним с Васькой. Обходятся на отавах-то, днем до денной-то и сбегая, потоплю печь-то. (Тютки - заварное, соленое ржаное тесто, обкатанное в муке, подавали горячими с растительным маслом). Остудите молоко-то.

Сняв халат, Раиса споро пошла к дому. Из трубы струился легкий дымок. Ребята уже поднялись, самовар поставили. Луч солнца окрасил окна розовым цветом. По радио передавали утреннюю зарядку.

- Мужики-то у меня уж встали.

- Дак радио заиграло, я и встал, а Валетко-то спит, им еще на дом-то не задают, а у меня по арифметике еще не написано.

- Ну давай, успеешь еще, не сейчас в школу-то. Валя! Вставай, тыщица. В школу ведь собираться надо. Вставай, дитяtko.

- Ма, а Володя вчера вечером всю простокишу у меня выхлебал.

- Да, выхлебал, я ведь ее лучинкой разделил пополам и только свою половину съел, а твоя половина на дне осталась.

- Осталась, да мало.

- Вставай давай, жалоба. Я тебе целую кринку простокиши-то дам, ешь на здоровье, коровушка-то еще добро доит.

- А нам сегодня с собой ничего брать не надо, только по маленькому блюдечку да по ложке. Лизавета Ивановна сказала, что нас теперь будут обедом кормить в школе, Вот...

- Ну и слава Богу. Говорили на собрании, что станут горячие обеды давать. Ой, Валюшка, закрывай скорее двери, самовар у нас пошел. Вот и ладно, закипел у нас пузан-от. Сейчас я тютек наварю, дак и позавтракаем.

Раиса скоро обварила тесто, налила в плошку постного масла. Ребята расселись вокруг самовара.

- Я сегодня коров пасу, домой придете, пообедайте. Суп в печи будет. Володя, надо до наших полянок дойти, сено повернуть, чтоб подсохло маленько. Грабли-то под осинкой оставила, найдешь в полянках-то? Унести надо.

- А мы поворотим сено, дак еще и за грибами сходим, может, опять рыжиков найдем. Сашка с нами сходит.

- Ну, добро. К вечеру травы для коровы нарвите.

- Ма, а ты мне дудок принесешь, как с сенокоса.

- Принесу, если попадут. Остарели уж дудки-то, Валюшка.

Уплетая горячие тютки, ребята строили планы на день.

- Мам, ты-то поешь, до вечера далеко.

- А сгоню скотину-то, дак и домой, печь истоплю, может, картошки боровок выкопаю. На отавах, дак упасет коров-то и один Василий. Побежала я, не деритесь и в школе не шалите.

- Не будем, мама, мы только с подволоченскими ребятами спорим-то.

- Ну, с Богом, не опоздайте в школу-то.

Раиса быстрым шагом направилась к ферме. Коровы уже сбились у отвода. Она прошла к избушке, где принимали и охлаждали молоко. Доярки мыли посуду. Василий, подпасок, худой и низкорослый паренек лет 12, пил парное молоко из пол-литровой кружки.

- Вот, Раиса, главного пастуха молочком подпаиваем.

- Ладно, бабоньки, и делаете, теперь вся надия на него. От Паши больше, паре, не пасьба.

- Ох, тетки, спасибо. Весь опился. А я и витень сегодня взял, не в лесу, дак пригодится.

- Ты, Васенька, не больно витнем-то маши, скотину бить нельзя. Возьми-ко в подшалимок-от соли горсть-другую, к дневной-то дойке и прикормишь, они сейчас к соли-то добро собираются.

- Я, тетя Рая, это понимаю, я только так витешком постреляю, как Павел Ильич учил, а коров-то не бью, когда разве ругну или матюгну.

- И матюги-то гнуть, Васенька, тебе рановато, девки-то не любят матюгал-то.

- Да мне еще бабанька сказала, рано на девок-то глядеть.

- Много время-то, Вася, погоним давай. Сегодня в Колотиху пустим. Пойду вперед, а ты загоняй. Зойка, свою-то корову выпустила?

- Подоена, дак девка пригонить должна. Гоните с Богом. Кто сегодня лошадь-то запрягает на дойку?

- У тебя рядом, дак запряжешь. Поди, у сотоны, копешки уж насушены?

- Право, бабы, нет. Утресь притащила две ноши, вся и кошенина. То и опоздала-то.

- Пошли, пошли, матушки, на пасву. Красуля! Пошли, давай, матушка моя, вперед, Дарик! Чего дремлешь?

Стадо медленно вытягивалось в улицу, поднимая пыль, поползло вдоль полей к Колотихе. Василий замыкал стадо, постреливая витнем, как заправский пастух.

Загонив стадо на наволоку и затворив завор, Раиса присела на опущенную жердину. Коровы, не поднимая голов, напали на сочную отаву.

- Тетя Рая, ты, буде, побегай домой-то. Упасу и один. Добро коровы-то ходят.

- Успею, Васенька. Ты закинь витень на огород, выломи вичку да и пойдём-ка мы впереди стада. А то все изомнут и не съедят. Видишь, Цыгана-то комолая и головы не опускает, вперед и вперед. Да и на жнивье не дадим уйти, там, вишь, еще солома не дOMETана, копнители-то все растрясут. Обходятся, дак и сбегаю в деревню-то. Цыгана, Красуля! Куда вас неладная-то несет! Ах, я вам!

Стадо успокоилось, усердно щипало сочную отаву. День налаживался светлым и теплым. Бабье лето. Василий сидел впереди стада, сокорил вицу, о чем-то разговаривал с коровами. Те уже привыкли за лето к его голосу и выражали ему свое согласие. Василий жил со своей бабкой в маленькой избушке на краю деревни. После смерти матери, кроме бабки, у него никого не было. Та растила его с двух лет. После окончания четвертого класса весной бабка пристроила его в подпаски. Все лето ходил парнишка за колхозным стадом вместе со стариком Пашей. Бабанька – так называл ее Василий - в последний год совсем сдала и плохо видела.

Вся надежда на кормильца - Васеньку:

- Ты уж, Павел Ильич, учи парня-то. Ни отца, ни матери у него, сиротинушка. Я-то сорвусь, дак как и жить станет. Он у меня послухмянный, не обижай сироту, тебе Бог зачтет.

- Тетя Рая, побегай домой, упасу я теперь, обходились дак. Скоро лягут.

- Давай, Василий, сбегаю. Не пускай в поле-то. Раиса быстро пошла

краем поля в угор, к деревне. По пути собирала свежееотросшие листья кислицы.

- Вот и на суп ребятам насобирала, со свежей картошкой, яйцо убью - и готова похлебка.

Сразу положив кислицу на крыльцо, прошла в огород, выкопала три грядка картошки. Слава Богу, сейгод картошкиросло. Зимой легче будет. Корове бы еще наготовить сена. Запас-от еще не велик, ношами-то немного наносишь.

Дрова из старого огородища протопились быстро. Катнув несколько картошин, себе на обед, поставила горшок с похлебкой. Вымыла суды, присела к столу, перекусила. Думы были о корме для коровы да об одежке для ребят к зиме. Налоги скоро терюшить будут, как выкрутиться? Кругом одна.

Сердце вдруг сильно колыхнулось в груди.

- Ох-ти мне! Чего-то неладно. Побегу к скотине, скоро уж и на дойку бабы приедут. Не дай Бог, что сделалось!

Выбежав за деревню, она скоро, с подбегом, пустилась по тропинке, краем поля, к наволоку. Выбежав на угор, увидела странную картину: коровы выстроились полукругом, в середке фыркал и мявкал племенной бык Дарик. Песок и дернина летела из-под его копыт. Рядом с бычьей головой что-то пестрело, распластанное на земле. Сердце упало - забодал парня! Ноги подкосились, от бега и страха сердце остановилось, в глазах потемнело. Сбросив жакетку, она отломилась с огорода вершинку жердины, бросилась к стаду.

- Дарик! Ох, я тебя! Что сделал-то, окаянный враг! Дарик, уйди. Отойди!

Бык, услышав голос хозяйки, поднял голову и озверело замычал. Его морда была вымазана землей, крови не было видно.

- Господи! Царица небесная, не допусти греха! Вася, жив ли ты?

Бык, увидев в руках хозяйки палку, взревел еще громче. Она дубасила обломком жерды по спинам коров, пробиваясь в круг. Стадо наконец двинулось. Раиса, подбежав к быку, наклонившемуся ей встречу, начала охаживать его по рогам. Бык, упершись мордой в землю, яростно кидал копытами землю.

-Дарик! Поди, поди, я тебя сейчас!

Обломок жердины, треснув, развалился на три части, в руках осталась жидкая вершинка. Бык медленно пошел на нее, глаза его наливались кровью, сыпали искры. Василий пошевелился.

-Жив! Слава Богу! Поди, Дарик, поди!

Озверевший бык уже не слушал хозяйку, наклонив голову, готовился к прыжку.

- Тетя Рая! Он ошалел, беги.., - тихо прохрипел Вася.

Вмиг испугавшись, Раиса отступила в сторону. Бык почувствовал ее страх и пошел в атаку. Развернувшись, слыша тяжелый топот сзади, Раиса опрометью бросилась к стволу сосны, стоящей одиноко на

меже. Страх дал силы вскарабкаться на дерево. Ухватившись за ствол, она оглянулась, бык уже был рядом, ствол дерева затрясло от мощных ударов бычьего лба. Нижние ветки полетели в сторону. Раиса поняла, что ее убежище выстоит, но как спасти парнишку?

Озверевшего быка не успокоить, это она понимала. Отвлекая его внимание, Раиса кричала:

- Васенька! Ползи ты, тысица, к сеновалу-то! Залезай в него, пока бык-от не видит. Ползи, тысица, ползи!

Животное, поняв, что хозяйка кричит кому-то другому, резко развернулось в сторону подпaska.

- Васенька, замри, не шевелись. Дарик! Ох ты, враг! Ужот-ко я сейчас спущусь да тебя наохаживаю!

Не уловив шевеления поверженного врага, бык снова повернулся к хозяйке. Замычал, начал успокаиваться. Василий медленно, ползком, продвигался к сеновалу. Фыркнув, бык вдруг снова бросился к нему. Остановился, обнюхал замеревшего от страха подпaska. Раиса испугалась: не было бы только крови на мальце, ее запах мог вызвать у Дарика новый приступ ярости.

- Дарик, Дарик! Иди ко мне, мое хорошее! Дарик! Иди, соли дам!

Она с надеждой посмотрела на угор, не едут ли доярки на дойку? Нет. Спустишь, будь что будет. В кармане платья нащупала посоленный кусок хлеба. Бык стоял, развернувшись к ней вполборота, не упуская из вида и распластанное тело мальца. Поднял голову, замычал.

-Дарик! Иди сюда! Соли, Дарик, соли!

Бык, опустив голову, медленно шел к ней. Обдирая ладони, она съехала с сосны, знала, что обратно уже не залезет.

Ну, что Бог даст.

-Дарик! Иди, иди, дурак, соли дам! Ну, иди давай!

Краем глаза она видела, как Васька медленно подползал к сеновалу. Еще немного, и он перекатится через жерди дверей, внутрь, на сено. Вытянув вперед руку с хлебом, она медленно вышла из-за ствола дерева.

- Иди давай, мое хорошее! Дарик, Дарик!

Бык, явно успокаиваясь, приближался к ней. Как не показать животному свой страх? Спина взмокла, ноги дрожали в коленках.

Василию удалось, наконец, перевернуться внутрь сенника. Застонав от боли, он полз вверх по сеноу. Бык заволновался, услышав стоны.

- Дарик, Дарик! Соли, соли! Иди давай, мой умник. Иди. Я тебе в ямке почешу, на-ко соли-то. Вот хороший парень!

Фыркнув, бык захватил своими губами соленый кусок хлеба, наклонил голову. Она принялась чесать дрожащей рукой его голову.

Василий, наконец, вполз на сено и скрылся под крышей сеновала. Что делать дальше? Как заставить быка пойти к стаду? Пойду вперед. За мной, может, и пойдет.

На угоре, гремя бидонами и подойниками, показалась лошадь с доярками. Ну, слава тебе, Господи! Она медленно повернулась и сделала первый шаг к коровам.

- Пойдем, Дарик, к коровам, пойдем, мой хороший.

Бык мирно шагал за ней, мотая тяжелой, грязной головой.

- Эй, пастухи! И коров не собрали. Чего устраивали? Доиться, матушки! Доиться!

Молча, сопровождаемая быком, Раиса вошла в стадо. Бык остановился. Она бегом, петляя, как заяц, между коров, побежала к лошади.

- Бабы! Выпускайте коров на ниву, там доите. Надо Василья к фершалу везти, бык всего избил. В сеновал он кое-как заточился, ой, после расскажу. Выгоняйте на ниву. Моих чиркните, которые постоят. Тихонько с быком-то, как бы не ошалел опять.

Потеряв хозяек, коровы дружной толпой потянулись в растворенный завор на ниву. Бык, уже успокоившийся, шел в середине стада.

- Райка! Пойдем-ко со мной, может, нести парня-то надо.

- Да чего у вас вышло-то?

- Не знаю и сама. Не видела еще Ваську-то. Ой, не могу, трясет всю. Две Раисы скорым шагом побежали к сеновалу.

- Вон, Райка, подшалимок-от валяется, все растряпичил. Вон и каравашек лежит.

- Из дома-то бегу, девка, коровы кругом, а бык над Васькой стоит, землю ногами бросает. Ну, думаю, все, угробит парня. Закричала еще с угора благим матом. Вершину из изгороди выломала - и в стадо. А потом уж не помню, с чего бык на меня бросился. Я на сосну, даром что плотная, моментально наверху очутилась. А он, враг, увидел, что я боюсь, за мной, видишь, всю сосну осокорил. Что Ваське кричала, и не помню. Вижу, шевелится. Ну, слава Богу, жив. Ползи, кричу, к сеновалу. А сама кусок хлеба в кармане-то нащупала. Ну, думаю, Раиса, на все воля Божья. С сосны слетела да и протягиваю ему хлеб-то. Сама стараюсь не показать, что боюсь. Вижу, остывает. Давай ему ямку чесать. Вот так, подруга. А дале что, сама видела. Ох, что с Васильем-то?

- Вася, Вася! Выползай, тысица, вытопили коров-то. Чуешь ли, Вася?

- Сейчас я, тетя Рая, Ноге больно, я потихонечку.

- Выбьем жерди-то, Райка, не выползти ему так-то.

Наконец парень показался из дверей сеновала. Его подхватили под руки. Васька морщился, но крепился.

- Снимай рубаху, голова-то цела?

- Вроде целая. Ноге больно, не шевелится.

- Ой, весь в синяках. Смотри-ко, Раиса, нога-то не сломлена?

- Сейчас, ужо, поглядим. Терпи, Васек, атаманом будешь.

- Слава Богу, вроде не сломлена, только вывихнута. Сейчас вставлю. Держись парень, больно будет!

- Ой! А...а... Ох!

- Ну, вот и все, чул, как хрястнуло? Сустав на место поставила. Снимай, Раиса, платок, завязать надо пока.

- Чего еще болит, Васенька? Вишь, бока-то все ободраны. Сними рубаху-то, она грязная. Как все случилось-то?

- Я собирать хотел коров-то. Подшалимок на плечо - и в стадо. Даю помаленьку соли им. Дарик подошел, тоже просит, а я ему фигу под нос, на-ко, выкуси, молока-то не даешь, дак и так добро. Он в другой раз просит. Я ему опять фигу под нос и отвернулся к коровам-то. Он, враг, меня на рога. Дак я выше коров взлетел, больно о землю-то стукнулся, да и ногу сильно ушиб. Думал, забодает насмерть. Подшалимок с меня слетел. Он к нему, еще разок тряхнул, соли-то мало осталось. Пока он лизал остатки, я и потянул потихоньку к сеновалу, а бык за мной. Лобом-то меня и пригнул к земле. Я тоненький, аккурат в ухват к нему. Давит меня да мявкает. Земля из-под копыт во все стороны летит. Страшно, тетя Рая!

- Говорили тебе, Васенька, что тихонько с быком-то надо. Ведь это зверь.

- Теперь, пожалуй, и забоюсь быков-то.

- Ладно, крови не унюхал, а то бы не жить тебе. Василек, и нам с бригадиром несдобровать. Пришли доярки:

- Не могли, бабы, подоить-то. Как леший всех носит, не стоят.

- Ладно, вечером больше дадут. Загоняйте обратно, пока в лес не утянули. Допасу одна. Вася, вечером-то я зайду к вам, может, медичку вызывать надо. Садись на кукры, к телеге снесу. Лизаветка, приברי подшалимок-от, починит Денадиха, послужит еще, да мое шмотье собери.

Коровы снова разбрелись по наволоку. Некоторые, слыша голоса доярок, мыркали.

- Ой, сотоны, не дались, дак не мыркайте, не сопрет до вечера. Поезжайте, бабы. Ты, Васенька, до утра-то не ступай на ногу. Бабушка пусть синяки-то намажет, полегче будет.

День перевалил за половину. Солнце светило ярко, легкий ветерок шевелил верхушки деревьев.

P.S.

...Зимой умерла бабанька Василия. Его забрали в детский дом, и в деревне ничего не знали о его судьбе. Василий навестил земляков через тринадцать лет. Приехал в гости: на людей посмотреть, поговорить, с кем прошло его детство. Обиходил могилку бабаньки. Тетка Лизавета со своим мужем Павлом тоже убрались в мир иной. Две Раисы все еще работали на ферме...

Василий добывал уголек в Донбассе, женился, ждал зимой первенца...

СО ПИВКОМ ДА ЗА СВАДЕБКУ

-Ну, подруженьки, милости прошу чай кушать!

Анна широким жестом пригласила приодетых за ради праздника Покрова к шумящему на столе самовару. Дух свежезаваренного чая, жженого сахара перебил все прочие запахи праздничного стола. Перекрестясь на икону, Лизавета и Клавдия чинно присели на широкую крашеную лавку.

-Я да Марья, Евларья да Полинарья, Евтигнейкина Иларья да Полевахина Настюха - все девки тут. А ведь у нас, бабоньки, вся деревня в сборе. До чего дожили, по всей деревне три старухи в зиму пустили.

-Не охай, паре, Кланюшка, видно, мы с вами самые уживчивые. Ты у нас самая молодая, тебе и стеклить за нами до весны. Чай, перезимуем, товарки.

-Кто бы, подруги, со стороны поглядел, как я на семидесятом-то годочке в магазин на лыжах дую. И смех, и слезы, и грех! В подугор-от спускаться - сердце захватывает. Вдруг да понесет - так кокорой прямо в речку и закачу. И обратно не выбраться. А ведь надо. Перекрещусь, да и поехала. Ну, даст Бог, выдюжим, не то видели. Раньше по деревням-то с Покрова свадьбы играли.

Она достала из-под фартука бутылку и смачно бухнула ее на середину стола.

-Гулять, так гулять! Зятек летось привез, вот до времени и хранила. Литер, подруги, не хухры-мухры. Пользителен, бают, и в чаю и так.

-А я, товарки, для праздника и дичинки расстаралась, сейчас из печи достану. Молодой петушок-от, упрел, поди.

-Добра-здоровья всем крещеным!

-Ох, добро покатилося, скусное винчо-то, паре, ночуем, кума! Анюта, открой рыбник-от. Из палтуса! Две головы взяла. Ох, добра рыбка, жаль, одни головы. А кто же, бабы, остальное-то съел? Опреж, вроде, наоборот было.

-Палтус нынче, одни головы. Переродился он, что ль, не могу в толк взять?

-По нашим пенсиям как раз на голову только и хватит.

-Хворосты-то пробуйте, гороховые. Блинов сковорода намазана, в печи томятся, не забудьте.

-На столе-то, девки, у нас, как о свадьбе - чего душенька пожелает.

Чего Бога гневить, живем, слава тебе, Господи. Помнишь, Анютка, свою-то свадьбу? Пожалуй, по старому-то у тебя в последний раз и гуляли. А ты, Клаия, помнишь?

-Как, девки, не помню, ведь уж пятнадцать лет было, не челеденок.

-А я уж молодухой была, за столом сидела, все как сейчас вижу.

-Бона чего вспомнили, куры старые. Мы с Ванюшкой в те поры уж боле года крутили. Он все ко мне за пресенку садился, баской был. На хромке заиграет, сердце рвется. Поплясала, головушка, под его игру, плясать была охоча, двадцать два колена выделявала. А городки пойдут, тоже не последней была. Вот так и уговорил - сватов заслал. Родители знали, не перечили. С утра ждали сватов. Особо не готовились, нельзя, соседи худо подумают - рады, мол, девку свалить. В гостях Градя сидела, новости деревенские перетирала. Страсть любила, покоенка, это дело. Раньше всех в деревне все знала. Я из окна в окно бегаю, заглядываю.

-А че, Анюш? Не сватов ли ждешь? Как шильё калишь все утро.

-Окстись, Градюшка, какие сваты? Челеденок еще девка.

-А я, девка, чула, что Ванька Соболенок сватов засылает.

-Помалавило тебе, Градюшка, мы силом не навязываемся. Молодая еще Нюрка, скруты не накопила.

-У твоей Анютки нет скруты, так у кого и есть? И годочки подошли, баба-матушка, всем девка взяла. Из рук ничего не валится и лицом баска. Хороша невеста, не похаем, паре.

Тут и сваты на порог. Двоюродник Ванюшки да дядя его, Николай Петрович. Градя шубейку в руки и говорит:

-Пойду я, паре, Осиповна, уходился, поди, угар-от у меня. Чуло мое сердце, как в руку тебе положила - сваты! Ну, давай вам, Бог.

-Посиди, божатка.

-Меси-ко, баба-матушка, солоमत, дело будет. Пойду, не буду мешать. Нора то любо выходит.

-Вот так и просватали меня, подруженьки. Через три дня тата с кумом рмолаевичем ездили места смотреть к жениху. Через неделю его родители приехали на уговоры, когда свадьбу править. Тут уж одним соломатом да самоваром не обошлось. С родителями и Иван приехал, да сватья Манефа. Столом да скатертью все и обговорили. Тата со свекром – сколь пива варить, где приголовок (пивная закваска) брать, кого в гости звать. Мама со свекровью да свахой - чего в приданое пойдет, что в дары готовить, когда оглашать (в церкви о дне свадьбы), когда венчание править. Новая родня - домой, а наши дальше думать, чтобы колом не вышло.

-Ой, отец, сумлеваюсь я, хватит ли полотна-то на дары, три трубы по шесть стен приготовлено (стена - шесть метров, труба - тюк полотна), да трубы четыре по пять стен приложено. Пошлют как старшуху Оленку мерить нешитое-то, да и шить много надо. Швею надо везти,

где на руках-то успеем. Ладно, солоду наводили осенесь. Кума надо звать варить-то?

-Ермолаича. Кого боле. Суда вот собирать надо.

-Ой, помоги Бог успеть все, не осрамиться...

-Затужишь тут, товарки, свадьбу вести - не подолом трясти.

-Плакалась-то я немного, не неволили порато. Так, лишь бы обряд соблюсти.

-А я, бабоньки, помню, как Лидийка Пронина хлесталась да причитала неделю-то.

-Да уж, та напричиталась. А не могла умолить, чтоб не неволили за нелюбимого-то идти. И после оглашения все ждала, что Олешка «на перебой» сватов пошлет. Да так и не дождалась. К концу недели как тень ходила, как чивча высохла. За столы вести, так подрумянивали – как полотно белая была. Так, бедная, счастья и не видала.

-От судьбы да от тюрьмы не спрячешься.

-Олена-то, покоенка, ничевухой была, а долгими-то локтями с трех снох Соболихе полотно много натаскала.

-Как сейчас помню, мама принесла три трубы полотна: «Меряй, Оленушка, что не шитым-то дарить». И начала на локоть навивать. Три раза махнет - и нет стены, пришлось нести еще две трубы.

-Ну, да не в чужую семью, тебе, поди, после и досталось?

-Да, когда отделяли, Фелицата-то стен пять подала: «Твое, Анна, приданое, тебе и досталось».

-Хитер Соболяка-то, вовремя всех отделил, а то не минуть бы и вам раскулачки.

-Много, девки, добра-то было. А разделили как на пять хозяйств, и растеклось все. Спасибо, кум привелся, уговорил, чтобы делили хозяйство, а то все прахом уйдет. Фелицата долго вздыхала, да против свекра не попрешь. Сказал - как отрезал. А так ведь три снохи было, а не пообидишься, все добром. Мы ниже как «батюшко» да «матушка» не называли. И нас ниже как Олена, Анюта да Феня назову не было. Меж собой ладили. А с Марией мы вместе не жили. Никанорушко «в животы» к ней вышел. Перед под контору свекр отдал, как в колхоз погонили. А середку с зимовкой Василий к себе перевез, как стариков-то прибрал. До сих пор зимовочка та стоит. Перед, после как крыша пропала, маслозавод на дрова истопил. Пилили, так искры сыпались, кремнина.

-Ну, да и вам с Иваном не худ дом поставили, как копеечка, паре.

-Не пожалуюсь, держался топор в руках у Соболят. Два дома поставили, да и Никанору срубы готовы были.

Часть вторая

Давай, Лизаветка, тащи сковороду с блинами из печи. Вон сковородник-от, в шомуше.

-А в полукриночье-то что, Анютка?

-Там масло томится, масло сольем, а пенки вымачем. Кланыя, у тебя губники что, с черникой?

-Черемуха толченая, паре. Ну, да с пенками не воложно будет.

-Давай, товарки, еще по лафитничку дернем, скусно наварено. Пожалуй, подруга, гузна от лавки не отодрать будет. Как домой-то покатым?

-А не торопись, девка, вечеровальники придут, так еще попляшем.

-Нет, товарка, не придут уж наши вечеровальники, нет надеи-то.

-Надеи-то нет, а сердце поет. Где, Анютка, овсяной муки взяла? Скусно больно. Заспу, что ли, перемолола?

-Где? Научи вас, ничевухи. «Геркулес» замочила, да процедила, да белой муки приботнула - вот тебе и овсянка блинная. С хворостами да блинами вся утопалась. Ну, паре, худо ли, блинов напекла и наплясалась.

-Споем-ка, девы, прежнюю, вот и на душе веселей будет.

-Ой, Анюта, кабы прежние-то голоса, а теперь какие мы певуны.

«Я у матушки выросла в неге, не знавала кручинушки злой...»

Их нестройные поначалу голоса выправились, слились, и песня понемногу набирала свою напевность, северную нашу красоту и неповторимость.

-Вот и ладненько, мы еще и не то можем. Кабы гармошку сюда, да прежних подруг сюда, так и «Верховажского» сходили бы.

-Бабушки Натальи любимая песня была. Вот душа была у человека! Она меня и в баньке перед свадьбой мыла: «С трех ручьев рабу Божию окатываю». У нее запуки на все случаи жизни были. Жарку-то плеснула, пот с меня полотенцем собрала: «Утром-то станет Иван умываться, ты и подай ему это полотенце - пусть утрется. А платочек этот в карман в Рубашку положи. Помогай тебе матерь Божия! Домато, девка, на пороги не ступай. В церкви к Тихвинской Божией Матери приложись. И до венца, и после. Борони тебя, царица Небесная!».

-Знала чего, поди, покоенка. Гадала Крещением, ребятишкам малым помогала, грыжу заговаривала.

-Она мне и робят всех подняла, как к себе с Иваном в житье взяли.

-Помню, Нюрушка, наряд-от твой: атласник светленький да кофта вышитая с кисточками, розовенькая, наборочки янтарные, фатка-то больно баская была связана, ботиночки хромовы на подковках.

Плясать- то пошла и зацокала.

-Одели, причесали, косу уложили, фатку прикололи. Девки по окнам заглядывают: не едут ли? Божатка с теткой бабоньку Наталью невестой одевают - ее первую казать станут. Сердце тукает, в глазах

слезы. А колокольцы-то и запели из-под угора. Едут! Я чуть в обморок не упала. Дорогу городят. Торгуются с мужиками. Поезд-от, девки большой – три тройки, да на парах четверы сани, да по одной лошади, ой, и не видно, сколь. Дуги в лентах да цветах, сбруя блестит. Сговорились! Мужикидровни растаскивают. Вот и к дому поворачивают. Ворота заперли. Стукаются! Пустили в дом. Гости разделись, за стол сели, место невесты откупили. Божатка с теткой с тысячкой балагурят: «Ну, купцы-молодцы, вдвоем идти, или третью вести?» - «Третью вести».

Перву бабоньку Наталью выводят, показывают: «Люба ли?» - «Нет! Товар залежалый».

-Станете платить бумажками? Под бумажки есть кармашки, под серебро - ведро, под пряники да леденцы - хлебницы.

Вывожелыцицам платят выкуп. Бабонька меня перекрестила: «Борони. Бог! Матерь Божия, спаси и сохрани!». Сама вперед идет, лиственным веником дорогу метет - от сглазу. Меня показывают перед столами.

«Точно! Вот такой товар мы берем! Как, Иван, берем? - Берем!».

По солнышку заводят за столы, усаживают. Вывожелыцицам - пива братыню да сладостей. Вином стали обносить. Я стою да кланяюсь: «Кушайте, гости дорогие». Пиво пошло по кругу. Бабы с улицы в дом заходят - припевки петь. Нам с Иваном «Соловья» припели, тогда прилюдно в первый раз и поцеловались. На стороне невесты-то ведь «горько» не кричат. «У чарочки» - тысячке, «У голубя» - сватам. Тот заупрямился денежки давать, так хотели ему «Злодея» спеть. Столы гудели. Тысячка встал, на три стороны поклонился: «Гости дорогие! Пора молодым к венцу». Бабы величание запели. Нас с Иваном под родительское благословение подвели. Бабонька Наталья образ Тихвинской Божией Матери несет. Я - в слезы, реву как белуга. Благословили, Иван побежал «место греть», тысячка свадебный поезд ладит. Брата Никанора верхами вперед поезда послали, «дорогу блюсти». Божатка повела меня с домом прощаться. Да на крыльцо, в шубу и в сани к Ивану. Бабонька икону, которой благословляли, в колени сунула: «Не оглядывайся ты, моя дорогая. В добрый час! С Богом, детушки!».

Венчали в зимней церкви Одигидриевской Божией Матери. Венчал нас отец Ларивон. Кольца отлили из серебряного рубля. В войну-то на хлебушек променяла оба колечка. Грех, может, а жить надо было.

-Я была, девка, у вас на венчании-то. Много народу было.

-От венца к жениху в дом, за свадебные столы. Свекор со свекровью на крыльце встречают. Вся деревня собралась, в руках тарелки с житом да хмелем, досталось всем гостям, не только нам с Иваном.

-Ведь, товарки, «шибать» молодых и я бегала, а после и невесту смотреть ходила, как уже все за столами сидели. Даже сусло пила.

Никанорушка, как новая родня, всех угощал, витушки да губники всем раздавали.

-Пока гости раздевались да прибирались, меня свекровушка во двор да по хлеву повела - ко скотинке. Тетка в руки мне столовик сунула: «Ступай, Анюта, на каждый порог, каждой животинке хлебушка дай, я подсолила, дак не выпустят, а ошурочек-от оставь, в избе на шесток положишь, чтобы батюшко-домовой любил». Божатка что-то в стакан плеснула: «Выпей, Анюта, бабонька Наталья так приказала». Не больно, паре, вкусно, да проглотила, щеки-то сразу загорели, в голове все ясно, и страх весь куда-то пропал.

-Говорили после бабы по деревне: «Хороша молодая у Соболят, румяная, веселая. Стала девка хозяйкой, глядит, как век тут жила. Приданого-то, бабоньки, три сундука вынесли, да постелю с подушками».

-Давай, постеля. Я, паре, ущупала - перина, девки. Ох и мягка - люблю Ваньке спать будет.

-Давайте-ко, товарки, самовар подогреем да чайку попьем. Лизавета, неси тушилку с угольем, а я лучину нащеплю. Люблю, паре, как самоварчик поет на столе.

-Дары-то, Анюта, у тебя богаты были; всех уж одарила из новой-то родни, никого не забыла. За столами все только ахали. А потом плясать пошли - дарами хвастать. Филицата довольна, не худа сноха досталась. Пестрядник дареный на себя - и плясать, да молодуху спасать. Веселаясвадьба была, не похаем. Столы от снеди ломились, перемен, чай, пять подавали. Три гармониста вперебой играли. Наплясались все, песен напелись. Частушки под пляс так и сыпались. А сама-то помнишь, как откаблучивала. Бойка была, куда все девалось?

-Спать-то нас в зимовку увели. На утро свекровушка бац о порог горшок - вставай, молодица. Встали с Ванюшкой, умылись - сама на колодец за водой сбегала.

Гости, кто из ближних, да что ночевать остались, уже за столом. Испытывать молодуху начали: в избе помети, да пресенку в руки, в первое утро попрядешь - богаче жить будешь. А потом со всей родней в родную деревню поехали. Уж тут «поезд» помене был. Ивана в мои дары одели, рубашка вышитая. По приезду - за столы, и снова пир горой. Гуляли допоздна. Мама-то, помню, в рваном фартуке гору блинов несет. Все заохали - прожгла де теща последний фартук. Иван блины уминает – теще полушалок на плечи, а на оставшиеся блины «красненькую» положил – на заплатку. Вечером-то кто домой уехал, а мы ночевали. Назавтра и я уж со всеми распростилась. Отрезанный ломоть, в новую семью поехала.

-На второй день и мои родители на «процесье» с ближней-то родней

приезжали. Снова столы ставили, кое-кого и из деревни приглашали. На этом, товарки, и пошабашили. Да... Все как сейчас помнится. Какой народ-от уважительный был, ни скандалов, ни ругани.

-Ну, подруги, вот это погуляли, на улице уж смеркается.

-Ох, хозяйюшки, до чего дожили - ко дню не дано и с вечерним не с кем обряжаться - последнюю козу нарушили.

-А у меня, товарки, полно скотинки-то: две куры да петух, вечер домой занесла.

-Эта скотинка и у меня, Анюта, есть, в подполье держу.

-Лизавета, матушка, сряжайся. Заседание кончилось на сегодня. Ой, девки, и платка-то не завязать. Помогай-ко, Анюта. Батог еще надо найти, не доползти так-то.

«Пойдемте, девки, по домам, кавалеры не по нам. Лысоваты, да рябые, молодых бы надо нам».

-Ну, оставайся с Богом! Заглянем завтра.

-Анюта! Литер Лизаветин в Рождество дотянем, а может, и на Крещенье хватит.

Пойдем, Лизонька, пока не отемнали.

НЕ БУДЕМ УНЫВАТЬ!

Сумерки плавно перешли в тихий зимний вечер. Бледная полная луна матовым фонарем висела на краю горизонта. Яркие зимние звезды, бисером рассыпанные по небесной тверди, перемигивались в вышине, беззвучно вели диалоги. Крепчайший мороз изредка трещал своей булавой. В сонных деревенских домах, в трех из которых еще теплилась жизнь, окна светились через замерзшие стекла желтым светом. Над трубами ровными белыми столбами тянулись к небу, к звездам, дымки топящихся печек. Декабрь. Предновогодье...

Анна Николаевна, вернувшаяся вчера из поездки в Москву, хлопотала у стола. На приступке весело шумел самовар.

Протопившаяся печка играла фиолетовыми огоньками угара, расточала тепло. Хозяйка ждала гостей. Тихо бормотал телевизор, какая-то очередная «звезда» пела свою околесицу.

- Ни Богу, ни людям, - подумала Анна, нарезая от привезенного из столицы «бородинского» ровные, по работе, ломти.

- Ох! А преж-то как пахло хлебушком! Духом кормило. А теперь, хоть и ржаной, а нет того духу. И силы, поди, той нет. К каждой выти хлебушко, а народ-то все невеселый. Все в заботах, и оглянуться некогда, а надо бы...

В сенях заскрипели ворота, послышался приглушенный разговор. Двери в избу отворились, в клубах морозного пара, укутанные в полушалки, вошли Лизавета с Клавдией.

- Здорово ночевала, подруженька! Не ждала, поди, гостей-то? А мы с Лизаветой печки скутали - и по гостям. Никакой мороз не держит.

- Проходите-ко, лебеди белые. Разболокайтесь да хвастайте. Вечор и не посидели, не побаяли ладом-то.

- Дак ведь с дороги ты, девка-матушка. Намаялась. Чего уж нам было пялиться. Не последний вечер, успеем, наговоримся. Вся зима впереди, даром не все сразу узнаем.

- Слава Богу, тепло у тебя. Мы думали, уж все приморозили без хозяйки-то.

- Спасибо вам, бабоньки. Как и не уезжала, в своей-то избе, как в раю, ночевала. Тихо. Тепло. Легла, как в воду канула. До шести часов с боку на бок не повернулась. Проходите-ко к столу, сейчас самовар поставлю.

- Пожалуй, Анюта, одним-то самоваром и не снимешься, худо-дородно, две недели обряжались. Как ты-то, Кланя, думаешь?

- Ужо-ко, послушаем хозяйку, может, чего и не так izdelали. Картошь-то не заморозили?

- Нет, все ладно, всем довольна. Давайте, голубицы, к столу поближе, хоть посмотрю на вас.

- Посмотри, посмотри, ягодка, на два чучела деревенских. Не помолодели? А тебя, Анюта, и не узнать. Зубы новы. На лицо посвежела, как Пугачева после свадьбы, платье ново, не ношено, ляписто больно, как у молодницы. Гли-ко, Кланя, и сережки новые, золотые, чай? Ну, девка, точно купца укатала какого, али нового русского закадрила.

- Ну вас, сотоны! Аж в краску бросило. Грудьтесь к самовару. Гостинцы станем пробовать, зря, что ли, везла.

- Ладно уж, гостинцы-то. Рассказывай, какво поездила? Как в столице-то живут? Не ладят ли к нам обратно в деревню односумки-то?

- Гостить - не работу робить. Хорошо гостить-то, да домой захотелось. Со всеми повидалась, наговорилась и Москвы насмотрелась. Живут не худо, не пожалуюсь, на то она и Москва. Бегают, как муравьи на муравейнике. Весь город как большой базар, на каждом углу лавка. Народу всякого, как в Китае, все боле не русские. Ладно я-то, зубы вставлять приезжала, а другие-то пошто? Колбасы ныне везде навалом, апельсины, дак у нас и баще продают. Не в каждый магазин там с нашими рублями и сунешься, доллары им подавай. Вывески все на иностранном, ничего не поймешь, идешь, как и не в России. Шоки да шопы, бутики да салоны, а зайдешь, и смотреть не на что. Да я широко и не ходила, чего мне, старухе, надо. Когда разве с ребятами куда сходишь.

- Лужкова-то не видала?

- Нет, не попадался.

- Я думаю, как он в экой мороз в кепочке-то бегают? Уши недолго

отморозить. Скоро ведь выборы, дак надо на люди-то выходить, али ему уж больше нельзя мэром-то быть?

- Как, поди, нельзя, новый век настал, дак еще на два срока можно. Он, паре, уж третье кольцо выстроил, чтоб от наших товаров-то отгородиться, мол, везите дальше. Позгалев-то у нас по телевизору баял: наша продукция подороже, но и много качественнее. И за рубли, а московский рынок недоступен.

- Да, может, у него рейтинг упал?

- Чего упало, не поняла? Старый, дак уж и время!

- Рейтинг, Лизавета, рейтинг! Это как у коровы: надой после отела по-боле, а перед запуском и спал совсем.

-А, то-то, понятно, он, это значит, перед запуском. Ну... А там Вольфовича, может, видела, охота узнать. Как он-то? Голосовала за него!

- Он, паре, Лизавета, веселый, бойкой. Нам бы его в председатели, наш-то молчун, слова не дождешься.

- Во-во! В самый раз, да еще бы денег дали Березовский с Черномырдиным, дак и зажили бы мы в колхозе-то.

- Скоро все забегают, выборы дак! Вот душеньку отведем, всего на-обещают, только голосуй.

- Будет о политике-то, ешьте палтус. Мяконькой, копченый.

- Гли-ко, Кланя, вот где середка-то от палтуса, а я, дура, уж подумала грешным делом: одни головы наши-то ловят. Скусно!

- Всего-то, девки, попробуйте, на мою пенсию не отразится, все робята накупили, чтоб вас угостить.

- Хлеб, как прежние подовики, скусный, да духом не тот. Свой-от раньше духом кормил.

- Нелегко и доставался, Лизавета. Поклонишься раз десяток, поневоле каждой крошкой дорожить будешь. А теперь, как почнут «клеванной» возить, дак годами одно и то же. Будто других сортов нет.

- В Москве-то любой хлебушек бери. Всегда свеженький, теплый даже, в целлофан обтянут, любо-дорого. Я все на ржаной налегала. Крендели с пылу, с жару, румянькие. - Да в Москве и мучка другая.

-Да та же мучка, да другие ручки, там торгуют, а у нас продают. Какой привезут, такой и бери.

-Анюта, нашего-то, может, и есть теперь не станешь. Навыкла к московским-то булкам.

-Кланюшка, у нее теперь зубы новы, крепкие, любой будут брать, даром и не теплый.

-Чаю-то наливать?

-Погоди, успеется. Не все еще и испробовали.

- Да я не тороплю. Пробуйте-ко все-то. Самовар и подогреть недолго.

- Робята-то какво живут?

- А, слава Богу, работа у обеих хорошая, квартира есть. Старшая дочь замужем, правнук у меня уж есть. Те отдельно живут. Малый-то в

институте учится, на последнем курсе. Добро живут, не пожалуешься. Зять работает по канализации, дак от клиентов отбоя нет, все к нему. Там не у нас, за куст не сбегаешь. Дочь в метро дежурной работает. Сутки работают, трои - дома. Игоря-зятя каждый день куда-нибудь зовут, то у кого бежит, то не бежит - все неладно, а ему - денежки, семье - прибыль. У Юли-внучки муж - грузин, тот по торговле, тоже небедно живут, правнука растят.

- Ну, да в Москве больно богатым тоже несладко приходится.

Посмотришь по телевизору - там стреляют, там горит.

- Не говори, девка, редкий день тихо-то обойдется. Вишь, тесно им там, а все равно, всем в столицу охота.

- Правнука-то как назвали?

- Митрием, в честь деда. Гога-то хотел по-своему, да нашей Юльке не поперечишь. Сказала: Митрий будет - и все, и ваши не пляшут.

- Ладно и сделала, по матери ведь и записали - русским?

- Русским, русским. Митрий, дак какой грузин.

- Вадька-то как? Здесь ведь вырос, каждое лето в деревне.

- Умный парень растет, по компьютерам, все вечера сидит за своим, чикает чего-то. Я уж и не подходила, званья не разумею дак.

Подогретый самовар весело сопел на столе.

- Вадик не думает жениться, поди, какую уж кадрит?

- Есть подружка, приходила. Ничего, баская, да уж больно худа.

- Ну, да тебя, помни-ко, отдавали, тоже не больно тельна была. У меня хозяин-от рассказывал, как они с Васькой тебя на свадьбе оценили: «Ну, Митька, ты и выбрал подругу, ни силушки, ни сисек и сзади кулак. Вон, погляди у Ивана-то - товстая, большая, хорошая, вот баба дак баба, не то, что у тебя, хоть сейчас в дровни запрягай».

- Васька скажет, всю жизнь зубоскалит.

- Поди, по театрам да концертам находилась, звезд московских живьем насмотрелась? Не обряды. Чего больше в гостях-то делать?

-Ой, девки, разок Вадик вытащил, да больше, сказала, не зоритесь, ребята, не пойду, сумасшедший дом, а не концерт. Пошли, как его называют... Да... «На окрошку», что ли. В общем, выступает много и звезд, и звездочек по афише-то. Приодели меня, и пошли мы с внучком. Зал большой, народу не скажу что много, видно, звезды не те. Главная – Наташа Королева. Ну, начали концерт, вроде, все нормально. Вышла Наташа, спела две песни, девки полуголые сзади попрыгали. В зале свист, гам – на сцене того больше. Чего поют - не поймешь, только музыка бухает. В зале все запрыгали, в проходах заплясали, артисты со сцены тоже в зале бегают. Боже мой, думаю, пожар, все свистят, скачут. Я, девки, сижу, глазами ворочаю, ничего не понимаю. До перерыва досидела - и внуку: «Вадюшка, миленький, отведи ты меня. Да опусти в метро. Я доеду до Веры, она дежурила в тот день, там отдохну, а ты за мной заедешь, как все кончится». Он так и сделал.

- Кого, кроме нашей-то Наташи видела? Мужа-то нового ее не видела?

- Не знаю, бабы, кто и выступал, из старых дак никого не было. Ни Кобзона, ни Вовика с Левиком, Коля Басков тоже не пел. Все ансамбли какие-то. Музыка по ушам бьет, а чего поют - и не поймешь.

- Политиков-то не видела?

- Не видела.

- Не тужи, Лизавета. Скоро выборы, дак письмо-друго опять нам напишут.

- Как, поди, не напишут, у меня с тех выборов еще не все прочитано.

- В магазинах-то, поди, все есть.

- Все, да не все купишь. Не везде наши рубли и берут.

- Ну, у нас зато хорошо, долларов не надо. Помнишь, хвастала, что сын-то мне долларов на телевизор послал летось. Ну, мы с племянником и поехали в Верховажье. В магазине не берут, рубли подавай. Пошли в банк менять, благо недалеко. Взяли, да не все. Две бумажки мятых оказались. Не берем, бает, мятых. Обрато подала. Не берешь - дак и не бери. Пошли дальше. Добро, люди подсказали, что за рекой, в другом банке, всякие меняют. И правда, там взяли. Олеше-то наказала, чтоб больше не посылал их, не в ходу, мол, у нас всякие ваши валюты, мы рубль любим. Мы Родину на доллары не меняем, а тем более на старые.

- Умора у меня вышла, не все, видно, и в Москве есть.

- Поди-ко, не все...

- Не все. Панталоны наши, советские, кончились. У нас-то уж давно в магазин не возят, нет нигде. Ну, думаю, Москва, все должно быть. Побежали мои ребятки по магазинам. Нет нигде! По окраинам проехали - нет. Не выпускают. Ладно, зять-то подсказал: «Чего голову ломаете, купите, говорит, в «Детском мире» и закажите пошить в мастерскую». Так и сделали. Опять проблема - мастера не могут найти. Никто не берется шить, кроить. Чем моднее салон, а мастера, чтоб сшить панталоны, нет. У ребят азарт: все равно найдем мастера. Пол-Москвы объездили - нашли, наконец. Взялись изобразить. Ну, говорю, раз так, покупайте еще пеленок, пусть и подругам у меня по парочке сошьют, за обряды рассчитаюсь. Так что, милые подруженьки, выбирайте, кому которые понравятся обеим по паре дефициту из Москвы привезла.

- Ой, Нюрка! Вот отмочила, знай наших! Что нам Кардены да Зайцевы. Ну, спасибо! А чего, Лизавета, вот это подарок, а главное - дефицит. Вот деревня, самой Москве нос утерла. Знай наших! И сейчас, поди, вся Москва хохочет над моим заказом:

«Я мохеровые трусики оформила в кредит».

- Ох, бабы! Сидим, выхохатываем, как малые дети.

-А, день, Лизавета, да без горя. А то все охаем да ахаем, а Бог дает,

дак жить надо. Наши слезы утирать некому стало, вот и небудем унывать.

Зимняя ночь притихла в деревенских проулках. Потрескивал мороз. По Млечному Пути звездного неба безмолвно вышагивала Большая Медведица. Вечность бытия, тишина и покой окутывали землю...

ФЕДОСЬЯ

В сенокосную страду в деревне стояла пронзительная тишина. Даже куры забились в лопухи, нежились в прохладе. Полуденное солнце жарило нещадно, казалось, и деревья не дают желаемой тени и прохлады. Ветра не было. Деревенские ребяташки гурьбой с утра возились в холодных струях протекавшей неподалеку речки, распугивая пескарей и красноперок. Все взрослые и подростки трудились на покосах. Древние старики скрывались в прохладе передов изб, не подавая признаков жизни.

Федосья Платоновна, в народе Стрюнична, крупная в былое время женщина, а сейчас все стати могучего когда-то тела торчали во все стороны, и вся она походила на старое растрепанное воронье гнездо, хлопотала по хозяйству в летней половине дома. Правнук Ванятка, малец на третьем году, умаявшись с утра на жаре, спал в зыбке, подвешенной посередине избы. Зыбку делал еще муж Федосьи, и многих из рода Стрюнят покачала она на своем долгом веку.

Прибрав после обрядни в доме, Федосья присела на широкую лавку, взяла в руки глиняную кринку со сметаной и быстро начала орудовать мутовкой. Сметана подкисла и сбивалась неохотно. От монотонной работы и духоты истопленной русской печи Федосью потянуло в сон. Руки, устав, тяжелели, работа останавливалась, а крупная Федосьина голова клонилась на бок.

Ванятка, скрипя очепом, повернулся в зыбке, проснулся:

-Баба, Ване - ись... - Ставай давай, тыщица ты моя, ставай, андел...

Сам уснул и бабку уклад... Ставай, золотко. Не хлопнись из зыбки-то!

Умыв правнука, Федосья достала из печи горшок с кашей:

-Будем-ко мы с тобой, старый и малый, паужинать. Каша упрела, масла свежего баушка наботала - вот и дородно у нас с тобой выходит. Господи, благослови...

-Открывай хлебало-то пошире. Вот так. Эдак, эдак...

-Попей, дитятко, отмешек-то (здесь - пахта). Не кисло, не кисло... Ну и слава Богу! Сыто поили? Да сыто-сыто. Как у нас Аглайка-то баяла: «Сыто поела - не хочу и полена, а из штанов дак еще бы поела». Чего зени-то вылупил? Не то бабка-то замолола? Ну, побегай, давай, тыщица... Где у нас чаконьки-то? Пойдем заглянем, бать, опять в

галанку забрались. Вот задаст нам Нюрка-то, что стравили. Ну, да Бог даст – вырастет еще...

Они вышли на крыльцо. Ванятка бойко, на четвереньках, спустился вниз и побежал к загонке для овец.

Оягвившаяся не вовремя ярка с ягнятами была там.

-Ну, покличь, покличь их. Чака, чака-чака... Вон, сколь баски ягушечки-то. Да ты не бойся, не бойся... Да не базлай, родимец тебя забери, ишь, они тебя испугались. Махотинны еще. Не повзи, зимогорко, на загородку-то, весь измараешься! Ох! Дождется же он вички-то! Сповзай, сповзай... Ну-ко, как баушка-то тебя учила: «Бежала овця мимо крыльця - да как хлопницца, да переверницца... Овця-овця, иди, дам хлибця»: Не всю горбуху-то подавай, а помаленечко.

Правнук возился с ягнятами. Федосья присела за приступок крыльца, задумалась:

-Как Бог поможет вытянуть это чадо?.. Не кормилец уж мне, а жалко. Молодые-то разбежались: папаша в «дерганеллы» утек, а внучка-то, не дал Бог счастья, нам Ванятку и подкинула. Кабы другого в городу-то отводом не нахлопало - молодая еще, плоть своего просит. Ох, мать-одиночка. Анне-то недосуг - сенокос, а я - такоська, водись, старая вешалка.

-А чего, андел-от мой базлает? А? А чего исделалось-то? Тысиця ты моя! Ох-ти мне - полные колготы навалял, бабке не сказался. Чего? Не баско? Давай-ко вытрясем добро-то. Ох, наказание божье, семь груд наклал, еще кряхтит. Стой, не вертись... Навертыш... Ну, вот и обрядились, бегай теперь без штанов, пусть тебя девки-то дразнят: «Иван да Анна! Уберите своего парня! Он нашим девкам кутьку показыват...». Не стыд но? Пойдем-ко в избу, бабушками поиграем. Где у нас бабушечки-то? Пойдем, тысиця моя...

Ванятка, сверкая задом, убежал в избу. Федосья медленно поднялась в крыльцо и ушла вслед за Ваняткой. Из открытых дверей снова слышала ее незлой говорок:

-Ваня, Ваня! Ох ты, Ваня! Куды тебя лешак-от занес? Ох, как я его сейчас вицей-то... Ну ладно, не крутись, тысиця, сейчас сниму. Ох-ти мне, нет на него угомону-то. Ну чего? Порато (больно) ручке-то? Так и надо навертышу. Ну, не реви давай, загунь (замолчи). Ужот-ко пупок-от развяжется дак... Ну, давай, кормилец, поцелую пальчик-от. Вот и все Вот и ладненько. У сороки - боли, у вороны - боли, а у Ванюшки-мальчика заживи... А я тебе брусницы пареной дам. Ну и скусна!.. Не замарай рубахи-то, а то голяком придется до бабки доживать...

В избе на минутку воцарилась тишина.

-Ну, золотко, гли-ко, как угодился-то, на лешего похож. Пойдем, тысиця, поровняем мырку-то.

Умыв внука и переодев его:

-Ото! Какой баской у меня парень-от стал, хоть к налою (здесь - ана-

лой в церкви) веди. Скоро баба Аня придет! Гостинец от зайчика принесет! А мы пойдём-ко с тобой травки чаконькам дадим. Коровке отавки коснем - она Ване молочка даст парного. Любишь молочко-то, кормилец? Ох ты, стопа моя великая, любишь!

Солнце перевалило за полдень. Федосья с правнуком копошились где-то на задах огорода.

НА СЕНОКОСЕ

Было это летом, во время сенокоса. День стоял яркий и солнечный. Сено сохло, как на сковородке, расточая аромат разнотравий. Бригада стариков и подростков, которых не брали на дальние покосы, одних по старости, а других по молодости лет, ворочала сено в километрах полутора от деревни. Сушили то, что накосили скотницы после дневной дойки. Старшим бригады был старик «Бамушко», Иван Гаврилович, высокий, сухой, с окладистой седой бородой. В широкой сажени плеч угадывалась былая сила. В выгоревших от старости, когда-то голубых глазах старика, играла постоянная смешинка. На нем мешковато сидела белая «исподняя» рубаха, ватные штаны, вроде бы неуместные для сенокосной норы, подтянуты ремешком. На ногах лыковые ступни, с любовью сработанные самим стариком.

Прошедшая война и голод выпотрошили весь

скудный сряд старика и ему попросту больше нечего было одеть.

- Ничего, паре, жар костей не ломит, а вошь тепло любит, - шутил дед.

Радикулит проклятый замучил, вот и ношу ватные штаны.

Он пощупал почти готовое сено, посидел на солнце.

- Ну, бабоньки и челядь (дети), шабаш. Обедать время, пусть досыхает сенцо-то, после павжны метать станем.

- Как метать? Не сам ли сегодня метать ладишь, Иванушко?

- Сам, паре, Надежка, лажу попробовать. Тебя на копну поставлю, вспомним прежнее времечко. У тебя, девка, любые копны-то выходят, ловко топчешь. Штаны одела сегодня, али так копну-то выстоишь?

- Нет, паре, Иванушко, отстояла я, поди, свое, ноги не поднимаются. Чужой век уж топчу, да и тебе уж рогатину-то пустую не поднять, а не то что с сеном. Гли-ко, одни кости остались, да и в ватниках-то чего одаришь, дак деряги после не наберешься пересыпать-то.

С прибаутками и шумом бригада старушек и детей потянулась к обдуваемому ветром мысочку, где весело горел костер, булькал в ведре ароматный смородиновый чай. Ребяшня суетно вытаскивала из кургана бутылки с молоком, снимала из-под веток ели подшалимки с нехитрой снедью, усаживалась в кружочек своею ватагой. Старухи

степенно умывались прохладной водой из речки и тоже усаживались в кружок, прихватив зобеньки, завязанные платочками.

- Колюня! Ради Христа, налей-ко, дитяtko, чаю-то нам. Все в горле-то забило, попить, паре, прежь надо. Наливай, дитяtko, всем, воно кружки-то. Вот тебе спасибо, дай тебе Господь невесту хорошую.

- Лизавета, на-ко, попробуй губничка-то, с черникой со свежей.

- Кума, двинься-ко, у меня соломату кринка взята, попробуем. Олешка, бежи соломат-от хлебать.

- Ох, бабки, киселя бы горохового сейчас с маслом. Бригадир! Иван Гаврилович! Чуешь, чего бабы-то просят?

- Чую, Зоюшка, чую. Да вишь, председатель-от сказал, мол, твоему войску, Иван, нельзя гороховой-то мучки дать.

- А почто это нам нельзя?

- А, говорит, донца у твоо войска слабо держатся, киселя-то нахлебуются, дак после обеда-то внаклонку робить не станут. Заботятся, что дно-то вылетит.

Так, с шутками и смехом, закончили полдничать.

- Давай, бабоньки, заваливайте на валы, вот с мыска и начинайте. Сухое сено-то. Пойду стожье править, скоро уж доярки прибежат, метать станем.

Он выколотил трубку от остатков табака и засунул ее в карман ватников.

- Олешка, запрягай вицы, вывозить из лога-то надо, вчера копнили сухое, на них и окладем, листьяга дак.

Взяв грабли, Иван Гаврилович, ловко закидывая, пошел впереди своей бригады, загребая сухое зеленое сено в вал. Ласковый ветерок, наполненный ароматами трав, дул со стороны деревни, вороша клочки сухого сена, разгоняя паутов и слепней, бандитствующих вокруг людей и лошади.

- Ой, бабы, что-то смородом тянет с деревни, не случилось ли что дома-то.

- Три старухи да челядь там остались. Ой, горюшко!

- Ничего я, паре, девка, не чую.

- Ой, бабы, сердце схватило. Неладно в деревне-то, Гаврилович! Чуй, чего баю. Смородом тянет с деревни. Бежать, паре, надо! Как бы худа не было.

- Ничего, Зоюшка, я не чую.

- Пахнет, бабы, так и тянет по ветру-то.

- Право, Гаврилович, бежать надо, выпалят деревню-то. Вспомните, как в Павловской-то было, одни головешки остались. Бежим, бабы!

Дед Иван забеспокоился, бросил грабли и бойко засеменил впереди своей бригады к деревне. Сзади его торопились старухи, охая на ходу и уже начиная причитать.

- Олешка, скачи, батюшко, в деревню! Не выпрягай виц-то, некогда! Ой, бабы, сердце захватывает. Скорей, Олешенька, скорей! Да где это

доярки-то, долго нет. Ой, горе, бабы!

Алешка обогнал бежавших из последних сил старух, догнал деда Ивана и погнал лошадь к деревне.

Старик бойко бежал по дороге, вдруг остановился, встал на колени и стал хлопать себя по карману ватников.

- Мать-перемать! Горячо! Ах, дурень старый. Ах, дубина стоеросовая. Наказал Бог дурака старого.

Бабки насилу догнали Ивана, обступили его плотным кольцом.

- Зойка, матушка, туши, девка, у Ваньки в штанах шает. Ой, не могу, дух вон, устроили спартакиаду. Платоновна, не торопись. Потушили, матушка! Ой, не могу, бабы. Ну, Иван Гаврилович, ты, паре, у нас еще и боек, как наябривал, вперёд да вперёд, право, как жеребец.

Со стороны деревни показался Алешка на лошади, запряженной в вицы. Из-за поворота слышались голоса идущих на сенокос доярок. Дед Иван, зажимая рукой большую прореху на ватниках, поднялся с дороги и медленно пошел на пожню. Старухи, которая где, сидели на обочине дороги, в их глазах еще не потух страх переполоха.

Поглядывая друг на друга, они вдруг весело расхохотались, перебивая, начали пересказывать происшествие. Подошли доярки.

- Ну, чего у вас тут было, кто чего унюхал?

- Ой, бабы, Зоюшка у нас пожар у Гавриловича в штанах унюхала.

- Насилу мы его, голубя, догнали, слава Богу, все ладно-то. Ой, все перепугались, ухайдакались, пока бежали-то. Как и грести станем.

- Ну да ладно, побегали, и будет. Заворачивайте-ко обратно на пожню, метать надо, как бы грозы не было.

Весело переговариваясь, ватага дружно пошагала на покос. Дед Иван ладил стожар для копны.

- Начинайте, паре, бабы, метать. Я уже присяду маленько. Весь убегался, все поджилки трясутся.

Присев на коч, дед вновь закурил свою трубку.

- Зоюшка, пригляди за дедком-то, а то он и другой карман спалит.

- Ну, теперь, бабы, я с него глаз не спущу, а то, если зашаает, опять долго не поймать. Шустро, паре, бабы, еще бегаёт-то.

Привычная в руках работа спорилась. Копна росла на глазах. Над лесом где-то в стороне слышался далекий рокот грозы.

ОТ СУМЫ ДА ОТ ТЮРЬМЫ...

Зимний день тихо катился к закату. Скоро сумерки. Степановна с Фанинкой сидели за столом и о чем-то тихо вели нескончаемый разговор.

- А в живых-то кто и остался ли?

- А не знаю, паре, кума, не слыхала.

- Как власть-то дали, так наш Саря и вознесся, все с корочками от какой-то книги бегал, а сам и читал только по-печатному.

- Дак ведь член совета бедноты - шишка. Шишка, дева, большая шишка.

- А в сельсовете-то чего думали?

- Чего думали... Им сказали, мол, надо из бедняков, а кто у нас в деревне бедняк? Ребят пятеро, на работу последний, обедать первый". До новины (новый хлеб) на охвостье (отходы от зерна) редко дотягивали.

Все займы да в отработку.

- Ой, кума, репа у них добра росла. Сама, бывало, воровать в девках-то бегала.

- Росла, старуха-то из огорода не выходила, надо чем-то эку ораву кормить. Лук да репа - на все лето укрепа. До земли, бедную, согнуло, а всю картовь одна окучит... Полномоченный послушал, как он мужикам не так, все не эдак - поди, и подумал: ума - палата, и настоял, чтобы избрали Виссариона-то в Совет.

- Мужики-то кто в Красной Армии, кто мобилизован с лошадьё в извоз. Гражданская война, все перепуталось, а Виссарион все, паре, в командирах.

- Да, кума, было делов - землю переделали по едокам, межи становые порушили. Беднякам да многосемейным земельки-то прибавили, да толку что. Разве на одной лошади да с сохой ее, кормилицу, выпестуешь. А назем где? По одной коровенке держали. Земельку-то - матушку добрымсловом не убашь - заростили, бедную, сорняком, а коя и бросом стояла, где уж там урожай получать. Сказывали, Виссарион-то в Мартовском восстании участвовал, как после-то в членах совета остался.

- Бегал, девка, до Кулоя, да проспал, видно, у свата. Все без него получилось. Таскали после-то, да отговорились: в гостях, мол был, там и ночевал. Простили, вроде, промашку и дали задание на окулачивание зажиточных крестьян в деревне. Власть хватилась гуляющей земельки, страну кормить надо. Сначала давай коммуны организовывать. Все обобществили, вплоть до кур. Виссарион - первый коммунар, благо хозяйство небольшое. Кое-как по хлевам да дворам разместили скот, кур. Мясо в гумно стаскали. Поутру коммунары за мясом да картовью в очередь у гумна стоят. Распределили ловко по едокам, что внес - принес - неважно, все получили поровну.

- Помню, кума, как начальство в коммуне-то выбирали: кладовщиков, бригадиров. Начальства в деревне много стало а работать некому. Наши-то пуда четыре мяса сдали, а как развалилась коммуна, дак, слава Богу, самовар один медный и принесли домой-то, остальное все проели. Заговорили о ТОЗе, да и крепенько. К весне чтоб был организован.

- Вот, вот... Чтоб прижать единоличника, и стали искать кулаков в деревне. Самых крепких да трудяг и окулачивали. Виссарион посуетился - выступил за окулачивание трех хозяйств в деревне. Мужики долго не соглашались, отбивали соседей. Какие, мол, они кулаки, работников не держат, все своим трудом да умением добыто, а какие мастера. Не отбили. Описали все, передали ТОЗу - разорили крепкие семьи. Все, что нажито было, трудом накоплено, пошло по ветру.

- Да, кума, и сейчас еще стоит Олешиных гумно, и пристройка под веялку жива, а кузница одно место знать.

- А от дома одни закладные камни остались. А домина-то была, как игрушечка, на века сработана. Вот тогда, девка, сломили станovou-то жилу хозяину землицы-кормилицы.

- А какие бондари были в деревне, Федор с Дмитрием - золотые руки, у меня еще до сих пор кадушечка Федина жива, не канет, не рассохнется. Вода-то в ней хоть неделю стоит, как слеза, свежихонька.

- Что говорить, кума, мастера были.

- А как он за мной радел, Раюшка. Не успеют мужики лошадей распрячь -гляди, уж бежит Виссарион:

- Давай, паре, робята, в бане мойтесь, а завтра с утра чтоб в лесопункте были. Не забывайте, что партия говорит: «Ляг костями, алее возьми».

А не то и на принудилровку напишу.

- Там, девка, и закрутили его. Чтоб ярей активисты в деревнях работали, их и послали на декаду в лес, не языком, а руками работать. И Виссариона Алексеевича в тот же гуж. А в лесопунктах, чтоб меньше сезонникам платить живых денег, шла добровольно-принудительная подписка на облигации займа. При выдаче денег - ведомость под нос да облигации в руку. Виссариону-то это не понравилось, семья большая, деньги нужны, а тут нате-ко вам - облигации. Он и выступил:

- Че, паре, мужики. Грабиловка. Долго ли терпеть будем эту власть? Обдирают. Последнюю рубаху подай. Ломили, ломили декаду-то, а две облигации дали. Добро делают.

Тут его, головушку, и взяли. Вспомнили, девка, и Мартовское восстание. Да, проглядели, мол, он еще тогда на Советскую власть косо смотрел. Осудили по всей строгости на 10 лет. Домой-то было письма три, сама хозяйка и читала, писал не сам, два письма Миша Алексеевич из Сибири писал (тот по оговору за лесозаготовки тоже попал, хоть и счетоводом в колхозе работал). Все просил послать хоть сухариков, голодно в лагере-то было. А в 1939 году не знаю, кто письмо ему-то писал, наказывал, чтоб передали в Сибирь, что Миша умер в лагере. А боле, девка, и от него ни вести, ни павести. Сгинул в лагере, головушка.

- Ребят четверо, сама да дочь осталась, тоже судьба - не ягода. Старший в тюрьме помер, второй сын в Отечественную погиб. Дочь-то Анна уже не жива, а тут и младшего, Ивана, видишь, какое несчастье постигло. Вот, одного парня у Виссариона-то судьбу не знаю.

- Да, Раюшка, от сумы да от тюрьмы не зарекайся.

- Так оно, девка. Судьба-то человеческая вверху пишется, каждому по делам его воздастся.

- Ой, девка, засиделась я, на улице-то потемки. Дед-то у меня, поди, заругается.

- Ну, с Богом. Фаюшка. Гости завтра-то. Опять нето чего помянем.

Фаина засемила к порогу. Клуб большого пара метнулся из открытых дверей.

- Морозит, Раисушка, ишь, как в двери-то клубит.

Степановна встала и начала прибираться на столе.

ПАЛАТА №...

Октябрьский вечер тихо укрыл деревню ранними сумерками. В окнах засветились огни. Острый, остывший ветер разгонял дым топившихся печек. Серп луны высветился над горизонтом. Предзимье.

Фаина, поставив на стол самовар, согретый по случаю приезда Василия из больницы, где он лежал с не ко времени обострившимся остеохондрозом, гремела ухватом в печи. Василий Иванович резал хлеб. В сенцах скрипнули входные ворота.

- Вот, Фаюшка, Бог гостя дает к ужне-то. Зажги свет на мосту, может, чужак, не найдет дверей-то.

- Поди, кума правится. Из чужа-то некому быть.

Двери отворились, в избу ввалилась кума Раиса.

- Добрый человек всегда к чаю.

Сверкнув голубыми глазами и по-доброму улыбнувшись, вышел из-за стола Васич.

- Добра доброго хозяевам. Не ждали гостей-то? Не могла усидеть дома-то. Печку прикрыла, мои на работе, давай по гостям идти. Учула, что куманек домой вернулся, не утерпела.

- Ну, да ладно и сделала, угар хоть уходится. А мы с дедом чаи ладим гонять, не одна сегодня, дак и самовар на стол. Раздевайся да за стол, девка.

- Не прогадала, паре. Из-за чая да за чай.

- Чай на чай, не палка на палку. Садись-ко да хвастай.

- Чай, Файка, уж все расхвастала, как мы тут пожили. Сказывай, как ты полечился. Налицо-то приятнее показываешь, посвежел.

- Ой, Раюшка, там эстоль баб-то навалено, дак и расцвел у меня дедушко-то, как маков цвет посередь крапивы.

- Понимать надо, бабоньки. Никто не пилит там, сестрички обходительные: «Дедушко, кушать. Дедушко, отдохните, на укольчики пройдемте, погреться пожалуйста». Век бы при таком уходе лежал. Николай-то Николаевич каждый день придет: « Ну, гвардия, жалуйся, как ночевали, что беспокоит, спится ли, голову от капельниц не кружит ли?» От такого ухода и заботы и без таблеток королем себя чувствуешь. Даже чтоб о доме ничего не напоминало, и тараканов всех изничтожили.

- Ну, давай, Василий, у нас с тобой тараканов-то и не бывало.

- У нас нет, а у крещеных-то и поныне стадами ходят. К деньгам тараканов плодит, а сама каждый месяц до полочки занимает, сердешная.

- А кормят-то как нынче?

- Кормят, бабоньки, нормально, главное, ложку дома не забыть. Как на курорте - трехразовое питание. Ну, правда, чтоб на худое не тянуло, еда постная, по работе. Чтоб случаем пролежней от долгого лежания на боках не было. Удивление берет, как поварихи из того малого, что есть, так могут меню разнообразить. За декаду, что я лежал, лишь дважды манная каша подавалась, да два раза пшенная, а так все чего-нибудь новенькое придумают. Учись, Фаюшка, а то у тебя все щи с мясом, один день с косточкой, другой - голо мясо, да картовь топтаная на десерту, еще когда печеная в загнетке, и вся фантазия. Сам, ужо, возьмусь за стряпню-то.

- Ну, а Анютка жива ли?

- Анна? Жива, паре, бабоньки. Совсем в детство впала, как мало дитя.

- Дак ведь, Иванович, уж ей годов-то за девяносто, чай, будет. Я уже немолодой ее помню, когда еще в Першине-то жила!

- Говорят, девяносто два года в декабре-то будет, восемь годов она в социальной-то палате живет, вот судьба у человека как сложилась... Войну прошла зенитчицей в Ленинграде, потом в колхозе билась, в район уехала, и там судьбы не было. Так и остарела в работе. Сейчас уже и не видит почти, а все куда-то идти надо. То лошадей обихаживать, то сторожить. То домой засобирается: «Сибиряна - мужики приехали, дак до Першины-то меня и подвезут, что, ведь я - на ногах, в угор-то и выбежу, чтобы не замерзнуть на возу-то». А сама в палату обратно попасть не может.

- Дак уж никого у нее из родных-то не осталось?

- Младшая-то у Ивана жива еще. В Верховажье живет, хотя уже немолодая стала, на шесть лет Анны-то помладше. За самой уход надо...

- Ладно, хоть в тепле, сыта да обихожена. Не дал Господь детей, дак уж что сделаешь. А вторая-то старушка тут?

- Тут. Большачит все над Анной-то. Когда и клюшкой ткнет. Все Анюха да Анюха. Утром-то и поругаются, бывает, и до заболи. А Анна все ба-

бушка да бабушка ее.

- Ладно, Анна-то без двора, без кола, а ведь у той-то, бают, дочь в Крыму живет, могла бы и прибраться старуху,

- Была, паре, Раиса, увезена дочерью-то, да и года не могла ужиться. Тяжелый характер-то у старухи. Любит большачить. Та на поезд посадила - и поезжай, матушка, обратно. Вот так и прибилась к больнице, вроде, зиму пережить, да так и осталась тут.

- Не дай Бог никому крещеному так-то век доживать. Налей, Фаюшка, еще кружечку, люблю из самовара чаек-от.

- Пей, кума, вода найдет дырку.

- Не знаю, как, паре, Раиса, и сказать. Кумушка-то твоя, Марья Ондриановна-то, тоже ведь тут лежит в палате милосердной.

- Да что ты говоришь, Василий? Ведь она мне года два назад писала, что в Ленинград к старшей собралась ехать, а после ни вести, ни павести. У Юли спросишь - «В Ленинграде живет» Да чего случилось-то? Валентина-то в ихнем доме жила. Ой, Марья Ондриановна, Марья Ондриановна! Ей-то за что эти муки?

- Приезжала старшая-то дочь, два дня была, разговаривали. К осени-то, бает, запросилась домой: хочу, чтоб рядом с Мишей похоронили. Век прожит вместе, вместе и положите нас. Чую, скоро и мне ответ Богу давать. Вот и привезла на беду. Нажилась в холодной-то избе. Сама не может, а малая-то не очень на нее внимание обращала. Сами виноваты - занежили: последняя, дак все ей.

- Она сама-то, Василий, встает ли?

- Кабы вставала, дак не оставила бы старуха-то, увезла с собой. А куда лежачую-то повезешь. Поднимется ли - трудно сказать.

- Ой, кабы могла, дак пешком сбегала поговорить с кумушкой-то. Сколь годов гостились. Приедешь в Верховажье-то, забежишь на минутку, наговориться не можем. Без чаю-то не отпустит, бывало. Дома-то чистота, порядок. Да она с Мишей-то и не ругивалась живучи, все добром да ладом. А воно как в жизни-то вышло. Хоть бы прибрал Господь.

- Так вот, бабоньки. Не знаешь, где горе горевать...

ДОЖИВАЛЫ

Осень обильно одаривала ядреными грибами и налитой ягодой. Дни стояли теплые и светлые. Деликатесные запахи носились меж сонными деревьями, в окрестных полях гудела техника. В поисках рыжиков, прошагав не один километр леса, я вышел в поле, засеянное овсом.

Я узнал постаревшую, разбалахоненную деревню, дремавшую на краю поля. На деревенской улице, кроме мирно щипавшей траву

коровы с теленком, никого не было видно. Не люблю, не могу без вздоха входить в доживающие свои век, похожие на заброшенные кладбища, разоренные, растрепанные избы с провалившимися глазницами окон, просевшими крышами, страшные, гнетущей тишиной небытия и боли. Хотелось пить и невольно пришлось искать хозяйку одинокой коровы.

- Помогай Бог! Не рановато начали картошку копать?

- Спасибо на добром слове! Не знаю, как назвать-то тебя, человеке. Не рано, не рано. Мы ведь и садим-то рано, рано и копаем. Поспела картошка, вон трава-то без листа и подсохла уже. За погоду выкопать надо, да и в полет собираться.

Расклонившись, Ефалья вытерла руки о фартук.

- Ой, Витя! Не узнала, долго жить будешь. Какими судьбами в деревню-то к нам? Проходи, давай, пойдём-ко в дом. Отдыхаешь? Поди, по наши рыжики прибежал? Есть, дал Бог сей год. Поносили и мы с хозяином. На зиму и нам, и ребятам хватит. А теперь вот за картошку принялись, пока погода сухая. Хозяин-то на Погост сегодня укатил. Давай заходи. Чаем хоть напою. На стол сейчас соберу. Пироги утресь пекла, горячие, еще не остыли. Пойдем, пойдём....

- Водички бы мне...

- Чего уж водички-то? Пойдем, молочка или простоквашки свеженькой изопьешь. Суп в печи упрел, молоко жареное выставлю. Пойдем, пойдём...

- Умирает деревня-то, Васильевна?

- Умирает, умирает. Разве думано, что я родную деревню переживу. Здесь родилась, здесь вся жизнь прошла, детей с хозяином вырастили. Думано ли?

Она с подбегом скрылась в сенях дома и через минуту вернулась с банками в руках.

- Вот молочко утреннее, простокваша - все из холодильника. Сейчас пережаренного молочка принесу, пирогов попробовать. Кушай на здоровье. К сердцу, к сердцу будет. Вот ведь как все оборотилось. На моем веку в деревне-то двадцать шесть дворов было, были и двухэтажей передки-то, с мезонинами. У каждого хозяина, почитай, по гумну стояло, конюшни, амбары. Скотины полны дворы. В палисадниках черемуха насажена, весной, как в раю, кипень белая стоит, а запах... Дорога сухая, никаких ям. Все уделали. Как Мамай воевал! Одни мы с хозяином остались - доживала, и то как городские скворцы ныть стали, на зиму и мы улетаем. Живем, слова молвить не с кем. В семьях-то ребятишек было, как гороху. Я в тридцатом году родилась, в тот год в деревне дал Бог ещё девятерых. Бедно жили, а ребятишки в каждом доме бегали. А где все? Ой! Вспоминать тошно. Кого война забрала, кто на работе изломался, кто в города подался. Всю жизнь на этой земле проробили, а чего получили? Палат каменных не нажили. Ну, да мы и не разумеем по-другому-то, как с

детства приучены, так всю жизнь - «кругом, бегом». Я дак работой и лечилась: на работу пойдешь, голова болит, с работы домой идешь - здоровехонька. Да и болеть-то некогда было. С пяти лет без матери осталась, а в двенадцать лет и отца не стало. Спасибо тете, Лизавете Михайловне, царство ей небесное, прибрала сирот. Ой, не дело, Ефалья, забила все своими рассказами!

- Рассказывай, Васильевна, тут на свежем ветерке и отдохнем.

Она вновь скрылась в доме. Через минуту на столе высилась гора свежих пирогов, свежесоленных грибов, разваристой свежей картошки.

- Пробуй на здоровье. Внуки-то сейгод в школу пошли, дак хозяин хочет съездить, навестить, вот и напекла гостинцев. А мы-то раньше за реку, вон мысок, видишь, туда четыре года в школу-то ходили. В первом классе Мария Ефремовна учила, во втором классе - Михаил Ефремович, брат ее. Оба молодехоньки были. В третьем и четвертом классах - Брагина Мария Алексеевна учила. Как война началась, я уж в четвертый класс перешла. Учеба в тот год в октябре началась, а до этого все колхозу помогали урожай собирать. До снегу после уроков в поле ходили, собирали колоски, копали картошку, лен с поля снимали. Народу-то сразу много убыло, школьники, старики да бабы в колхозе остались. Первую зиму перебились. А вот на второй год уже и хватили лиха-лихого. В школу в пятый класс надо было ходить в Нижне-Кулое, за семь километров. Погода, не погода, а идти надо. Сыта, голодна - никто не спросит. Тут уж и голода хватили, по самую завязку. В колхозах неровно жили: сибиряка да ворошиловцы в школу с хлебом ходили, а мы жмых подсолнечный, что для коров привозили, грызли. В колхозе давали по одному - два фунта гороховой муки на пятидневку на семью, мешали с сушеной картошкой и пекли колобки, добавляли туда и куглину ото льна, толченную в ступе - таким вот хлебушек военный был. Приминивались сушить и толочь белый мох, но есть его было невозможно, очень горькие выходили колобки. Вот так нам учеба-то досталась. Пока папа был жив, еще как-то жили. В 1943 году отец умер. Остались мыс теткой вдвоем и хватили горя-горького по самую пазуху. Как люди выживали и до сейчас не могу понять. Ни одной сотки земли не запустили. Ох! Ну, я тебя чисто заболтала, и не поел ничего.

- Не беспокойся, Васильевна, таких пирогов я давно не пробовал. Спасибо Вам.

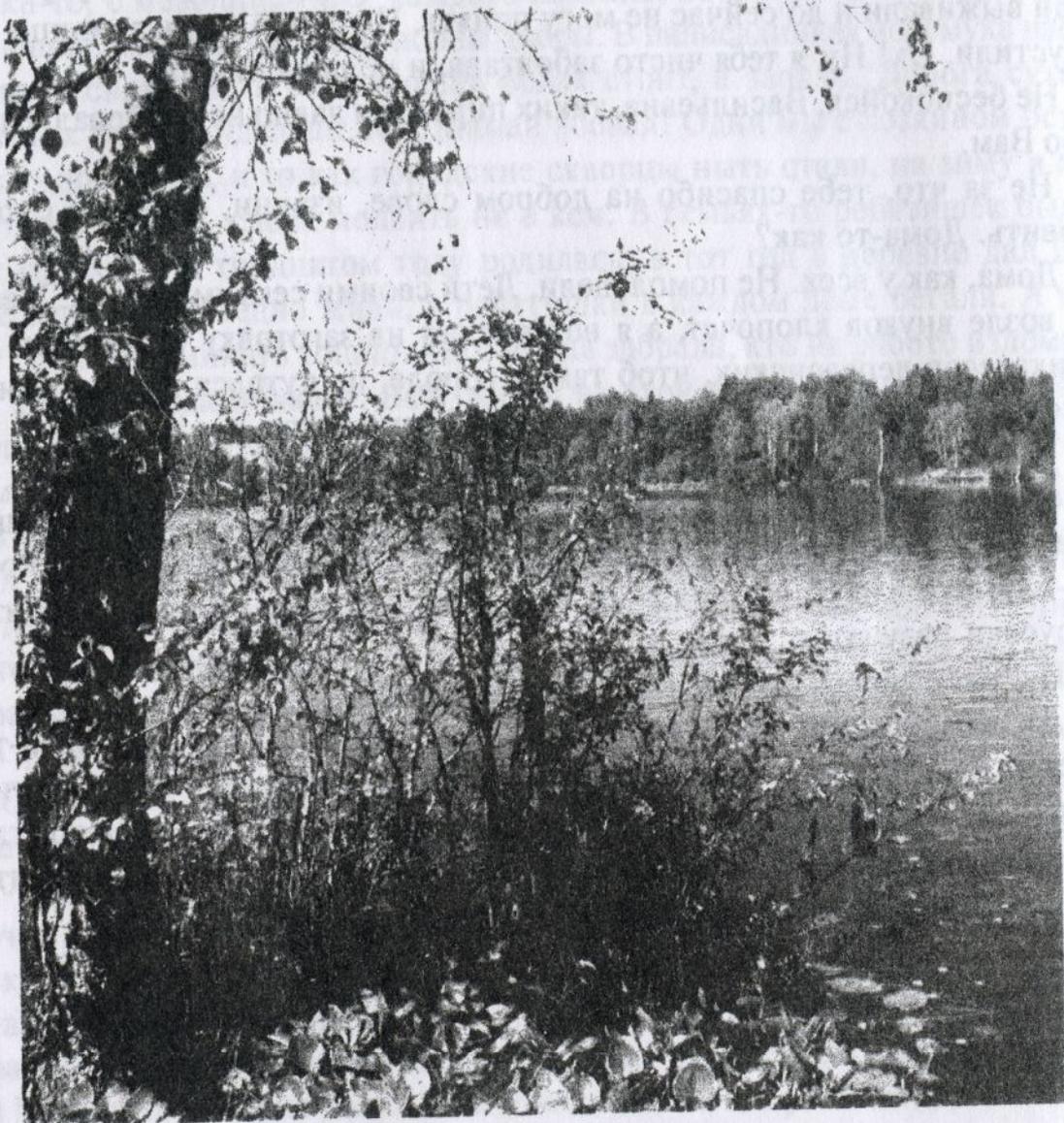
- Не за что, тебе спасибо на добром слове, извини, слова не с кем молвить. Дома-то как?

- Дома, как у всех. Не помолодели. Дети своими семьями живут. Жена все возле внуков хлопочет, а я вот выслан на заготовку витаминов да деликатесов деревенских, чтоб там, в городе, не путался под ногами у молодых. Трудно им, как и всем сейчас. Время такое.

- Вот и мы эдак, пока можем печь затопить, никуда не тронемся. А молодые пусть живут, как им нравится. Кого сейчас в деревню нашу заманишь, каким калачом? Отдохнуть, и то за границу норовят. В России-матушке живут, а в долларах богатство считают, скоро и говорить по-русски разучатся.

- Ну, Васильевна, это все скоро пройдет.

- Да нет, не скоро, сколь уж годков смута эта. Не встать уж нашей-то деревне, подрублен корень. Подумаю, за что головушку у меня братик сложил в 1943 году, да и другие? За эту вот землю? За деревню, где родился? И деревни не станет, и земля дурью зарастет, а с нами и память о них исчезнет. Неладно это! Ох, неладно!..

Предания старины глубокой...

КИЙ-КАМЕНЬ

(Предания старины глубокой...)

Говорят, жизнь течет как река, но ведь и река течет будто жизнь. И есть у нее, у реки, свое детство, своя колыбель, своя прародина. Стоя у истока, не узнаешь, куда она впадает, и не увидишь ее русла...

Река Кулой плавно несла свои воды через глухую тайгу, принимая в свои объятия многочисленные притоки малых речек и холодных ключевых ручьев. В своих истоках таким же ручьем она покинула озера, которые питали ее. Окруженные непроходимыми болотами, озера были полноводны и рыбны. На песчаных буграх по берегам их жили малочисленные племена веси. Пробираясь сквозь тайгу, река сильно петляла, выбирая себе путь между поросшими вековым сосняком гривами и холмами.

На широком мысу виднелось стойбище чудинов. Это вотчина вожа Орино. В лесах охотники ловят пушного зверя. Бобровые запруды на малых речках Источва (Ключевка) и Рогва (Верхняя Рогна) обеспечивают вотчину теплыми шкурами, которые охотно меняли на железные изделия русичи, поднимающиеся сюда, в верховья, для торга. Граница вотчины Орино проходила по другой речке Рогва (Рогна) вниз по течению. Далее по течению стояли жила других вожей и их вотчины.

Поселения чуди по берегам реки встречались нечасто. Поэтому разногласий по поводу добычи зверя и рыбы между вотчинами не возникало. Всем хватало и того, и другого. По берегам реки царил мир. Ниже по течению стойбищ чуди тоже было негусто. Многовековая обособленность Заволочья вела к медленному вымиранию племен чуди и веси. Поэтому заселение Заволочья людьми из новгородских и ростовских княжеств проходило мирно, бескровно. Места хватало, дичи в непроходимой тайге несчитано, реки и речки богаты рыбой. Достаточно места и землепашцу. А главное, хоть и временная, но независимость от князей и боярства.

Первопроходцы селились по высоким берегам реки, старались не обижать местных, заводили дружбу с вожами вотчин, брали себе в жены молодых и красивых чудинок, набирали в учебу и работу мужчин. Стороны вели широкий взаимовыгодный торг. Русичи помогали племенам чуди выжить в голодные зимы. Вожи вотчин не препятствовали пришельцам селиться рядом с их стойбищами, охотиться в их угодьях, не мешали распахивать новины, расчищать наволоки. Темный лес (тайга) велик, всем хватит.

При впадении в реку Кулой речки Кундевы (Желтая вода) на высоком берегу раскинулось жило вожа Лутони. Вотчина его простиралась по Кулою от ручья Легжа до ручья Корежва (Корежа), а также по реке Кундева с притоками. Места уловные и рыбные. В

вотчине три стойбища. По Кундеве - жило Килье в три землянки, да ниже по течению - жило у ручья Корежва охотника Тырго в две землянки. Народу в вотчине мало. Необъяснимая болезнь забирала в мир иной малых детей, охотники часто гибли на ловах от медведя, да и старость наступала рано - до пятидесятой весны редко кто доживал.

Лутоня спускался к реке трясти сурпы, что были поставлены на переборе. К своим сорока пяти веснам он заматерел и начал быстро стареть. Его смешанная кровь (мать его была отдана в жены русичу, который жил в вотчине их много лет назад, в половодье его взяла к себе река, и мать вновь вернулась в свое жило, принесла на руках Лутоню, двух весен от роду) все реже бунтовала в жилах. Казалось, бурная река его жизни тихо катилась к устью, к небытию и угомону. Духи нынешней весной забрали его жену Загляду. Лутоня тосковал по ней, часто уходил на берег реки и смотрел на текущую воду. И сейчас, устроившись под высокой раскидистой сосной, задумался о чем-то далеком.

Новое жило Лутоня с ватагой возвел в три последние годовицы. Одна за одной выросли на высоком берегу три избы, срубленные из окатистой стоялой и кондовой сосны, пазы застелены мягкой беломошицей. Полы в избах выбиты красной глиной, дым очага выходит через заслон на волю. От нагретых камней очага в избах тепло даже в зимнюю стужу. Через околенцы, затянутые пузырем, проникает дневной свет. Притворы ловко сработаны из колотых лесин, легко открываются на пятниках. От леса деревня отгорожена высоким заплотом от зверя и лихого человека, со стороны реки заплот ниже.

Вход в жило через широкую воротницу. Покатые крыши изб крыты берестой, а сверху на нее уложена дернина. В старом жиле, низких землянках, вырытых в крутом берегу, теперь живет лишь старый арбуй Урчо, кудес их вотчины, да две старухи, не пожелавшие переходить в другое жило.

Не зря пять с лишним годовиц (лет) работал Лутоня в починке Отени-русича, что пришел с малой ватагой на их реку из Нова-города. Многому научился за эти годы Лутоня у пришельцев. И все, что постиг, постарался принести в пользу своей вотчине. Отеня и пришлые с ним русичи не обижали его людей. С вожем Бечо они заключили крепкий союз, одарили охотников вотчины железными орудиями для охоты и рыбной ловли. За пушнину дали топоры и тесла да несколько ножей.

Три весны уже нет с ними вожа Бечо. Сам Лутоня правит вотчиной, но не принесло это ему радости. Много забот легло на его широкие плечи. Главная забота - как сохранить вотчину от вымирания. Старик Отеня сказывал, что надо пустить свежую кровь - брать охотникам в жены женщин из дальних вотчин, родниться с русичами. И еще давать русичам в жены своих девок. Все это так, думал Лутоня, ведь у них с Заглядой все дети выжили. Першо, первый сын, жил в деревне Отени и уже мало походил на охотников вотчины. Разве что большие

синие глаза да белый волос выдавали в нем чудина. Отеня, отдав ему свою дочь Раду в жены, научил его как и своих шестерых сынов, трудному ремеслу землепашца.

В жиле у Отени были лошади, коровы, овцы. Четыре кулиги распашанной земли, наволоки, где припасали сено для скота на зиму. Каждый год вокруг деревни появлялась новая гарь. На огнищах сеяли русичи рожь и овес. Выращивали лен, получали из него полотно на одежду. Колосилось на полянах жито. Русичи мололи зерно на мельницах на муку и пекли хлеба.

Такой жизни чудины не знали. Мясо русичи в основном варили. Чудины же чаще ели вяленое или сушеное, рыбу обжаривали. Потроха ели сырые, лакомились свежей кровью дичины. Птицу, добытую на охоте, закатывали в глину и томили на углях. Зимой в морозы ели свежее мясо, настрогав его ножом. Если удавалось добыть сохатого, охотникам доставалась бачина зверя и его теплая кровь. По поверью, после такой пищи сила зверя переходила к охотникам. Полупереваренные верхушечные отростки осины, ее кора, мягкие ветки ели и сосны улучшали зрение охотника, придавали ему новые силы.

На зиму для собак заготавливали рыбу, уложив ее в глубокие ямы и засыпав землей. При богатом весеннем ходе рыбы закладывали ее в ямы и для себя, пересыпали солью и диким луком и плотно заливали яму красной глиной. Собаки были верными помощниками охотника на лову. Хорошая собака (коба) стоила горсти (пяти) выделанных шкур пардуса (рысь)...

Легкий ветерок донес до Лутони крик от жила. Звали его. Он оглянулся и тяжело поднялся на ноги. Со стороны жила к реке ходко бежал его младший сын Божан, четырнадцати весен от роду:

- Тато, охотники вернулись. Пярно хозяин леса заломал. Урчо надо.

- Ай-во! Опять беда. Кличь кудеса. Да сурпы посмотри. Пойду я в жило.

- Тато! А ведунью Ихму звать?

- Да она уж и не ходит, нести надо. Пошлю людей, если потребуется. Иди.

Лутоня быстрым шагом преодолел взгорок и ступил в широко открытую воротницу. Под навесом собралась вся ватага. Вож опустился на колени и приложил ухо к груди Пярно. Не услышав стука сердца, выпрямился и глухо изрек:

- Духи забрали Пярно. Отдайте тело женщинам, пусть спрячут.

Ему подали бодню (сумка для стрел) Пярно и лук. Лутоня снял с лука тетиву, достал стрелы из бодни, оставив в сумке одну черную, вложил туда разогнутый лук и положил все это на грудь Пярно.

- Урчо! Помогите женщинам собрать Пярно на последнюю охоту и отдайте его тело Темному лесу.

Женщины завернули погибшего в погребальную шкуру и понесли скорбный сверток к землянке кудеса. Еще одним охотником меньше стало в жиле Лутони.

Лутоня вошел в избу и присел на широкую скамью, задумался. В углу стоял дубец вожа, висели амулеты, изготовленные Урчо. Шкура хозяина тайги, развешенная на стене, на высоком каповом пне - череп медведя, до белизны вычищенный муравьями.

Все говорило, что род хранил от духов леса хозяин тайги - медведь. Три годовицы тому, как Лутоня, мудрый охотник, стал вожем. Он выполнил обряд поминовения ушедшего к предкам старого вожа. В памяти встал обряд избрания.

Тело старого вожа Бечо уже было спрятано женщинами рода в глухой тайге. Старого охотника снабдили всем, что потребуется ему в стране теней. Тело завернули в ритуальную шкуру медведя, обвили берестой и спрятали в тайге.

Захоронения своих предков чудины больше никогда не навещали и ничем их не помечали. Души ушедших кормили раз в году. На большой поминальной трапезе у Кий-камня рассказывали душе все новости, которые произошли за прошедший год в жиле, приносили жертву всем духам, и добрым, и злым, стараясь их задобрить вперед на год, обещая в следующий год принести жертву еще богаче. Проводилась такая трапеза в конце изока (июня, в день равноденствия), когда день по своей долготе равнялся ночи.

Здесь же, на поминальной трапезе перед Кий-камнем, и был избран новый вожь рода. Ему в бодню вложили охотники рода свои красные стрелы, тем самым признав его вожем. Арбуй Урчо вручил Лутоне дубец (посох) - знак вожа. Взяв за руку нового вожа, Урчо ловко сделал надрез на большом пальце, и несколько капель густой темной крови канули в ритуальную плошку кудеса. То же самое сделал он и всем охотникам рода, присутствующим на трапезе. Пробормотав заклинание духам, берегающим людской род, Урчо густо намазал ритуальный камень со стороны разложенной у камня грудки из сухого смолья, предварительно смешав собранную кровь с воском диких пчел и смолой сосны.

Все встали на колени и устремили свои взгляды на Кий-камень. Урчо, гремя амулетами, закружил между охотниками и, подойдя к огню, выплеснул в него какое-то свое зелье. Огонь высоко взметнулся к небу, затем склонился к камню и к удовольствию всех присутствующих слизнул все, что намазал на нем кудес.

- Ах-ва! Духи приняли жертву!

- Дух Жар, Дух Кий, Дух Бечо! Матка-земля! Дух Дзорг! Берегите воина Лутоню и весь его народ. Ах-ва!

Урчо вертелся среди охотников рода. Амулеты, пришитые к его одежде, крутились вокруг него, как оводы. Урчо торжественно надел на выю (шею) нового вожа наузу (ожерелье) с изображением медведя,

вырезанного из кости, с нанизанными клыками медведя. Подал в руку вожа медвежью когтистую лапу.

Охотники поочередно подходили к Лутоне, становились на одно колено, опускали голову. Лутоня прикладывал когтистую лапу медведя к голове и возвращал каждому красную стрелу жизни.

Между тем кудес разжег две грудки для ритуала очищения. Загоревшиеся костры прикрыл ветками можжевельника, полил каким-то настоем из плошки, и они густо задымили оранжевым дымом. Все охотники прошли между кострами, на минуту теряясь в густом дыму, на поляну трапезы. Там на отдельной груде женщины готовили поминальную еду. Тем временем Урчо готовился принять клятву верности роду от нового вожа. Проведя Лутоню через очистительный дым, подвел его к Кий-камню. Лутоня встал на одно колено и наклонил голову. Урчо положил на нее когтистую медвежью лапу и забормотал свои заклинания. Потом дал Лутоне напиток из своего туеса. В голове вожа прокатилась горячая волна, взгляд его затуманился. Он вдруг увидел духов своего рода, из уст его послышалось непонятное бормотание. Тело его задрожало, и он ткнулся головой в землю. Кудес кружил вокруг вождя, что-то громко выкрикивая. Наконец Лутоня пришел в себя, поднялся на колени. Взгляд его стал осмысленным, появились легкость в голове и во всем теле.

- Видел духов, вож? - спросил его Урчо.

- Видел.

- Я тоже с ними говорил. Они приняли нашу жертву. Ты есть вож.

Арбуй быстро положил на жертвенный камень желчь медведя, плеснул из своей плошки снадобья, пламя костра устремилось ввысь неба. На жертвенном камне вож увидел яркий голубой огонек.

- Взяли духи и твою жертву, Лутоня-вож! Ай-во!

Урчо торжественно насадил на дубец вождя череп медведя, символ Рода.

-Духи приняли наши жертвы! Им люб наш новый вож!

Он вновь провел Лутоню через очистительный дым и посадил его на место вожа на трапезной поляне. Лутоня подал знак приступить к трапезе...

Былое в один миг пронеслось в его голове. Нужно решать, что делать с медведем, изломавшим охотника? Людям его рода нельзя убивать хозяина леса, духи не простят. Они дали покровителя его роду – медведя. Нужно идти и договориться с вожем Чугло, чтоб его охотники убрали зверя в его вотчине. Ибо зверь, попробовавший человеческой крови, может изломать еще не одного охотника. Нужно взять с собой арбуя Урчо, чтоб он сумел отвести злых духов от его рода за убийство хозяина леса и забрал лапы, шкуру и череп животного - покровителя их рода. С собой взять сынов Ило и Божана. Зайти к русичу Отене, навестить старшего сына Першо, посмотреть на его детей. Першо для

уговора нужен будет. Пора просить жену из рода старого Чугло. Посулить двух жен из своего рода. Сам вож в последнюю годовицу сильно сдал, но воля его для рода еще закон.

Жена Чугло Вайга доводилась сестрой Лутоне. Она тоже поможет в уговоре, да и жены им нужны, есть отроки, которых в эту осень пора женить. Все решат дары. К Отене тоже не пойдешь пустой, хитрый старик пальцем не шевельнет без подарка, но и сам не постоит, одарит гостя. Не худо бы уговорить старика взять к земле и младшего Божана с будущей женой. Ближе к первенцу Першо. У земли жить легче. Но не все люди его рода это понимали.

Лутоня знал, что большинство его людей хочет жить по-старому, как заведено их предками, и никого не неволил. А сыновей хотел пристроить ближе к урусам. Народ сильный, приспособленный к суровой жизни Заволочья.

Выйдя на волю, он понял, что охотники ждут его решения. Арбуйко Урчо, показав женщинам, где спрятать тело погибшего охотника, также ждал решения вожа.

- Пойду к вожу Чугло. Его людям отдам чапуна (медведя). Урчо озаботится душой покровителя рода. Буду просить жену для Божана. Сами дадим подарки роду Чугло, Ихму и Стань дадим в жены их охотникам. Да помогут нам духи. Я сказал.

- Да помогут нам духи, - повторил Урчо.

- Благо! Да помогут нам духи, - дружно отозвались охотники.

- Что в дары собирать, вож?

- Дары возьму сам. Чапуну изготовить падло (падаль) в два дни, чтоб пахло и не ушел он из колков (лесок). Суре зырить за хозяином, собак из жила не выпускать. Утром уйду рекой. Вернусь через три зари.

Лутоня отправился к шорошкам (избушки на высоких сваях, крытые берестой, где прятали пушнину, сушеные и вяленые съестные припасы от зверя и грызунов. Там же хранили общие припасы рода для торговли и на случай голода). Поднявшись по суковатой лесине к шорошке, вынул из проторы заволочку и вошел внутрь.

На шестах висела пушнина, в лыковых лукошках хранились сушеное мясо и рыба. В малом туесе блестели зерна перло (речной жемчуг). В углу шорошки бережно лежали собранные наконечники стрел и рогатин, ножи и тесла, сломанные на охоте, пара обухов источенных топоров. Все собрано, чтобы передать Отене в переработку.

Под крышу шорошки воткнуты пучки трав, чтоб не завелась в мехах мучница (моль) и не побила шкурки. В ушедшую голодную зиму съели даже рыбу, заготовленную для собак.

Но общинное Лутоня не тронул. Он знал, что придут и худшие времена и все накопленное родом еще пригодится и послужит его людям.

Вспомнил: Отеня советовал перенести шорошки вукром тайги – шалют ватаги разбоев ростовского князя, рыскают по Ваге-реке ратники московского князя, да и пришлые яриги из Новгорода не всегда надежны, сладко стелют, но могут и пограбить. Надо слушаться хитрого Отеню, худою не посоветует. Отобрав все нужное для даров, сложил пушнину в две большие зепи (сумки), мясо и рыбу уложил в три туйсы (сумка для меха, пестерь). Закрыв заволочку и спустился на землю. Убрал суковатку-лестницу.

Надо идти в старое жило к Урчо. Пробаять все, в чем след договорить ся с вожем Чугло, взять косы три меда для даров (соты диких пчел), да наборочки из перла для будущей жены Божана. Их искусно делал кудес в зимнюю сумеречь. С Отеней Лутоня будет баять сам, не след знать все кудесу, то дело отчее.

Солнце чуть показалось над лесом, а на берегу реки уже были готовы три верткие лодки с выделанными шкурами. Лутоня с посохом вожа в руке, в меховых гачах (штанах), в мягких морщах (сапоги с голенищами) спустился к воде. Его сыны и Урчо уже сидели в лодках. Поклажа была уложена на дно.

- Да помогут нам духи, - изрек вож и вступил в лодку.

- Да помогут нам духи, - повторили за ним сыновья.

Караван легко заскользил вниз по водной глади реки. В местах впадения речек и на перекатах видны были заездки для ловли рыбы сурпами. Над тонями висели клочья тумана. Тайгу уже озолотила первая седина осени. Пришел зорник (август). Скоро пора охоты, будет ли нынче удача охотникам его рода?

Проплыли границу своей окрестности, дальше шли угожья Чугло, а за крутой извилиной реки росчищи Отени и его ватаги. Далее за поворотом показалась и деревня в три избы - починок уруса.

Кругом обработанные гумешки полей, расчищенные лога, новые гари, большая новина, засеянная густым овсом. На веретье стояла убранная в суслоны рожь, дозревала и сохла. Усатое жито выбелилось и тоже просилось под серп. На берегу реки стояли копешки заготовленного сена.

Широко размахнулся сват Отеня, рвет жилы на земле! Привечает и тех из чудинов, что проявляют охотку к новому быту. Учит, как работать, добывать хлеб. На высоком мысу виднелись лодки из теса, еще не просмоленные. Готовил Отеня плоты и лодки, чтоб по вешней воде сплавляться до устья реки к погосту Усть Ваг (Вельский погост на реке Ваге) на плотях с пушниной, а обратно - на легких лодках. Соль, железо и красный товар (ткани) привозил Отеня с низу и вновь вел мен с чудинами на пушнину. Вож подал знак плыть дальше. На обратном пути он навестит свата Отеню. Застать бы в жиле Чугло и решить все дела до вечерней зари.

Река вновь сделала крутой поворот, вот и песчаные горы по правому берегу. Дальше на горе - жило вожа Чугло. Род жил по старому в

землянках, посреди жила покатая поляна, из под старой ели бил прозрачной холодной водой источник (родник). У землянок дымились кое-где грудки, около них суеилось несколько женщин. Кругом бегали три-четыре челяденка.

У землянки вожа также теплилась грудка. Жена вожа Вайга спешила навстречу Лутоне. Они обнялись, похлопывая друг друга по спине, и соприкоснулись лбами (приветствие чудинов). Лутоня подал Урчо дубец. Вайга поочередно обняла Ило и Божана. Урчо передал Вайге несколько оберегов на наузе.

- Да хранят твой род духи, Вайга.

- Да хранят твой род духи, Лутоня-вож.

Из землянки вышел старик, высокий, сухой вож Чугло. Его дубец венчал острый клык волка, поверх накидки на шее вожа висела науза с его изображением. На поясе из выделанной волчьей лапы висел широкий железный тесак. Ради гостя вож одет в гачи и мягкие морщи. В глазах усталость, сморщенная кожа лица желта. Старик не мог отойти от тяжелой зимы. Неуверенной походкой он подошел к Лутоне.

Вожи обнялись и соприкоснулись лбами.

- Да хранят тебя, вож Чугло, духи светлого мира, пусть не тупится красная стрела твоей жизни! Ах-ва!

- Хранят тебя и народ твой, вож Лутоня, духи светлого мира. Ах-ва! Какая тужа привела тебя? Взойди в мою витальницу (жилая комната). Будем баять (говорить). Вайга, проводи людей вожа и пошли за арбуем, пусть придет, нужен. Я сказал.

Широким жестом Чугло пригласил Лутоню в витальницу. Усадил на широкую полать, покрытую шкурой волка (кобо). Чучело огромного кобо стояло в углу витальницы. Здесь поклонялись волку, он хранил род Чугло от лесных духов. Урчо внес в витальницу сумки с дарами. За ним вошел кудес Чугло - косой Коч. Они сели на маленькую полать ближе к кобо.

Вожи долго говорили о прошедшей холодной и голодной зиме. О приметах на охоту в будущую зиму, о запасах рыбы, об ушедших в мир теней за время их последней встречи людей. От рода Чугло зимой отшатились (отошли) охотники Андо и Гач с сынами, ушли на речку Коленьгу там встали. Да к урису Отене отшатились две семьи в приживалы. Всему виной голодная зима. В голубых глазах старого вожа заиграла искра удовольствия от подарков Лутони.

- Забеднял зимусь совсем, в шорошках пусто, не будет удачи этой зимой - не выживем. Дадут ли духи удачную охоту, не уйдет ли зверь вглубь тайги?

Обо всем поговорили вожи. Кудесы тоже тихо о чем-то шептали, обменивались амулетами. Ждали основного разговора, где потребуются жолам их совет. В витальницу вошла Вайга.

- Вожи! Пора полдничать. И молча удалилась.

Чугло пригласил всех на воздух под деревья, где суеились женщины

рода, готовя трапезу для гостей. Урчо передал им пестери с припасами, что взял с собой Лутоня.

За трапезой Лутоня передал туесы с медом и солью. Вайга старалась положить в лать брата и его сынов лакомые куски запеченной в глине птицы, подкладывала свежие пучки дикого лука.

Закончив трапезу, вожи и кудесы вновь вошли в витальницу. Лутоня отпустил сыновей на двух лодках до стана Отени, сказав, что к ночи и сам приедет. Обговорил с Чугло, как прибрать чапуна, надеясь на охотников Отени. Лутоня уговорит уруса помочь. Кудесы решат, как задобрить духа медведя и сумеют отвести месть хозяина от рода Лутони. Урчо останется в жиле Чугло, чтобы забрать лапы, голову и шкуру чапуна. Закончив переговоры, Чугло отпустил кудесов, велел послать в витальницу жену его Вайгу. Она тихо вошла и присела на низкой скамеечке.

- Брат мой, вож Лутоня, - тихо заговорил Чугло. - Зиму я не переживу, желтеть начал. Как только призовут меня духи в мир теней, возьми в жило себе мою жену Вайгу и семьи двух наших сынов, они тебе не чужие. Если охотники рода выберут себе нового вожа, пусть живут вотчиной. Если вотчина разделится, прими под свою руку тех, кто пожелает придти под покровительство лесного хозяина. Такие найдутся. Вотчину мою возьми под свою руку. Кудес пусть спрячет образ кобо в тайге. Я закажу спрятать меня здесь, на песчаных горах, у родной реки. Я сказал.

- Брат мой, вож Чугло, духи добры к тебе и не возьмут в мир теней твою душу. А если это случится, я исполню все, что ты просил. Вайга мне старшая сестра, и ей найдется место в моем жиле. Все будет по слову твоему. Я сказал.

Вожи молча обнялись и коснулись друг друга лбами.

- Иди, вож Лутоня, да хранят тебя духи. Ай-ва!

- Да хранят тебя духи, вож Чугло!

Под мощные гребки крепких рук вожа лодка побежала вверх по течению реки. С последними лучами солнца он причалил к берегу у Отениного починка. Першо ждал отца на берегу.

- Тато, охотники в утро уйдут в твою вотчину. Отеня ждет тебя дома. Братья в моем жиле.

- Добро. Скажешь старику, что буду утром. Иду к тебе. Устал я, сын. По добру ли живешь?

- По добру, тато. Заходи в витальницу, вечерять будем, хлебово стынет.

- Дильно, сын. Оноводни поговорим. Сначала побаю с Отеней. Дети спят?

- Ждали тебя, да сморило, спят.

- Рада?

- Ждет тебя в витальнице.

Лутоня вошел в избу сына, встречу, широко раскинув руки, кинулась

Рада.

- Тато! Хранят тебя духи! Давно не был у нас. А в новой избе и вовек не был. Челядь скоро отца догонит. Она коснулась лба Лутони и похлопала его по широкой спине.

- Вот тебе, названная дочь, с ребятишками подарки от нас, чуди белоглазой, как твой отец прозвал мой народ.

- Не со зла он!

- Знаю, Рада, знаю. Отец твой добро относится к нам, тебя в дочери мне дал. Хранит тебя Бог Исус.

- Садитесь к столу, все простынет, - Першо усадил отца. В разговорах и повечеряем.

- Тато, ложе готово, вот сюда за заплот, у Першо тут духи хранятся, что Урчо посылает. Изголовь из медвежьей шкуры, а постель сон-травой набита.

- Любо, Рада, любо, не гоношись. Ужо управлюсь. Устал сегодня.

- Татеньке я уже сказала, что утресь у него будешь, ждет старик.

Рада вышла из ложницы, прикрыв за собой заволочку. Раздевшись, Лутоня удобно устроился на пахучем ложе. Свежесрубленные стены приятно пахли смолкой и тайгой. Прикрыв устало веки, он думал:

- Дородно живет Першо, за него душа не болит, вскормит род свой. Утресь надо сходить к трем елям, где покоит Отеня под большими деревянными крестами тела любимой жены Гордеи да друга своего, с коим пришел, Доброги. Это он привел ватагу из Нова-Города на Кулой-реку.

Старику приятно, когда дорогие сердцу могилы навещал сват Лутоня, добрел старик от такого внимания. Детям дал завет по кончине его положить рядом с Гордеей. Ну, да еще крепок старик, потопчетя.

Другой сын, Коснята, при отце. Любим (имя) своей семьей рядом живет - кузнец дельный. Жена - чудинка Идень. Добро живут, землю владеют, две лошади...

Любим с Остей - те торгом правят да охотой, помощники Отене на старости, не пропадет его дело. Последние, Кольча да приемыш Осташко, те за землю ухватились, хлебушко растят. На взгорке вон уже три избы стоят, Осташина деревня. Принимают в приживалы к себе и чудь, что охотят к земле. Новины разделявают, наволоки чистят. Крепко за жизнь ухватились, не оторвать отдела! Добро живет старый Отеня, крепок его корень, род растет - не заломашь.

Тихо и незаметно его сморил сон...

С первым лучом солнца Лутоня был уже у крестов. Молча постоял под сенью могучих елей. Отсюда далеко видно окрест: жило вожа Чугло, вотчина самого Лутони, все повороты реки с притоками и хлебные поля Отени, обе деревни. Хорошее место выбрал старик для упокоения дорогих ему людей! Все, что он делает, видно им отсюда.

Бог Исус отдыхать сюда прилетает. Хороший Бог у Отени, заботливый, добро хранит род старика.

Лутоня направился вниз к деревне. Встречь ему шел Отеня, похозяйски оглядывая хлебные поляны.

Женщины начали жать жито. Колос набрался добро, солома богатая. Будет чего жевать коровам длинную зиму. Будет назем, будет и новый колос. Мужчины прибирали поздний вал на взгорье, еще одно поле прибавится. Молодец, Остатка, крепко землю грызет, будет толк из них с Кольчей. Одной охотой не проживешь, надо хлебушек растить, землю под руку брать. Чуюл хитрый Отеня: набегут скоро сюда вольные люди, земля здесь хоть и тяжелая, но пока свободная. Есть толк, дак хозяйствуй. Увидев идущего навстречу Лутоню, он довольно заулыбался и, раскинув широко руки, приветствовал свата:

- К моим ходил, вож?

- Ходил, сватко, ходил. Тихо там, хорошо! Вот к тебе шел побаять.

- Рад тебя видеть, Лутоня-вож! Коим ветром к нам прибило? Вишь, хлеб собираем, урожай дородный нонь, вольно зимовать будем. Пойдем в деревню, ладком все обаем да пополдничаем. Сын твой у дома уж топчется, здоровались. Рада вчерась сказывала, что утресь будешь.

В прохладе дома, усадив гостя на широкую лавку в сутнем углу, Отеня принес жбан холодного квасу, высокую сулею со сбитнем. Рада хлопотала с закуской. Собрав стол, она оставила мужчин для беседы.

- Сват мой, Отеня, скоро придет пора бирки сверять. Старик Чугло не справит нынче выхода Нова-Городу, пусты его шорошки, а до зимы какая пушнина. Привезу его выход со своего жила, надо дать старику встать на ноги, болен он, желтеет, и вотчина его шатается.

- Надо, сват, посмотреть его бирки.

- Бирки у меня, задолг небольшой.

- Ну добро, тебя, вижу, не проведешь.

- С этим мы с тобой уговорились?

- Уговорились, вези выход, забирай бирки. Скоро побегу в Урусов стан к Васке Горлу, старосте кулойскому, с выходом для города, рассчитаюсь - да и с плеч долой.

- Сватко, младшему Вожану жену надо на осень. У Чугло нет девок. Андо своих на реку Коленьгу увел, там прибился.

- Ну, тужить не будем, девки в деревне есть. Охота парня сюда прибить. Может, к земле прирастет?

- Я бы тоже хотел этого, на земле жить сытнее, да и мне спокойнее. Першо рядом, научит, с жиллом поможет.

- Парень видный у тебя. Главное, любопытный. Видел вечер. Есть у Осташи старшая дочь на невестах. Окручу. Да и Першо поможет, они с Осташей в дружбе, заодно землю поднимают, лишние руки не

помешают. Лес на избу на очищах свежий запасен, с хлебом управимся и срубим четверик.

- Еще двух девок в жены пора отдавать из жила, у Чугло не договорились, не поспели парни еще.

- Не поперечат, дак и девок возьму. Две семьи нын в приживалы пришли, там парни есть. Отене нужны руки в деревне, земелька тяжелая, хоть и скусным одаривает. Смотрел я, сват, и на другого твоего, на Ило. Тот к земле не пойдет. Держи при себе, учи, после тебя вожем будет, да и мне лучше - родня, чай, посговорчивей будет. Тут, видишь, уже тесновато стало, охота еще деревню начать, ниже по реке негде, а вверху земли много, не тесно, чай, будет. Пустишь ли в вотчину-то?

- Крепко, сватко, вервью вьем, сговоримся. Места хватит всем. А с вами поспокойнее будет. Не обидишь после?

- Не обижу, сват, не обижу. Легче и вам будет, народ твой пора к земельке приучать. На земле, брат, не пропадешь!

- Верю тебе, Отеня, не раз выручал, худому меж нами не быть.

- Вот и ладно. Есть на мену пушнина-то? Собираюсь по волоку до Пречистенского стану сбегать, на Вагу. Пробили путик через тайгу. Торжок, вишь, там.

- Есть, сватко, и на мену шкурки старого запаса, не замутнились. И бобер, и пардус найдутся. И соболька найду. Железо нужно! Да и соль к осенним ловам рыбки не помешает.

- Ну, дак и прибегай с товаром-то. Не обману, не тужи. Самого бы взял на торг, да толку что? Обведут тебя ярыги, не торговец ты.

Лутоня от приятного напитка добрел, кровь бурлила в его теле. Отеня, хитро улыбаясь, следил, чтобы кружка вожа не была пустой.

За беседой сваты засиделись за полдень. К Отене то и дело заходили домочадцы за разрешением того или иного вопроса в обширном хозяйстве старика. Они с одного слова понимали хозяина и удалялись. Приходил Першо узнать о планах отца. Отеня и тут дал дельный совет:

- Божан пусть у тебя поживет, приглядится. Да и в хозяйстве вам с Осташей руки не лишние. Пусть Осташко зайдет, уговоримся.

- Пусть будет так, - сказал подобревший Лутоня. Я к ночи домой уйду.

Осташа появился в избе к вечеру, уставший. Разговор пошел о свадьбе. К радости стариков Осташа одобрил их решение. Он с удовольствием возьмет в дом Божана. Закрепив уговор сбитнем, Осташа поспешил к делам. Лутоня засобирался до дому. Отеня вызвался проводить вожа к лодке.

- Храни тебя Бог Исус, Отеня!

- Тебя, вож, хранят твои духи, - сунул в лодку зепь с подарками для Лутони.

- Скоро жду тебя, Лутоня-вож.

- Буду!

Он легко погнал лодку вверх по реке и вскоре скрылся за извили-
ной. Река тихо несла свои воды, унося заботы вожа в забвенье, в исто-
рию, в легенду...

Оглавление

Суметы	5
Шесть дней детства	35
Кула	55
Божий человек	58
Трактористы	62
Последний табор	64
Суседушко	67
Забывтое ремесло	69
Дальше была война... ..	73
Подранки	75
Поселенцы	77
Вдовый плес	80
Подпасок	83
Со пивком, да за свадебку	90
Не будем унывать	96
Федосья	101
На сенокосе	103
От сумы да от тюрьмы	106
Палата №... ..	108
Доживалы	111
Кий-камень	115

В. Антуфьев

Над белыми плесами

Отпечатано в МУ «Редакция газеты «Верховажский вестник»

Заказ № 278 Тираж 150 экз. 2004 г.

Ответственный за выпуск	Т. Погожева
Компьютерная обработка, верстка, дизайн	В. Сулов
Фото	А. Погожев
К читателям	Т. Погожева

Сдано в набор	21.01. 2004 г
Подписано в печать	18.03. 2004 г.
Бумага	«Копи-Лайн»
Гарнитура	«Таймс»
Печать	Цифровая